

ПАЛЕОНЕССКАЯ ДЕВА

СЕРГЕЙ БОГАТКОВ

Кларисса с детства тренировалась, чтобы поступить в Военную Академию и стать одной из Палеонесских дев — элитных воинов на службе государства. Но назревающий дворцовый переворот и тесная дружба с наследницей престола поставили под угрозу всё, что ей дорого.

На другой части континента леди Камилла Рокберри добилась должности управителя и трудится не покладая рук. Плохая репутация рода и происхождение работают против неё. А неожиданное письмо из Палеонесса с приглашением на праздник проигнорировать никак нельзя.

Их обоих втянули в политическую игру, где борьба за власть важнее человеческих жизней.

Маленькая деревушка на окраине Палеонесса издалека казалась обычной и неприметной. Но, идя туда, послушница Талия знала, что предстоит увидеть, и не боялась.

Пройдя деревянные ворота главного входа, она стала свидетелем того, как время будто остановилось. Не было слышно детей, бегающих по поляне, скот томился в ожидании пастыря, а рыболовная сеть на пристани лежала, брошенная в спешке. Пройдя к центру деревушки, Талия увидела на земле тело мальчика, лет пятнадцати от роду. Он аккуратно лежал на боку, не шевелясь.

Только знающему человеку сразу станет понятно, что здесь побывали душегубы, принеся смерть по приказу Его Величества. Отряд безжалостных убийц, которых ещё детьми отбирают на службу. В Палеонессе дар душегуба уже давно был вне закона и только доверенные лица государства знали о существовании этого отряда. Талия прошла чуть дальше, в самый центр деревушки, и увидела ещё несколько тел. Пожилой мужчина лежал, обнимая маленькую девочку, а неподалёку две женщины, бездыханные тела лежали рядом друг с другом. Никакой крови и никаких следов сопротивления. Душегуб способен убить одним прикосновением к коже, причиняя при этом сильнейшие страдания.

Необходимо было удостовериться, что никто не выжил и не сбежал. И пока несколько блуждающих прочесывали местность в округе в поисках сбежавших свидетелей, ей выпало простое поручение от главы отдела тайной канцелярии — проверить территорию деревни. Талия была молодой, подающей надежды послушницей, и судьба шла ей на встречу. Уже после года обучения в Военной Академии её взяли под покровительство на службу Его Величества.

Шаг за шагом она ходила, вслушиваясь в мертвую тишину. Нужно было проверить все дома и закоулки. Но только один из деревянных домиков, с раскрытой нараспашку дверью, почему-то сразу привлек внимание. Увидев чье-то тело на полу, она решила зайти внутрь и осмотреться. В самом углу, возле окна лежала женщина, а возле выхода покоился глава семейства. Талия присмотрелась, пытаясь понять, почему женщина не убежала, а забилась в угол, где её и убили. Может, решила, что бежать уже поздно?

Талия хотела поближе рассмотреть женщину, но звук скрипнувшей половицы под ногами заставил замереть на месте. А вслед за ним она услышала плач ребенка. Ещё несколько секунд стояла замерев, решив, что просто послышалось. Затем схватила ещё теплую руку женщины и аккуратно отодвинула тело. Небольшой круглый коврик закрывал собой неприметный люк в подпол.

Отворив скрипучую дверцу люка и спустившись вниз, Талия осмотрелась и сразу нашла источник звука. Маленький ребенок лежал, завернутый в белое одеяльце, посреди запыленного, заваленного хламом, темного подвала.

— Они тебя не нашли, — вслух сказала Талия, будто дитя могло ответить.

Ещё несколько мгновений она просто стояла, глядя на ребенка и не зная, что делать. Никто не должен остаться в живых — таков приказ.

Но она так и не обнажила с пояса Алкрийский кинжал, не обагрила его кровью. Всё изменилось в одно мгновение. Взяв ребенка на руки, Талия ощутила пальцами тепло нежной кожи. Ребенок улыбнулся и потянулся к ней ручками. Талия знала, что если выдаст его, не простит себе никогда в жизни.

Когда придёт ещё один отряд, здесь начнут зачищать следы. Трупы перенесут в дома, затем подожгут, оставив только пепел и обугленные тела. А после, истинная причина жестоких убийств будет навсегда вычеркнута из истории Палеонесса.

Глава 1. Военная Академия

Несмотря на свои двадцать пять лет, Кларисса волновалась так же, как и в тот день, когда впервые собиралась в школу. Тогда она чувствовала себя словно затворница, которой предстояло выйти из дома, находившегося посреди глухого леса, в общество цивилизованных людей. Военная Палеонесская Академия — престижное место для каждого, кто готов заявить о своем праве обучиться и получить звание деви Палеонесса.

Кларисса успешно прошла экзамены, получив одобрение всех наставников. Она справилась с выданными заданиями, отвечала на вопросы об изученном в школе, хорошо показала навыки владения оружием ближнего и дальнего боя. И знала, что день поступления не забудет никогда. С разных уголков Палеонесса в Академию прибыло множество семей. Главный зал Академии без труда вмещал столько девушек, сколько Кларисса не видела никогда в жизни, а высокие потолки, белые колонны, позолоченные подсвечники и люстры с множеством свечей делали его архитектурным шедевром. С местной школой Клариссы эти масштабы не входили ни в какое сравнение. Она гуляла по залу, поглядывая на других поступивших, и периодически ловила на себе любопытные взгляды.

Мимо периодически проходили послушницы в легкой броне и серебристых масках. Ученицы Академии, проходившие мимо, то и дело засматривались на новоприбывших. Кларисса чувствовала себя неуютно. Некоторые, как она, в одиночестве ждали, что будет дальше, озираясь по сторонам, другие, сбившись в кучки по два-три человека, полусшепотом обсуждали будущее обучение. По залу ходили наставницы в черных плащах, наблюдая за порядком. Все терпеливо ждали, когда экзамены наконец закончатся. Кларисса изрядно устала за день, да и походная сумка за спиной стала потяжелее.

Пока она искала, с кем бы пообщаться, какая-то девушка мягко толкнула в плечо:

— Привет. А я тебя видела на поступлении. Хорошо из лука стреляешь.

Кларисса напрягла память, пытаясь вспомнить девушку и невольно задержала на ней взгляд. Высокая, стройная красавица с озорными огоньками в глазах и по-детски искренней улыбкой. Длинные ухоженные волосы, аккуратные кисти рук и шитый золотыми нитями плащ говорили о том, что она из очень богатой семьи. И, казалось, она совершенно ни о чем не переживала.

— Спасибо большое, — ответила Кларисса, так и не вспомнив девушку.

Она хотела спросить, как её зовут, но длинноволосая опередила, показав пальцем на взрослого мужчину, стоявшего поодаль:

— Видишь его? Это привратник Веймар. Если собираешься на боевую подготовку, то это только с его одобрения. Кстати, меня зовут Ави.

— А я — Кларисса.

Знакомство точно не было лишним, к тому же девушка вела себя довольно дружелюбно. Кларисса думала, что не найдет себе хороших подруг в Академии, потому что в школе была почти что изгоем. Уродливой или страшной она не выглядела, но прослыла отличницей, общаться с которой особо никто не желал.

Кларисса хотела спросить, как прошло поступление Ави, но полусшепот новокурсниц заглушил мужской командный голос с пьедестала:

— Все новенькие, встаньте ближе ко мне.

Девушки сразу же принялись выполнять указание, и все до единой обратили внимание

на привратника. Этот высокий статный мужчина в черном плаще и с алкрийским клинком на поясе и без того привлекал восторженные девичьи взгляды. Он терпеливо стоял и ждал пока новоприбывшие встанут поплотнее, величественно держа руки за спиной и наблюдая за всем сверху вниз.

— Прежде всего, позвольте поздравить вас с поступлением в Военную Палеонесскую Академию, — начал он, и все голоса разом стихли. — С завтрашнего дня у вас начнутся занятия. Сегодня после расселения все должны оставаться в своих комнатах, никто никуда не выходит и не шумит. Любое нарушение дисциплины будет пресекаться. Если кому-то что-то нужно спросить или уточнить, подходите лично ко мне или к...

— А вот та женщина — дева Талия, — шепнула на ухо Ави, показывая пальцем на деву в черном плаще у стены холла. — Она очень суровая и лучше с ней...

Кларисса шикнула в ответ, заставив знакомую замолчать. Не хватало ещё пропустить мимо ушей полезную информацию.

— ...не каждой из вас. Дева — не просто звание. Это символ величия нашего государства, образец мужественности, чести и справедливости. Думаю, многие из вас уже знают, что в позапрошлом году в Академии изменились правила. После первого года обучения те, кто желает получить звание девы, должны буду заручиться одобрением хотя бы двоих наставников, а также пройти мои экзамены по боевой подготовке и оружейному делу. Остальные смогут отправиться на факультеты свободных искусств. Учитесь прилежно и не нарушайте дисциплину. Сейчас вас разделят на группы, затем начнем расселение по комнатам по два человека. В свободной форме.

Среди новокурсниц вновь послышался волнительный шепот. Одни начали оглядываться друг на друга, рассуждая, кто с кем будет жить, другие восхищенно обсуждали привратника. И пока всё это происходило, место оратора заняла женщина в черном плаще. Суровая дева Талия. Несколько мгновений она смотрела на будущих учениц сверху вниз, затем громко скомандовала:

— Закрыли рты!

В один миг в холле Академии наступила гробовая тишина. Никто не хотел привлекать к себе излишнее внимание. Кларисса почувствовала, как по коже побежали мурашки. Ей был хорошо знаком командный голос ещё с детства, от матери, которая сурово учила порядку и в тоже время мягко хвалила за послушание. Стоявшая неподалёку короткостриженная девушка нервно сглотнула. Оглядев холл, дева Талия вновь дала команду:

— В колонну по двое, живо!

Девушки засуетились, стараясь исполнить приказ как можно скорее. Те, кто пошустрее, сразу же оказались в первых рядах. Другим в поисках места пришлось идти почти в конец холла. Кларисса зашевелилась, стараясь в толпе не потерять новую знакомую из виду, но та сама схватила её за руку и ловко потащила ко во второму ряду.

Дева Талия подошла к пьедесталу и уже более спокойным тоном распорядилась:

— Подходим в конец холла.

Кларисса вместе с новой подругой оказались в числе первых, кому повезло исчезнуть из холла и попасть на распределение по комнатам. Привратник собрал группу из десяти человек и, не дожидаясь остальных, повел всех за собой, в жилые помещения, располагающиеся на первом этаже. Кларисса, стараясь держаться Ави, шла за привратником прямо по коридору и то и дело озиралась по сторонам на высокие стены, исписанные орнаментами, и большие, в человеческий рост, витражные окна. Всюду прослеживалась

символика девы Палеонесса.

Клариссу вместе с Ави заселили одними из последних. Им досталась небольшая комната почти в самом конце длинного коридора. Но, перед тем как уйти за новой группой, привратник немного задержался.

— С поступлением, Авилина.

— Спасибо, привратник Веймар.

Поблагодарив, Ави слегка поклонилась. Комната выглядела довольно маленькой и непримечательной: две идеально застеленные кровати, поверх которых лежала новая ученическая форма, два сундука для хранения вещей, просторное окно с видом на внутренний сад Академии. На небольшом столике возле окна лежали два ключа от входной двери. А за стенкой были слышны едва различимые голоса заселившихся соседей.

Как только они остались вдвоем, Кларисса хотела было занять кровать, стоящую справа, но Авилина в тот же миг плюхнулась на неё, чуть не сев на новую форму.

— Чур, это моя. Ты не против?

Кларисса махнула рукой. Пусть будет так. Молча сев напротив, на краешек кровати, она сняла старую походную сумку и начала разбирать вещи. Мама положила туда всё самое необходимое, немного еды, воды и денег. Хотелось многое узнать о новой подруге, но спрашивать напрямую было как-то неловко. Однако любопытство пересилило, и она всё же решилась:

— Откуда ты знаешь привратника?

— Когда я была помладше, он учил меня обращаться с оружием.

— Учил тебя? — удивилась Кларисса.

— Да, давал личные уроки.

Кларисса принялась аккуратно складывать легкий дорожный плащ, чтобы убрать в сундук, а девушка пояснила:

— Он занимается с детьми богатых и влиятельных семей. А со мной и подавно, потому что я — будущая принцесса.

— Какая принцесса? — с недоумением спросила Кларисса.

— Самая настоящая. Авилина Альберти, наследница престола Палеонесса и дочь принца Освальда Альберти. Приятно познакомиться.

Глава 2. Детские мечты

Кларисса с детства привыкла вставать рано. Так приучила мама.

Они жили вдвоем в Солнечных равнинах — крупном поселении для богатых, недалеко от городских стен столицы. В восемь лет Клариссу отправили обучаться грамматике, арифметике и риторике в местную кафедральную школу. Она возвращалась под вечер, но не для того, чтобы отдохнуть. Её заставляли оттачивать один из даров под чутким руководством наставника или заниматься боевой подготовкой. В шестнадцать лет Кларисса уже неплохо стреляла из лука, умела обращаться с мечом и без усталости бегала на длинные дистанции. Просыпаясь ранним утром, она завтракала и шла на поле за домом, где тренировалась владеть оружием. Мама к этому времени уже работала в столице и неплохо зарабатывала.

Их мирная, размеренная жизнь шла своим чередом. Когда в один из вечеров раздался стук в дверь, Кларисса оторвалась от чтения, чтобы поприветствовать незваных гостей. На улице начинало темнеть, но мама без опасений открыла. В поселении все соседи знали друг друга, и нередко к маме приходили за настойками и травами, которые она делала сама. На пороге стоял мужчина, лет сорока на вид, укутанный в дорожный плащ. Оружия при себе он не имел, а добродушное лицо и приветливый взгляд располагали к беседе. Кларисса всех местных знала в лицо, но этого видела первый раз в жизни.

— Восславим вечных? — спросил гость.

И мама сразу ответила:

— Да будет велика их слава.

Затем пропустила путника в дом и велела дочери:

— Иди к себе в комнату.

Кларисса послушно ушла на второй этаж и не слышала ни единого слова из их беседы. Гость просидел в доме дотемна. Незнакомые люди изредка приходили и раньше, и каждый раз это был кто-то новый. В школе учителя обмолвились, что вера в вечных — запрещённый законом культ. И, конечно же, Клариссе не разрешалось рассказывать кому-либо о таинственных гостях.

Мама пропадала на работе иногда до позднего вечера, а бывало и вовсе не приходила домой. В свободное время она собирала травы в лесу, неподалёку от деревни, и варила разные настойки. Мама обладала исключительным обонянием и различала тончайшие оттенки запахов. Иногда ходила в город, чтобы докупить каких-нибудь сушеных листьев или грибов. В доме на столе всегда стояли баночки с разными лепестками и кореньями, а в старом деревянном шкафу лежало множество засушенных трав, настоек от всевозможных хворей и недугов. Вероятно, по этой причине Кларисса никогда ничем не болела, кроме одного раза в детстве. Впрочем, травничество не сильно её интересовало, и большую часть свободного времени она посвящала чтению.

Вечерами, перед сном, Кларисса иногда представляла, как закончит Военную Академию и получит звание Палеонесской девы. Однажды она видела учениц Академии, когда отправилась с мамой в столицу на рынок. Позолоченные доспехи с выгравированным по центру цветком розы сияли в лучах летнего солнца, на кожаном поясе виднелся короткий меч в ножнах, украшенных узорами лепестков, на плечах — бело-голубой плащ. Серебряные маски и капюшоны полностью скрывали лицо. Она знала, что это были молодые послушницы. Все городские расступались перед ними, а дети с восхищением смотрели

вслед, дергая за руки родителей и показывая пальцами.

Кларисса была сдержанной для своих лет и потому спокойно шла рядом с мамой. Но всё же замедлила шаг, не в силах оторвать взгляд. Мама рассказывала, что когда ученицы заканчивают обучение, становятся послушницами и целый год упорно тренируются, прежде чем получить звание Палеонесской девы. На протяжении этого года они дают обет молчания и надевают маску безмолвия, символизирующую их намерения. Они принимают пищу и тренируются в уединении, подальше от людских глаз.

Один день из детства Кларисса запомнила на всю оставшуюся жизнь. Мать получила новую должность и решила приготовить знатный ужин. Хозяева, живущие через несколько домов, разводили скот, и в тот день продали маме небольшого поросенка. Кларисса очень хорошо помнила, как вошла на скотный двор и как в её руку вложили нож. Мать и раньше иногда покупала свиней и кур, но не было повода задуматься над тем, как именно их умерщвляли. Ей всегда приносили животных в мешке, и она просто учила, как правильно разделывать и готовить.

Хозяин скотного двора, пожилой мужчина с длинной бородой, быстро поймал купленную мамой свинью и приволок животное к ограде, туго нацепив на шею веревку.

— Давай, дорогая, — сказала мать. — Коли ей за ухо и перережь горловину. И пойдём.

Кларисса не могла вымолвить ни слова, потому что мама не предупредила её о таком. И как только она неуверенно сделала пару шагов, остальные свиньи тут же разбежались по хлеву. Покрепче сжав в руке рукоять ножа, она наклонилась и поймала взгляд животного.

— Давайте лучше я забью и донести помогу, — предложил хозяин.

Но мама холодно ответила:

— Нет, она должна это сделать сама.

Стало неприятно и некомфортно. Кларисса стояла и смотрела на свинью, продолжая держать в руке нож.

— Я не могу, — призналась она.

— Пока не сделаешь этого, домой не вернешься, — сухо ответила мама.

Кларисса с детства знала, что спорить с матерью часто было делом бессмысленным. Если она что-то твердо решила, то отговорить или переубедить её не хватало ни сил, ни терпения. И бывало, приходилось мириться с неизбежным и делать, что велят. В тот день она не почувствовала в словах матери ни капли сомнения. Кларисса помнила, как старалась держаться уверенно. Но в тот самый миг, когда нож проткнул живую плоть, произошло нечто странное и удивительное. Она почувствовала, как что-то внутри изменилось. Словно из ниоткуда возникло внутреннее побуждение, которое захватывает и не отпускает.

Казалось, что визг свиньи было слышно на всю деревню. На землю полилось столько крови, что и представить страшно.

Домой Кларисса шла молча, опустив голову. Ей казалось, что ничего хуже в своей жизни она ещё не совершала. Мать не нарушила молчания и никак не пыталась приободрить или хоть что-то сказать. В тот день дома она разделывала и готовила сама, пока Кларисса сидела в своей комнате. И только когда ужин был готов, позвала за стол. И, дождавшись, пока дочь начнет есть, сказала:

— А ты думала, мясо на столе само по себе в готовом виде появляется? Убивать дело непростое. Но ты не должна бояться. Они животные, а мы — люди.

Кларисса ничего не ответила и молча положила ещё еды себе в тарелку.

— И больше не смей говорить, что ты чего-то не можешь, поняла?

— Да, — тихо ответила Кларисса, стараясь не сталкиваться с матерью глазами.

Глава 3. Ночные откровения

Кларисса, привыкшая без труда справляться с заданиями в школе, удивлялась, насколько много времени теперь приходилось посвящать учебе. Не все наставницы были одинаково строги, но каждая требовала чуть ли не идеального знания по своему предмету. Иногда это казалось просто невыносимым. Пересиливая себя, Кларисса изучала материал и бывало засиживаясь до поздней ночи. Не спасали и несколько свободных дней в месяце, когда новокурсницам давали отдохнуть и выбраться в город.

Только Авилина не позволяла унывать и уходить с головой в монотонный материал, зарываясь в книги. Вечерами она всегда с готовностью поддерживала разговор на какую-нибудь интересную тему, лишь бы это не касалось учебы. В школе у Клариссы не было близких подруг, и по этой причине она очень старалась беречь отношения с принцессой, беспечности которой можно было только позавидовать. После классных занятий, обеда и практике по боевой подготовке Авилина иногда возвращалась в комнату и просто лежала на кровати. Заводила разговор на разные темы, рассказывала о жизни во дворце, об интересных местах в столице, которые непременно нужно посетить, в то время как Кларисса перечитывала страницы учебника, повторяя материал. Разговоры хоть и отвлекали от учебы, но не досаждали, и она была даже рада тому, что впервые в жизни было с кем поговорить, кроме мамы.

— Вот окончу Академию и стану править целым государством, — мечтательно представляла принцесса. — Буду Авилиной Палеонесской, первой своего имени. Вернусь сюда, а все будут расступаться и кланяться передо мной.

— Хорошо, хоть не падать ниц, — усмехнулась Кларисса. — А пока что тебе стоит сесть и повторить со мной историю Палеонесса.

— Думаешь, я историю собственного государства что ли не знаю?

Несмотря на протест, Авилина всё же уселась рядом и взяла книгу. Каждый вечер они привыкли проверять друг друга по слаженной схеме. Вместе перечитывали материал, запоминали, а затем спрашивали друг друга по очереди. Ави, хоть и не отвечала идеально на все вопросы, но старалась выучить всё с первого раза, и когда было нужно, садилась и доучивала.

— А как у нас дела с передачей земельной собственности на севере Палеонесса, дева Кларисса?

— Все дела там давно уже улажены, Ваше Величество, — устало подыгрывала Кларисса, отбирая учебник у подруги.

— Высочество, — поправляла Авилина.

Кларисса устало вздохнула. Иногда совершенно не хотелось учиться.

— Эта учеба полная скукота. Давай лучше, я тебе кое-что покажу? — заговорчески спросила Ави. — Есть одно тайное место в Академии. Хочешь, прогуляться?

— Сейчас?

Кларисса удивилась только потому, что после звона колокола было запрещено выходить из своих комнат до рассвета.

— Да, сейчас, — настояла Авилина. — Днем, у всех на виду, туда так просто не попасть. А сегодня ночью дежурить остается дева Идения, её можно не бояться. И вообще, ты всю жизнь собираешься следовать правилам?

Кларисса никогда и не задумывалась над тем, что всё детство провела в учениях и тренировках по воле мамы. А теперь тоже самое делает по воле Академии. Да, она прилежная ученица, которая никогда не была свободна от правил.

— Я тогда пойду одна, — угрожающе предупредила Авила.

— Куда пойдешь?

— Узнаешь, если составишь мне компанию.

Раньше Кларисса бы отказалась и без зазрения совести отпустила подругу. Но теперь она побоялась, что та обидится и вообще откажется разговаривать. Терять подругу как-то совсем не хотелось, и пришлось согласиться.

Авила аккуратно выглянула из двери, а затем смело вышла из комнаты, жестом маня за собой. Клариссу вновь окружили холодные стены, большие витражные окна и белоголубые потолочные орнаменты. Только свет луны местами освещал темный коридор. Двери в комнаты учениц располагались строго одна за одной прямо вдоль длинного коридора. За некоторыми из них были слышны приглушенные разговоры и кое-где даже горел свет. Коридор пустовал, и казалось, что вот сейчас из-за угла появится наставница, застукает их, и тогда проблем не обернешься. Юная принцесса шла впереди медленно и тихо, всеми силами старалась не шуметь.

Спустившись на первый этаж, они добрались до неприметной комнаты в правом крыле Академии. Зайдя внутрь и тихо закрыв за собой дверь, Кларисса услышала, как подруга с облегчением выдохнула.

В маленькой комнате, куда её привела Ави, царил полумрак. Это помещение явно не использовалось. В углу стояли старые парты и стулья, по углам — шкафы для книг и пустые, покрывшиеся пылью полки, в другом конце помещения несколько старых сундуков. Окна наглухо занавешены плотными пыльными шторами. Пока Кларисса осматривалась, пытаясь привыкнуть к темноте, Ави уже успела ненадолго исчезнуть и вернуться.

— Смотри-ка, что у нас тут есть.

Принцесса подошла с взявшейся откуда-то стеклянной бутылкой вина. Вместе они сели прямо на пол, облокотившись на большие деревянные ящики.

— Ну, за корону, — полушепотом провозгласила Ави. — За будущую принцессу, которая будет делать, что захочет.

Она, не скупясь, довольно изрядно приложила к бутылке. Что-то подсказывало, что Ави заранее спрятала его в этой комнате и только и делала, что ждала момента, чтобы выпить. Принцесса не пожадничала и сразу же передала напиток подруге. Слегка пригубив бутылку, Кларисса ощутила мягкий сладковатый привкус. Ничего лучше в жизни пробовать не доводилось и, судя по всему, вино было очень дорогое. Прямо с королевского стола, не иначе.

— Везет тебе, — от души позавидовала Кларисса. — Твое будущее уже предопределено. А я ещё точно не знаю, получится ли стать тем, кем хочу, после Академии.

— Только не забывай, что меня никто не спрашивал.

В голосе Авилы звучал едва уловимый упрек. Кажется, что-то тревожило будущую принцессу, не давало покоя.

— Разве так плохо быть наследницей престола? — осторожно спросила Кларисса, передавая бутылку обратно. — Я думаю, любая была бы рада оказаться на твоём месте.

— Неплохо, конечно. Только вот отец вечно занят делами государства. Мать последние годы часто не появляется дома. Чему я, честно говоря, невероятно рада.

Кларисса вопросительно посмотрела на подругу. Прежде чем ответить, Ави сделала несколько жадных глотков, будто очень хотела пить, и пояснила:

— Моя мама самая строгая на свете, чтоб ты знала.

— Моя может легко с ней в этом посостязаться, — усмехнулась Кларисса.

— Нет, правда, это так. Она только и делает, что твердит, что титул надо заслужить, и мне пора бы уже давно взяться за ум.

Кларисса притихла, не зная, что и сказать. Они недолго прожили вместе, но Авилина первый раз решила завести разговор про отношения со своей королевской семьёй. Может быть, это действовала обстановка и алкоголь, а может, она просто хотела выговориться. Кларисса молча взяла бутылку и снова сделала небольшой глоток, почувствовав на губах сладкие оттенки. Видела бы сейчас мама, как она пьет вино в какой-то комнате Военной Академии в компании будущей принцессы, которая должна заслужить свой титул.

— Может, твоя мама права? — всё же спросила Кларисса.

— Может быть. Только последние годы она часто напоминает о том, сколько всего достигла в моем возрасте. И что мне нужно перестать быть позором семьи, начать собственный путь к престолу через труд и достижения. — Ави выхватила вино и сделала большой глоток, прежде чем продолжить. — Когда я была маленькой, она всячески старалась сделать из меня достойную наследницу. Нанимала разных учителей, запрещала общаться с друзьями из низкого сословия и даже есть сладости. Постоянно контролировала. А если я нарушала запреты, долго отчитывала и заставляла просить прощения, чуть ли не стоя на коленях. А ещё она угнетатель. Ну, знаешь, это один из самых редких даров. Во всем мире их осталось довольно мало, и слава Малеону.

Кларисса знала многое о дарах и прекрасно понимала, о чем идет речь. Угнетатель — один из тех даров, которому можно обучиться только под наставничеством другого одаренного. И нет никакой гарантии, что, начав обучать человека, пусть и с самого детства, он станет стоящим угнетателем. Некоторые силы обходятся слишком дорогим и упорным трудом.

— Если она ругалась на меня, то заставляла испытывать стыд и глубочайшую вину, — продолжила Авилина. — Иногда даже страх. И это хуже любого наказания. А знаешь, что в угнетателях самое страшное? Даже если ты понимаешь, что испытываемые чувства навязаны, тебе всё равно от них не избавиться. Это как иллюзия, которую продолжаешь видеть, зная, что всё обман. Только со временем я начала сопротивляться её дару. Все-таки, у меня от отца кровь благословленного, а дары на таких как мы не работают.

Кларисса попыталась представить, каково это, когда внушают ложные чувства. Собственная мать и так особо не жаловала, но Кларисса всё же была ей благодарна. Только с помощью учения и тренировок она смогла успешно закончить школу и поступить в Академию, следуя своей мечте.

— Так вот, когда настала пора поступать в Академию, мама сказала, что если я не получу одобрение двух наставниц в этом году и не заявлю о желании получить звание девы, она вообще может лишить меня престола.

— А такое возможно? — удивилась Кларисса.

В ответ Ави многозначительно пожала плечами.

— Не знаю. Я единственный ребенок в семье, и наш род правит Палеонессом уже многие века, не передавая это право никому другому. Отец, конечно, такого не допустит. Но мне всё равно было неприятно такое слышать.

Кларисса почему-то решила уточнить, хоть и заучила наизусть все имена правителей за последние два столетия:

— Ты же говоришь про принца Освальда, верно?

С неохотой в голосе Ави подтвердила:

— Он самый. Глава государства для всех остальных, а для меня просто папа, который вечно занят делами. Он меня любит, но мне не часто удается поговорить с ним наедине, вдвоем, как с тобой сейчас.

Кларисса взяла бутылку и сделала глоток, чувствуя, как по телу начало разливаться тепло, а рассудок слегка помутнился. Она хоть и знала, что Авилина принцесса, но это всегда было лишь на словах. Раньше бы она сказала, что не такой представляет себе дочь правителя Палеонесса. Ави часто вела себя легкомысленно по отношению к учебе, но что вообще Кларисса могла знать о жизни принцессы? Беспечность и ребячество тщательно скрывали внутреннюю борьбу против навязанной воли родителей и собственного предназначения.

В затянувшемся молчании Ави решила спросить:

— А кто твой отец?

— Он погиб от лихорадки уже очень давно, — ответила Кларисса. — Так что мама воспитывала меня одна.

Авилина вздохнула, пододвинулась поближе и сочувственно коснулась плеча подруги.

— Прости, пожалуйста, — искренне прошептала она.

— Ничего страшного, — поспешила успокоить Кларисса. — Я была тогда ещё маленькой и совсем его не помню. Мама говорила, что он был обычным мелким землевладельцем. Таких полно за пределами Алкории.

— И ты поэтому решила стать девой Палеонесса?

— Нет, просто меня с детства приучали к дисциплине, заставляли много заниматься. Я всю жизнь провела за книгами и тренировками. Так как-то само собой и получилось. Однажды я увидела послушниц, идущих по улицам Алкории, и не могла оторвать глаз. Потом в какой-то момент решила, что стану девой, и всё сложилось само собой. Я даже не...

Ави резко закрыла Клариссе рот ладонью и прислушалась. За дверью комнаты отчетливо слышались чьи-то шаги. В какой-то момент показалось, что сейчас к ним кто-то зайдет и нужно скорее прятаться, но шаги не остановились и вскоре начали удаляться. Авилина с облегчением выдохнула.

— Кажется, пронесло. Наверное, Идения ходит по коридорам. И чего ей не спится?

— Действительно, — согласилась Кларисса. — Надо было взять вино и вернуться в комнату.

— С ума сошла? — полушепотом возмутилась Ави. — Если нас в коридоре с алкоголем застукают, могут и исключить.

Кларисса нервно вздохнула. Ещё не хватало, чтобы из-за прихотей принцессы её исключили из Академии и жизнь пошла под откос. Впрочем, она сама согласилась на эту авантюру. А Ави, заметив страх подруги, поспешила успокоить:

— Не переживай, ничего ведь не случилось.

— Давай-ка и правда лучше вернемся?

Ави согласилась. Убрав бутылку обратно в безопасное место, она подошла к двери и некоторое время прислушивалась. Убедившись, что за ней никого нет, подала знак и тихонько вышла. Кларисса тихо шла рядом, держась позади, оглядываясь по сторонам и

прислушиваясь.

В Академии соблюдались строгие правила, и это прослеживалось во всем. Завтрак, обед и ужин проходили в одно и то же время каждый день. Ученицы ходили по коридорам спокойно и разговаривали друг с другом в пол тона, всегда приветствовали наставниц, склонив голову. Никто не бегал, не суетился, не кричал. Двери в личные комнаты всегда были закрытыми. В чужие входить строго запрещалось, а требование по поддержанию порядка было высоким. На уроках соблюдалась полная тишина. Ученицы сидели, ровно выпрямив спины и сложив руки вместе. За неправильный ответ на вопрос по материалу могли ударить палкой по рукам. А что происходило, когда кого-то из девочек вызывали лично к кому-то из наставниц за плохое поведение, Кларисса могла только догадываться. Возможно, особо серьезных нарушителей не гнушались и пороть...

— Шляетесь по ночам?

Авила резко остановилась, преодолев последний поворот в коридоре. До заветной двери в комнату оставалось совсем немного. Кларисса увидела, как прямо перед ними будто из ниоткуда возникла дева Талия.

— Вы что здесь забыли? — строго спросила она.

Авила решила отговориться, но голос её выдал мгновенно:

— Мы просто ходили в туалет и...

— И решили заодно выпить вина? Ну-ка живо за мной!

Дева Талия направилась обратно к лестнице на третий этаж, и ничего не оставалось, как пойти следом. Кларисса знала, что хоть от них и не сильно разило алкоголем, дева Талия распознавала запахи, используя дар нюхача. Авила молча шла, опустив глаза в пол и размышляя, видимо, над дальнейшей судьбой. А Кларисса полупшепотом спросила:

— Кажется у нас проблемы, Ваше Высочество?

— Замолкни, — процедила она сквозь зубы.

В небольшом кабинете, куда их привела дева Талия, царил полумрак. Вдоль стен стояли несколько стульев и шкафов с документацией, около окна — стол с беспорядочно разбросанными бумагами. На настенной полке пылились пустые сосуды для зелий, а рядом висел бело-голубой плащ девы. Кларисса и Авила вошли и остались стоять прямо посреди кабинета, в то время как хозяйка не стала церемониться:

— Значит так. Хождение ночью по коридорам, а тем более распитие алкоголя — это грубое нарушение правил Академии, думаю, вам это известно.

Ави хотела что-то сказать в свое оправдание, но Талия не позволила.

— Мы просто хотели...

— Замолчи!

Дева Талия подошла к принцессе почти вплотную и смотрела с нескрываемой ненавистью.

— Думаешь, что всё можно, раз ты наследница престола? И что ничего тебе не будет?

На этот раз принцесса промолчала, не пытаясь ничего возразить.

— Ну, пусть так, — подтвердила свои же слова дева Талия. — Тогда твоя подруга получит двойное наказание, за себя и тебя. А ты пошла вон отсюда!

Ситуация стремительно набирала обороты, но Кларисса не боялась. Весь гнев девы Талии был направлен на принцессу, а не на неё. Несмотря на приказ, Авила осталась стоять на месте. Талия недолго подождала и, взглянув на неё, спросила:

— Ты плохо меня слышала?

— Но мы были вместе, — возразила Авила. — Я тоже виновата и готова нести отве...

— Нет! — перебила Талия. — Привыкай к тому, что другие люди страдают за твои ошибки. И в следующий раз, когда что-то делаешь, думай о последствиях.

Принцесса осталась стоять на месте, не в состоянии что-либо ответить. А дева Талия повысила голос:

— Ты ещё здесь? Я сказала вон!

Авила резко развернулась и вышла. Услышав, как громко хлопнула дверь, Кларисса позволила себе выдохнуть. И услышала:

— Что стоишь? Садись.

Она послушалась. Командный строгий тон сменился усталым, похожим на родной, домашний. Талия села напротив Клариссы с бокалом вина в руках, внимательно посмотрела на неё и спросила:

— Хочешь стать слугой принцессы? И это моя дочь?

Глава 4. Мать

— Нас поселили вместе, и мы просто подружились. Почему тебя это не радует, сама, ведь, служишь королевской семье не первый год?

Вместо ответа прозвучали волнительные вопросы:

— Она не знает о нашем родстве? Ты же никому не говорила?

Мама уже много лет работала при дворе принца Освальда, рядом с которым находилась территория Военной Академии. Академия и дворец были тесно связаны, и при необходимости кого-то часто забирали из дворца для ночного дежурства в Академии, оставляя за старшего. Маму тоже отправили на эти дежурства, и она пообещала, что они иногда будут видеться. Похоже, дева Идения приболела, и сегодня маме пришлось ночевать в Академии. Собираясь на экзамен, Кларисса получила наказ ни в коем случае не говорить, что они родственники.

— Я никому не говорила, — честно ответила Кларисса.

— Хорошо.

Кларисса молча вздохнула. Мама так и не сказала, зачем это нужно, а на вопросы всегда отвечала, что расскажет, когда придет время. И вот снова, предрекая любопытство, сразу же ответила:

— Не сейчас, дорогая.

— Это я уже слышала, — огрызнулась Кларисса.

Мама некоторое время молчала, а затем всё же решила кое-что прояснить:

— Вечные уже давно готовятся к осуществлению одной миссии в Палеонессе. Меня попросили о помощи, и то, что я должна сделать, не совсем законно. Вот почему никто не должен знать, что мы родня. Если меня схватят, тебя никто не тронет.

Теперь Кларисса не на шутку испугалась. Эти еретики давно не появлялись у них в доме, и Кларисса решила, что они исчезли из жизни мамы навсегда. Она никогда толком не рассказывала, какое имеет к ним отношение. А при разговорах упоминала только, что в детстве они очень помогли, приняв в свои ряды.

— Что значит не совсем законно? Мам, ты пугаешь меня.

— Хватит вопросов, дорогая, — устало протянула мама.

— Нет, рассказывай, — потребовала Кларисса.

Мама взглянула на дверь.

— Говори тише! Мало ли кому вздумается ещё шататься ночью по коридорам. Хотя, думаю, что таких как вы, ещё нужно поискать. — Мама встала и подошла к соседнему столу, сняв с полки пару склянок. — Знаешь, вот от тебя я такого никак не ожидала.

— Мам, прекрати заговаривать мне зубы, — попросила Кларисса, но в ответ услышала лишь упрек:

— Следи за языком. Ты с этой принцессой до добра себя не доведешь. И родители её за такие выходки по голове не погладят, когда узнают. А вот тебя, если будешь продолжать в том же духе, вообще могут выгнать из Академии. Вам просто повезло, что нарвались именно на меня.

Мама некоторое время возилась у стола, смешивая какие-то ингредиенты, а затем села напротив дочери и поставила перед ней стакан.

— Пей давай.

Кларисса взяла напиток в руки. Не нужно было быть нюхачем, чтобы понять, что оно представляло мало приятного. Немного отпив, она почувствовала горьковатый привкус.

— Что за гадость? — поморщилась Кларисса.

— Корень вельры и листья сухороста. Завтра у тебя не будет болеть голова.

Кларисса не решилась спорить и сделала пару маленьких глотков. Мама тем временем начала расхаживать по комнате и что-то недовольно бормотать себе под нос. Она часто так делала, когда была чем-то не очень довольна. Уловить удалось только несколько бессвязных фраз.

— ...они это специально что ли?

— Что специально? — полюбопытствовала Кларисса.

— Поселили тебя с дочкой Освальда. С ума можно сойти! И как тебе живется с этой принцессой?

— Очень неплохо.

Ухмыльнувшись, Талия отрицательно покачала головой.

— Дорогая, ты с детства не умеешь врать.

— Нет, правда, всё нормально, — продолжила убеждать Кларисса. — Мы вместе занимаемся по вечерам и проверяем друг друга по учебникам. Болтаем обо всем подряд. И мне гораздо лучше, чем в школе. Там у меня вообще не было друзей.

— Ну, ничего удивительного.

Кларисса была уязвлена такими словами, но виду не подала. И упрекнула в ответ:

— Между прочим, ты могла бы спросить, как дела с учебкой. И я бы ответила, что всё отлично. И наставницы меня хвалят.

— Уж в этом-то я не сомневаюсь, — мама вздохнула, грустно усмехнувшись. — Ты и в школе была отличницей. Но, знаешь, когда ты уехала в Академию, я пришла домой, а там так тихо. Было непривычно первые несколько ночей. Сначала я даже не знала, чем себя занять. Приготовила ужин, села за стол и подумала, какая ты у меня уже взрослая. А сейчас в Академии снова не хватает наставниц, и я решила помочь, а заодно быть ближе к тебе.

Кларисса посмотрела на кружку, в которой осталась половина снадобья. Корень вельры и лист чего-то там... Кларисса хоть и разбиралась в настойках, но ингредиенты знала плохо. Мама давала такие напитки крайне редко. Кларисса с детства не болела, и необходимости попросту не было. Но в дом порой приходили за настойками и травами даже из соседней деревни, хотя травничество не было её основной работой. Скорее, увлечением. Дома в большой комнате огромный шкаф всегда был забит разнообразными склянками и лотками с травами, на столе стояли мерные весы, купленные в Алкории, и полка, заставленная книгами по разнообразным недугам, хворям и травам. В доме часто стоял приятный, едва уловимый аромат трав. Только в Палеонессе нюхачи специализировались в приготовлении сложных настоек из трав, которые потом успешно продавали в другие страны. И только в Палеонессе был под запретом целый перечень некоторых разновидностей. Наверняка, их всё же можно было приобрести где-то на тайном рынке за хорошие деньги. Но где конкретно, не знала даже мама, которая всю жизнь увлекалась зельями и травами.

Некоторое время они молчали, даже не глядя друг на друга. Мама начала перебирать какие-то бумаги на столе, а Кларисса неспеша допивала неприятный напиток. В детстве она бы не обошлась строгим разговором, если бы мама узнала, что она пила вино с кем-то из подруг в кафедральной школе. Но сейчас всё иначе. По мере взросления их отношения только укреплялись. Кларисса и сама не заметила, как мама постепенно стала чаще

прислушиваться к её мнению, считаться и даже просить совет. Их отношения из года в год переросли во взрослые. К тому же, дар предвестника сыграл злую шутку, и Кларисса, помимо лжи, научилась при случае чувствовать тончайшие оттенки переживаний, которые люди пытаются скрыть. Если хотела добиться желаемого, знала, когда можно настоять на своем, а когда не стоит.

— Ну и что будем с тобой делать? — устало спросила мама. — Вернешься к своей принцессе и как ни в чем небывало скажешь, что я просто решила тебя пожалеть?

— С этим я сама разберусь, — уверила Кларисса. — Что-нибудь придумаю. Лучше скажи, когда мы увидимся в следующий раз.

— Придет время, и я сама тебя найду, — пообещала мама. — А если случайно встретимся в коридорах, просто проходи мимо, поняла?

— Поняла.

— Хорошо, — ответила мама и как-то грустно вздохнула, вставая со стула. — Ну, а теперь возвращайся к себе.

Кларисса обняла её напоследок и вышла из кабинета, вернувшись обратно тем же путем. Остановившись у двери собственной комнаты, она некоторое время не решалась войти. Эта встреча приободрила, и Кларисса чувствовала радость, показывать которую было нельзя. Тихо открыв дверь, она понадеялась, что подруга спит, но не тут-то было. Принцесса сидела возле окна при свете свечи и резко повернула голову, услышав тихо открывшуюся дверь.

— Прости меня, — сразу набросилась она. — Я такая дура, зря только тебя потащила. Тебе сильно досталось?

— Она так орала на меня, — как можно правдивее возмутилась Кларисса. — Я думала, что сейчас провалюсь на месте. Потом в дверь постучала одна из девочек. У них там на втором этаже что-то серьезное, кажется драка. Талия приказала мне идти, но предупредила больше на глаза не попадаться.

Авилина выдохнула. Кажется, она по-настоящему волновалась и испытывала муки совести. А заодно и злость.

— Вот же мерзкая! Как только взойду на престол, сразу отстраню её. Или, может, просто пожаловаться отцу?

— Это совсем не обязательно, ведь, ничего плохого не случилось. И потом, раз она работает на твоего отца, значит, делает что-то полезное для государства?

— Да уж. Тайная канцелярия — это тебе не шутки. Преступления советников, государственные измены, оскорбления достоинства королевского рода. Что может быть полезней для государства? И зачем вообще только людям из дворца разрешили лезть в дела Академии?

Авилина, которая только что быстро тараторила, вздохнула и успокоилась.

— А откуда ты знаешь, что она работает на отца? Сама, что ли, сказала?

— Да... я и так поняла это, по тому, как она с тобой общалась, — не растерялась Кларисса. — Уж больно хорошо ты ей знакома. К тому же, ты мне после экзамена в главном зале про неё рассказывала, помнишь?

— Ах, да. Небось говорила про меня всякие гадости?

— Про тебя ни слова не сказала.

Авилина вздохнула, уперев руки в бока, и снова посмотрела на подругу умоляющим взглядом.

— Я не злюсь, правда, — уверила Кларисса. — И всё со мной в порядке. Так что давай

уже спать.

Авилаина одобрительно кивнула и улеглась на кровать. Почувствовав усталость, Кларисса последовала её примеру, разделась, погасила свечу и накрылась одеялом с головой. Тело расслабилось, но сон куда-то отступил. Вечер сложился бурно, и с мамой удалось повидаться, и Авилина разоткровенничалась. Всё же не зря они выбрались, и иногда стоит нарушать правила. Перевернувшись на спину, Кларисса размышляла о том, что принцесса не желала просто так оставлять подругу на произвол судьбы. Даже когда ей велели выйти. Все-таки у неё есть, чему поучиться.

Повернувшись в сторону Ави, Кларисса полушепотом спросила:

— Ты спишь?

В ответ послышалось еле слышное мычание.

— Я тут кое-о-чем подумала. С завтрашнего дня ты начнешь усердно заниматься, и я буду тебе помогать.

Принцесса повернулась и в полудреме попыталась сообразить, о чем идет речь.

— Я и так каждый день стараюсь это делать.

— Я серьезно. Ты просто обязана получить одобрение наставниц. Иначе никто, кроме меня, больше не будет называть тебя «Ваше Высочество».

Ави несколько мгновений молчала.

— Ты знаешь, что уже ночь?

— Обещай мне, Ави.

— Ладно. Я обещаю. Правда. А теперь, давай поспим?

Кларисса, вполне довольная таким окончанием разговора, без лишних слов улеглась спать. И понадеялась, что к завтрашнему утру подруга не забудет обещание и не решит, что ей это просто приснилось.

Дни продолжали идти своим чередом, а учеба всё набирала обороты, не давая передохнуть. После года обучения предстояло выбирать: следовать по пути военного дела и получать звание деви Палеонесса или поступить на один из других факультетов. И, конечно же, она очень хотела получить звание деви, а потому не давала себе расслабиться и старалась успевать по всем предметам, заодно подгоняя подругу. Впрочем, после ночного разговора Авилина, как и обещала, стала прилагать больше усилий и настроилась на учебу. Хоть иногда и уходила в себя, поглощенная мыслями, далекими от реальных дел.

Изредка Кларисса встречала маму в коридорах Академии и, переглядываясь заговорщическим взглядом, молча проходила мимо. То, что та иногда появлялась в стенах Академии, грело душу и не давало чувствовать себя одинокой, оторванной от родного дома. А когда становилось грустно, Кларисса ещё больше погружалась с головой в учебники.

В один из дней, после очередной лекции, в холле первого этажа их ожидал привратник Веймар, который тут же отвел принцессу в сторонку на пару слов. Она некоторое время оживленно что-то с ним обсуждала и, кажется, начала возмущаться. Сделала недовольное лицо, разводила руками, эмоционально что-то отвечая. Клариссе ничего не оставалось, как стоять в стороне и ждать. Но вскоре Веймар сам взглянул в её сторону и махнул рукой, подзывая к себе. Кларисса немедленно подошла и слегка поклонилась в знак почтения, как положено.

— У нас возникла небольшая дилемма, — пояснил привратник, перейдя сразу к делу. — Отец нашей дорогой принцессы назначил ей дополнительные занятия по боевой подготовке.

Мы занимались и раньше, но сейчас особые обстоятельства. Скоро экзамены.

— Да, я помню, — сказала Кларисса.

— Что ж, насколько я вижу, вы хорошо ладите, и не удивлюсь, если ты помогаешь ей с учебой. И было бы здорово, чтобы вы тренировались вместе. Вдвоем веселее, и конкуренция улучшает результаты. Что думаешь?

Конечно, она была согласна! Кто знает, может, привратник из-за отказа затаит обиду, а ведь непосредственно от него зависит её будущее. А ещё и Авилаина смотрела умоляющим взглядом, отказать которому никак нельзя.

— Не переживай, ты одна из лучших в этом году, — заверил Веймар. — Если продолжишь в том же духе, обязательно получишь моё одобрение и пройдешь экзамен по боевой подготовке. К тому же, это официальные внеклассные занятия, и я освобожу вас от некоторых вечерних дисциплин. Только практика, никакой теории.

— Да, я с радостью, — выдавила из себя Кларисса. — Правда.

Невооруженным взглядом было видно, как Авилаина обрадовалась, что её не бросили одну в этом нелегком деле. Наверняка, принцессе-то занятия с привратником уже порядком поднадоели, но для Клариссы это был шанс, упускать который нельзя. Они договорились начать сегодня же вечером и на том разошлись.

Лекции по предметам закончились, до тренировки с привратником оставалось пол часа, и Ави повела Клариссу в центр города. Хоть она уже бывала в Алкории, каменный город-крепость раз за разом манил своей красотой. Хотелось долго гулять по широким улочкам, заглянуть в торговые лавки, насладиться видом центральной аллеи с большим многообразием цветов и деревьев. Раньше Кларисса завидовала городским жителям. Впервые побывав здесь ещё в детстве, она задумала купить дом, когда вырастет, и переехать с мамой в столицу. А сейчас, эти улицы казались ей чересчур оживленными и шумными. В маленьких проулках, целиком заселенными ремесленниками, в дневное время иногда было не протолкнуться. За услугами кузнецов, ткачей и кожевников сюда съезжались люди со всей округи.

Но, всё же повод для гордости за свою родину был. Алкория с давних времен считался крупным центром торговли. В город масок и цветов прибывали торговцы со всех уголков континента каждый сезон. В период открытия большой ярмарки на центральной площади было не протолкнуться. Богатые купцы, скупщики, семьи с детьми, торговцы, простой люд — все ломилось туда. Казалось, им нет конца. Деньги в Алкории водились, а значит, и разбогатеть возможность была. Не то, что в каком-нибудь захудалом городишке странах Беренгарского союза, где если родился бедным, бедным и умрешь.

А на уроках по законодательству, одной из главных дисциплин, учителя восхваляли систему Палеонесса, которая в прошлом столетии частично перенеслась и в Гальрад. Нюхачи годились, чтобы учуять виновника по запаху крови, найти место преступления или спрятанное мертвое тело. Неприкаянный напасть на след виновного, а предвестник-дознаватель распознать ложь подозреваемого. Всё это было ещё до Освальда Альберти, когда Палеонесс решил опираться на право, дары и здоровое общество. И теперь людей, владеющих дарами здесь больше, чем в любом другом государстве. Даже крупные Гальрадские ордена отправляют вояк на обучение в Алкорию, чтобы потом использовать их в своих внутренних военных конфликтах.

Ави привела Клариссу в красивую пекарню в центре города, где они купили по булочке. Принцесса хотела заплатить, но Кларисса не позволила. Уж булочку она точно могла себе

позволить, да и не желала, чтобы подруга считала её бедной. Они отправились прогуляться по аллее, с которой было хорошо слышно звон колокола городской ратуши, знаменующего вторую половину дня. Городские жители просыпались на работу с рассветом, а заканчивали под звон вечерних колоколов.

Авилаина, устав от обыденных тем учебы и наставников, решила вновь поговорить о семье и неожиданно спросила:

— А, кстати, кем твоя мама работает?

Кларисса заранее не придумывала, что отвечать на вопросы о маме. Предполагалось, что они практически не смогут видеться, а всё время уйдет на учебу. Она слегка замялась и решила ответить несколько расплывчато:

— Да, так, канцелярскими делами занимается в ратуше. Бумаги раскладывает, принимает прошения от людей... ну, в общем...

Кларисса решила, что лучше не продолжать, иначе можно совсем завратиться. Она уже приготовилась отвечать на уточняющие вопросы, уверять, что особо в дела мамы не лезет, и вообще в её работе нет ничего интересного, но принцесса сама решила поменять тему, кое-что вспомнив:

— Кстати, так ты же наверняка учила какой-то дар с детства, раз так хорошо готовилась к учебе? Мне всегда было интересно узнать, ты каким даром владеешь?

— Ну, а ты угадай, — спровоцировала Кларисса, чтобы уж точно не возвращаться к теме о семье.

Авилаина прожевала кусок булочки, а затем принялась размышлять вслух:

— Зная тебя, наверное, что-то связанное с учением и трудом.

Она взглянула на подругу в попытке выяснить, в правильном ли направлении движется, но её лицо оставалось беспристрастным. И пока принцесса перебирала в голове варианты, Кларисса решила не томить и признаться сама:

— Я могу чувствовать ложь и некоторые эмоции других людей.

— Предвестник сомнения что ли? Ничего себе, это непростой дар, — удивилась Авилина, а затем сразу упрекнула. — Тебе больше делать нечего, как ощущать всякие эмоции людей? Тебя бы в мой дворец, там все ходят с серьёзными, понурыми рожами. Будто ничего хорошего наше государство уже не ждет.

На самом деле, за этот дар она взялась просто, потому что так сложились обстоятельства. Ещё в детстве Кларисса имела склонность быть наблюдательной и распознавать ложь матери, когда та пыталась что-то скрывать. И уже потом начались тренировки, которые требовали абстрагироваться от внешнего мира и учиться распознавать чувства, откликающиеся где-то изнутри, настраиваться на вибрации других людей. Она начала учиться понимать, когда кто-то пытается солгать и вместе с этим разбираться в тончайших оттенках эмоций, испытываемых другими. А всё потому, что мама поддержала эту склонность и нашла очень хорошего учителя. Всё же, к некоторым дарам должна быть предрасположенность с детских лет. Только тогда их можно успешно развивать.

— Теперь твоя очередь, — потребовала Авилина.

Кларисса принялась размышлять вслух:

— Ну, раз родители у тебя строгие, то наверняка заставили практиковать сложный и важный для твоего будущего дар, верно? А то и несколько.

Авилаина загадочно улыбнулась.

— Кажется, я иду в правильном направлении. Но, выбор всё равно большой. Может

быть, тоже чувствовать, когда другие люди лгут?

Но принцесса только махнула рукой:

— Нет, это ж скучно.

— Скучно? — удивилась Кларисса. — Я слышала, что даже среди Гальрадской знати много тех, кто практикует это с детства. И такой дар передается из поколения в поколение. Это очень хорошо помогает в политических делах. Но, если нет, тогда что-то схожее. Я ведь, близко?

— О, боюсь ты очень далеко. Но можешь попробовать ещё раз.

Авилине явно нравилось находиться в выигрышном положении и быть уверенной, что подруга не отгадает. Поэтому Кларисса начала перечислять про себя все, по её мнению, более-менее подходящие варианты. Если уж не предвестник, то значит что-то в другом ключе и сложное для изучения. Уж точно не блуждающий и не нюхач, как мама, которая выучила дар просто потому, что любила разбираться в травах и настойках.

Они уселись на свободную скамью посреди центральной аллеи, и принцесса принялась доедать булочку, молча ожидая подругу.

— Ты говорила, что твоя мама Угнетатель, — вспомнила Кларисса. — Может, она хотела, чтобы ты пошла по её стопам и начала учить?

— Нет, всё равно далеко, — ответила Авилена. — Но, если честно, поначалу так и было. Только отец настоял, чтобы я выбрала сама. Так что... я неприкаянный.

Кларисса так редко слышала об этом даре, что даже забыла значение. Кажется, их несколько разновидностей, но всё же они довольно редко встречаются.

— Я могу взять в руки какую-нибудь вещь и узнать через неё информацию о владельце, — подсказала принцесса, заметив задумчивость подруги.

Кларисса слегка удивилась и почти сразу забеспокоилась. А вдруг Ави прикасалась к её вещам? Теперь надошний раз следить, чтобы все личные вещи были убраны на места и нигде ничего не валялось. Она даже не знала, как вообще работает этот дар, и неплохо было бы спросить у мамы, которая, наверняка, знала про такую особенность принцессы и могла бы предупредить. И почему мама проявила неосторожность, забыв сказать об этом? Кларисса вздохнула и всё же решила осторожно спросить:

— Слушай, а ты... часто пользуешься этим в повседневной жизни?

— Редко. Если ты имеешь в виду, что я пыталась что-то о тебе узнать, то нет, — раскусила Авилена. — Даже не переживай по этому поводу, я ни в коем случае не стала бы так поступать. Если захочешь рассказать о чем-то, я выслушаю, как подруга, но сама лезть не буду. К тому же, я давно не практиковала и не могу просто взять и узнать информацию по щелчку пальцев. Это надо настраиваться на вибрации, с дыханием работать, там не так всё просто на самом деле.

Кларисса посмотрела на Ави и подавила внутреннюю тревогу. Принцесса вела себя открыто и честно, причин не доверять ей не было. Кларисса не могла знать, сказала она правду или нет, поскольку дары на благословлённых не работали. Но благодаря той ночи с вином принцесса открылась ей, и это их сблизило. Она знала, что за всем этим легкомыслием скрывалось разочарование в себе, тяжесть давления матери и надвигающийся страх перед ответственностью за целое государство.

— А почему именно этот дар? — поинтересовалась Кларисса.

Авилена лишь усмехнулась.

— Мне предложили выбрать из нескольких. Вот я и решила поступить назло матери.

— А как же Угнетатель? Это же один из сильнейших даров, к тому же редкий. Не жалеешь, что выбрала другой? Ты же могла обучаться у неё?

Авила пожала плечами, как бы говоря, что ей всё равно. Но затем все-таки решила признаться:

— Знаешь, она просто сказала, что я не потяну. И что я...

На центральной площади раздался звук колокола, настолько громкий, что Клариссе стало неприятно. Она никогда не слышала его, находясь настолько близко. Люди на улочках начали спешить по своим делам, а значит, и им пора было возвращаться в Академию.

Глава 5. Кровь на их руках

Тренировка была не такой лёгкой, как Кларисса предполагала. Пару раз привратник строго одергивал, видя со стороны попытку фальшивить или сделать что-то хоть немного не так, как следует. Отдыхать подолгу он тоже не давал и гонял их до седьмого пота, заставлял бегать, отжиматься, отрабатывать удары, стрелять из лука и арбалета. Впрочем, больше внимания доставалось Авилине, но жаловаться принцессе было некогда. Тренировочный лагерь в стенах Академии оставался пустым до самого вечера и полностью в их распоряжении.

После упражнений на выносливость, Клариссе разрешили присесть на скамью, чтобы отдышаться и перевести дух. Веймар сел рядом, и некоторое время они просто смотрели, как Авилена упорно отрабатывает движения с мечом против манекена. Хорошая тренировка убивала лишние мысли в голове, оставляя только приятную расслабленность и чувство выполненного долга. А Авилена не желала терять боевой настрой и, кажется, представляла, что манекен её заклятый враг детства.

— Хочу предложить тебе одно дело, — неожиданно прервал молчание привратник.

— Дело?

— Да. Хочу сначала обратиться к тебе. По мнению многих наставниц, ты ответственно подходишь к учёбе, и к тому же дружишь с Авилиной. Думаю, это как раз то, что нужно.

— Хорошо, я слушаю.

Кларисса пыталась подгадать в уме о чём вообще может идти речь. Что это может быть за дело и почему дружба с принцессой тут играет роль?

— Отец Авилины иногда просит подыскать кого-то из учениц для несложных поручений. Нужен человек незаинтересованный, а главное, ответственный. Необходимо забрать у принца Освальда кое-какие документы и отнести в город, куда он скажет.

— А разве во дворце нет специальных людей для этого?

Прежде чем ответить, привратник взглянул на принцессу, которая всё ещё тренировалась поодаль, не обращая ни на что внимания. Он явно не просто так выбрал момент, когда они остались вдвоем.

— Принц Освальд подозревает в шпионаже и изменах практически всех, кто его окружает, — терпеливо пояснил Веймар. — И существует внутренняя документация, которую не должен видеть никто, кроме доверенного круга людей. Предложить кого-то из учениц было моей идеей, и принц её одобрил. Это ни к чему тебя не обязывает, не переживай, я легко могу подыскать замену. Очень много кто согласится на такую работу, ведь есть шанс, что тебя запомнит сам глава государства. А вы с Авилиной хорошо ладите, и судьба может распорядиться удачно. Если ваша дружба укрепитя, после получения звания девы тебя вполне могут пригласить работать во дворец.

Кларисса не знала, что и сказать. Отказываться было просто глупо, так как Веймар в чем-то прав. Но после тренировки и соображать-то уже не было сил. Внутренний голос просил немедленно согласиться и устремиться в перспективное будущее. Два раза таких предложений в жизни не поступает. Но, в тоже время, что-то подсказывало — здесь есть подводные камни.

— Можешь не давать ответа сейчас, — не настаивал привратник, разглядев задумчивость Клариссы. — Есть ещё три-четыре дня. Подумай. Но только Авилине ни слова

об этом, договорились?

— Хорошо, — сразу согласилась она, чтобы не казаться слишком уж нерешительной.

Но всё же решила спросить:

— А почему ей нельзя говорить?

— Принц Освальд хочет, чтобы как можно меньше людей знало об этом. А Авилаина у нас та ещё болтушка, ты же знаешь. Могут пойти слухи, а это для меня ничем хорошим не закончится.

Кларисса кивнула. Уж она-то умела держать язык за зубами, если нужно. В детстве она занималась с личным наставником, развивающим дар предвестника. Спокойный и приятный в общении, он часто хвалил за трудолюбие, а ей было в радость обучаться. Она догадывалась, что занятия стоили немалых денег, но в конечном итоге это принесло свои плоды. Наставник не просто обучил пользоваться даром, и помог его развить, но и объяснил, как разбираться в людях и, помимо распознавания лжи, правильно различать скрытые людские переживания.

Привратник, вновь взглянувший на Авилаину, никак не изменился в лице, но возникшая на мгновение ненависть внутри, говорила сама за себя. Не просто неприязнь, а настоящая, искренняя ненависть. Зверь, которого он держал на цепи в самых потаенных уголках разума, на мгновение поднял голову и обнажил клыки. Где-то в глубине души привратник искренне желал навредить принцессе, но это намерение появилось так же быстро, как и угасло. Кларисса даже подумала посоветовать Ави быть осторожней с ним, но, в конце концов, не её это было дело.

Задержав взгляд на объекте своей ненависти, Веймар всё же заговорил о ней:

— Я с самого детства лично учил её драться, она говорила?

Кларисса молча кивнула.

— Мать просила быть построже. Считала, надо бы выбить из девочки всю дурь и весь мягкосердечный характер. Принц Освальд в эти дела особо не лез, но и палку не давал перегибать. Всё же, думаю я достаточно хорошо её обучил, просто не хочу давать послаблений, вот и все. К тому же, владение оружием надо периодически оттачивать, чтобы не потерять сноровку. Да и, честно говоря, я слегка волнуюсь. Если принцесса не сдаст экзамены по боевой подготовке, это будет и моим личным провалом. Так что идея на счет дополнительных занятий была моей. Только Авилаине ни слова.

— Буду молчать, — пообещала Кларисса.

— А тебя кто учил сражаться?

— Мама, — с гордостью ответила она, переводя дух. — Ну и я сама много тренировалась. Тоже с детства.

— Она дева Палеонесса?

— Нет, — как можно более непринужденно сказал Кларисса. — Нет, она... обычный работник в ратуше.

Привратник Веймар лишь усмехнулся, будто почуял наглую ложь. И правда, как-то не особо вязалось домашнее обучение с оружием и работа в ратуше. Но привратник не стал ничего уточнять и продолжил рассказывать:

— Я помню, Авилаина в детстве тренировалась за радость, не то, что сейчас. Приступала к занятиям с упорством и отдачей, но со временем её пыл постепенно иссяк. Родители стали реже появляться дома. Мать больше занималась внешней политикой Палеонесса, а отец пропадал на собраниях и политических переговорах. И тренировки превратились в какую-то

рутину. Одно время Авилаина хотела быть похожей на свою маму. Но это прошло. Все-таки она благословлённая, как отец, а таким опасность не грозит, даже в наше непростое время. Хотя, как говорится: воля к жизни определяет саму жизнь. Слышала такую поговорку?

Кларисса отрицательно покачала головой.

— Могу рассказать, как я о ней на днях вспомнил. В начале этого года было серьёзное восстание в странах великого Беренгарского союза, и лидер этого восстания был благословлённым. А в итоге его убил обычный человек — светоносная дева Альферия.

— Надо же, — изумилась Кларисса. — И кто эта Светоносная дева?

На это привратник лишь усмехнулся.

— Это мать Авилины.

Намучившись с манекеном, принцесса присела рядом с деревянным мечом в руке, не дождавшись команды от привратника. Она изрядно вымоталась и пыталась восстановить дыхание. Но даже это не мешало встрять в разговор:

— Что обсуждаете?

— Поговорки, — сухо ответил Веймар. — Ты закончила я вижу? Отдышись.

— Да, закончила. А как вам такая: за благословленным смерть по пятам ходит, да на других посматривает? Папа раньше любил её говорить.

Веймар встал со скамьи и, скрестив руки на груди, сказал:

— Ну, по моему мнению, на звание девы ты пока претендуешь с натяжкой. Всё-таки, в этом году довольно сильные группы. И поэтому нельзя расслабляться ни в коем случае и нужно тренироваться вплоть до самого отбора. Сейчас немного передохни, Авилина, а затем давайте посмотрим, что вы можете противопоставить друг другу в тренировочном бою. И закончим на сегодня.

Кларисса взяла деревянный меч и приготовилась сражаться. Простой тренировочный бой, какой будет и на экзамене, но только там с настоящим оружием. Привратник был прав, как никогда — экзамены легкими не будут. Пару удачных боев, высший бал по знанию оружия, военной стратегии, сдача экзаменов по основным предметам и через несколько лет можно будет стать послушницей. Претендентов будет много, а тех, кого отберут — ограниченное количество. Многие из девочек не смогут получить звание девы Палеонесса, если найдется кто-то, кто превосходит их. Вот почему Кларисса должна быть на порядок лучше остальных. Это лишь в школе грубо заставляли учить материал и бездумно делать, что велено: запоминать, читать, сидеть ровно, записывать. А если не можешь, будешь наказан или вовсе выгнан. Вот место, где Авилина бы не стала говорить "что я историю своего государства что ли не знаю". Впрочем, она и в школу-то не ходила, а сидела на домашнем обучении, как все привилегированные и богатые дети. Её и в Академию-то заставила пойти мать, чтобы получить звание девы. И пока подруга обучалась дома, Клариссу заставляли заучивать астрономию, которая ей была совсем не интересна. И это помимо чтения, письма, счета, грамматики, риторики и диалектики, и некоторых других необязательных дисциплин. Авилина же наверняка учила только то, что необходимо, и все учителя (конечно, их было несколько) вели себя крайне обходительно с юной девочкой-принцессой. По крайней мере, Кларисса представляла себе это именно так, даже несмотря на рассказы о строгой матери.

Тренировочные бои длились недолго. Клариссе два раза удалось задеть Авилину первой, но она не потеряла боевой настрой и с ещё большим азартом в третий раз все-таки одолела Клариссу. А потом и вовсе подметила, что в настоящем бою всё равно бы победила, потому что благословлённая, и этим всё сказано. Тут уже Кларисса отказалась спорить и приводить

в пример деву Альферию, тем более. Тренировку они закончили уставшие, вспотевшие и довольные собой, поплелись в комнату.

От учебы в Академии Кларисса ждала, что всё вокруг будет пропитано исторически заложенными ценностями и установленным порядками. Ведь девы в прошлом не только военная сила Палеонесса, но часть истории, символ государства и его повод для гордости. В середине сада на территории Академии стоял памятник безымянной деве, выполненный в человеческий рост. "Мужество, честь, справедливость", гласила красиво вырезанная надпись на стоявшем рядом камне. Это было напоминание о том, что история Палеонесских дев уходит корнями почти к самому основанию Палеонесса. Ещё несколько столетий назад, девочек забирали из семей с пяти-семи лет и жестко тренировали, воспитывая выносливых, безжалостных воинов. По крайней мере, так говорится в учебниках истории. А теперь полгода молчания и поста для послушницы уже являются суровым испытанием.

Кларисса сразу заметила, что в стенах Академии никто не говорил о получении звании девы, как повод для гордости. Военно-политических конфликтов у Палеонесса не случалось уже давно. И сейчас, когда любая желающая семья могла отдать девочку в Академию, все говорили о лишь том, как будет здорово, имея звание, получать неплохие привилегии от государства. Например, семьи, живущие в столице и близлежащих городах, могли не платить налоги, если в их семье была дева. И на самих дев распространялся особый свод законов, недопустимый для обычных граждан. Например, дева могла вызвать на кровный поединок человека, который случайно или намеренно убил, обесчестил или оставил калекой её родственника. Хоть подобные поединки можно закончить, серьезно ранив противника, нередко они заканчивались смертью.

Правда, последняя кровная дуэль была семьдесят два года назад между Безотрадной девой Люсией и... Кларисса не помнила, как звали противника, но она тоже была девой, которая, перепив спиртного, полезла в пьяную драку в таверне и убила старшего брата Люсии. Последняя получила свое прозвище ещё в Академии за вечно хмурое выражение лица. Это был официальный вызов на кровную дуэль, через суд. На эту историческую схватку двух Палеонесских дев пришла любоваться огромная толпа горожан. Там жизнь Люсии и оборвалась, а суд признал победу её соперницы и снял все обвинения.

Эту поучительную историю Кларисса услышала на уроке военного права. И, пожалуй, это был последний официальный в Палеонессе поединок, во главе которого мотивом стояла честь семьи, а не личная выгода.

Добрую половину недели занятия длились с самого утра до позднего вечера с перерывом на обед. Поэтому Кларисса, как любой нормальный человек под вечер уставала, стараясь выдержать нагрузку и не отставать по предметам, которые и без того был один важнее другого. На занятиях она практически всегда сидела рядом с Авилиной, вечера они проводили вместе, так что расходились только в выходной или в перерыве между занятиями, по делам. Вот и в этот раз Кларисса вынуждена была разминуться с подругой в холле первого этажа сразу после древней Истории Палеонесса.

— Мне надо сходить в библиотеку, отыскать кое-какие материалы, — сказала Кларисса. — Увидимся в комнате, попозже.

— А что за материалы? — заинтересовалась Ави. — Хочешь, я с тобой пойду?

— Нет, не надо, — ответила Кларисса. — Тебе же ещё учить историю к завтрашнему дню, не забыла?

Ави слегка пожалала плечами, смущенно улыбаясь.

— Ну, хорошо, увидимся позже.

Кларисса выдохнула, смотря вслед удаляющейся принцессе. В противоположном конце холла, прямо возле окна, ждала мама, которая еле уловимым жестом подзывала к себе. Кларисса поняла, что мама специально поджидала её после уроков и подкараулила в перерыве на обед.

Они, не сговариваясь, направились в уже знакомый кабинет, подальше от посторонних глаз и ушей. И пока шли не проронили друг другу ни слова. По правому крылу второго этажа ученицы не расхаживали. Больше половины занимали кабинеты для наставниц и обслуживающих здание людей. Но, хоть возле двери дежурного кабинета и не было ни души, только войдя внутрь и плотно закрыв дверь, мама выдохнула и сказала:

— Садись. Нам нужно поговорить, дорогая.

Кларисса различила еле уловимое напряжение в её голосе, но послушно села на то же место, что и в прошлый раз. В кабинете царил тишина и спокойствие, вся суэта и нагрузка учебного дня осталась где-то за дверью. Она заметила на подвесной полке плотно закупоренные стеклянные баночки с разными травами. Это напомнило о доме. У мамы всегда было навалом всевозможных трав, редких и самых обычных.

— Ты пока что можешь...

Мамин голос за спиной прервал тихий стук в дверь. Она молча открыла, и Кларисса увидела девушку в бело-голубом плаще, серебристой маске и стянутыми в тугий пучок волосами. За порогом стояла послушница. Она слегка поклонилась и еле слышно произнесла:

— Отец ждет вашего ответа, дева Талия.

Если бы сейчас Кларисса пила вино, то точно бы поперхнулась от удивления. Она всю жизнь была совершенно уверена в том, что послушницам строго запрещено нарушать данный ими обед молчания под любым предлогом.

— Передай ему, что я зайду сегодня ночью, — тихо ответила мама. — Восславим вечных.

— Да будет велика их слава.

Кларисса глубоко вдохнула, стараясь сохранять спокойствие, в то время как девушка поклонилась и быстро ушла.

— Что этим культистам от тебя нужно на этот раз?

Вопрос прозвучал более резко, чем хотелось бы. Да, этих людей она не любила с детства и часто слышала, что религия культа Вечных в Палеонессе под запретом и любой, кто с ней связан, преступает закон. Мама это всё прекрасно знала, да и культисты не появлялись в их родном доме уже очень давно. А теперь они, оказывается, расхаживают в стенах Академии, прикрываясь масками послушниц. Это просто невыносимо!

— Не от меня, — поправила мама, присаживаясь напротив. — Они уже долгое время ищут способ вызволить одного человека, заточенного на нижнем уровне тюрьмы под Палеонесским дворцом. Единственный способ попасть туда — достать ключ, который есть только у принца Освальда, и с которым он никогда не расстается. Забрать его можно только одним способом — убийство. А поскольку благословлённого может убить только ему подобный, это способен сделать только один человек в Академии, и он сейчас находится в этой комнате.

— Я не понимаю... — пролепетала Кларисса.

— Однажды мне довелось посетить дереvушку, где побывал отряд душегубов. Лишили жизни всех без исключения. Некоторых прямо в их домах, а тех, кто пытался бежать или защищаться, убили на месте. Мне было поручено простое задание: убедиться, что не осталось выживших. Я обошла всю деревню, наблюдая безмолвный ужас. Но в одном из домов обнаружила маленькую девочку, которую успели спрятать в подвале, — мама вздохнула, и посмотрела дочери в глаза. — Ты лежала там, завёрнутая в одеяльце, и даже не плакала. Я не смогла выдать тебя, хотя должна была. И оставить там тоже не смогла.

Кларисса молча посмотрела на мать. Мысли в голове внезапно начали путаться.

— Когда тебе было пять, ты заболела сальфитовой лихорадкой, я решила, что это конец. От неё просто нет лекарства, и любой заболевший умирает в течении нескольких дней. Но спустя два дня болезнь отступила. Знаешь, что это значит? Это проявление благословения Малеона. После этого ты ничем никогда больше не болела. Так оно и бывает в жизни с такими, как ты.

Кларисса пыталась переварить услышанное, и мама спросила:

— Скажешь что-нибудь?

Но Кларисса смогла выдать из себя только один вопрос:

— Ты не моя мать?

На удивление, дева Талия ухмыльнулась и, встав со стула, подошла ближе, встав прямо над Клариссой.

— Я тебя вырастила и воспитала. Да, мы не одной крови, Кларисса. Но ты всегда будешь моей дочерью.

Кларисса всегда думала, что отряд душегубов, лично подчиняющийся принцу Освальду — просто слухи и не более. В Палеонессе дар душегуба запрещён законодательно. Но сейчас это волновало меньше всего.

— Выходит, моих родителей убили?

— Да, — ответила мама. — Я видела их тела.

Кларисса вздохнула. Мама отвечала спокойно и сдержано. Видимо, долго готовилась к этому разговору. Очень долго.

— Ты точно уверена? — всё же переспросила Кларисса. — Ведь, если я благословлённая, значит, кто-то из моих родителей тоже? Обычный человек не может убить благословлённого, как я, ты же сама сказала.

Мама отрицательно покачала головой.

— Боюсь, я уверена. Ты два раза избежала смерти на моих глазах, это правда. А твой отец хотел задержать душегубов и погиб на месте, прямо возле входа. Твоя мать спрятала тебя в подвале и привлекла внимание на себя. Думаю, она была благословлённой и могла избежать смерти, но тогда бы ей пришлось бросить тебя на верную гибель. А ты была ещё совсем маленькой и не сумела бы выжить. Она пожертвовала собой по собственной воле. Видишь ли, если благословлённый отказывается бороться за свою жизнь или осознанно жертвует собой, его способен убить и обычный человек. Потому что воля к жизни определяет саму жизнь.

Злость и растерянность, неожиданно возникшие внутри, за доли секунды поглотили Клариссу. Она сидела, а взгляд блуждал по маленькой комнате, не зная, где остановиться, пока в голове один за другим возникали множество вопросов. Как мама может спокойно обо всём этом говорить? И почему скрывала правду всё это время? Подумать только — она может быть потомок самого Малеона. Разум просто отказывался осознать и поверить в

услышанное.

— Говоришь, это был отряд душегубов? — тихо спросила Кларисса.

— Да. Но важно, не кто убил. А кто отдал приказ.

— И кто отдал приказ? — спросила Кларисса.

В глубине души она догадывалась, какой будет ответ. И подтвердив догадки, мама ответила:

— Это был личный приказ принца Освальда, отца Авилины.

Глава 6. Отряд душегубов

Кларисса сидела и не могла вымолвить ни слова. Казалось, возникшая пустота где-то внутри мешала трезво мыслить. Всё это выглядело, как какая-то ошибка. И тем не менее она нашла в себе силы спросить:

— Зачем ему понадобилось истреблять целую деревню и убивать родителей?

— К сожалению, я не знаю, дорогая, — мама грустно покачала головой. — Это было давно, я тогда только начинала работать помощницей в отделе тайной канцелярии и была послушницей. Меня не посвящали в детали, и доверили это дело только потому, что знали, что я буду держать язык за зубами.

— Просто невысказано, — прошептала Кларисса.

Она чувствовала внутреннюю тревожность мамы и то, как тяжело ей давались все объяснения. За этой тяжестью скрывалось и чувство вины, разочарование и даже страх. Наверняка мама не была до конца уверена, что поступает правильно, рассказывая всё, как есть, и в тоже время жалела, что не сделала этого раньше. Сложно было представить, каково это. Прошло уже много времени с тех пор, как она нашла Клариссу ещё младенцем. Возможно, сейчас даже казалось, что это было в какой-то другой жизни.

— Люди культа уже давно внедрили в Академию и во дворец, — пояснила мама. — Они скрываются под личинами послушниц и обычных служанок. Это удобно, ведь их никто не заподозрит, а под масками не видно лиц, и говорить ни с кем не нужно. Культ в любой момент готов устроить государственный переворот. Но Отец опасается, что силы могут быть не равны и культ потеряет многих достойных людей.

— Отец — кто это?

— Лидер культа в Палеонессе. Он координирует действия, раздает указания и находится в близком контакте с принцем Освальдом. Его главная задача вытащить пленника с нижнего уровня дворца, где располагается тюрьма. И для этого меня попросили поговорить с тобой, — мама вздохнула. — Видит Малеон, я не хотела ставить тебя перед выбором. Но ты уже взрослая и должна его сделать.

Кларисса усмехнулась. Хорошенький же у неё выбор! Попытаться убить принца Освальда, и затем до конца своих дней скрываться и опасаться преследования и жестокой расправы. Или же навсегда упустить шанс отомстить убийце своей семьи и так же до конца дней жалеть, что шанс свершить кровную месть упущен.

— Каким выбором? — спросила Кларисса, стараясь смотреть правде в глаза. — Убить принца Освальда или оставить всё как есть? Да, даже учитывая, что я благословлённая, его надёжно охраняют днём и ночью. Это тебе не свинью зарезать.

Каждый раз, когда мама слышала упоминание из детства дочери, смешливо закатывала глаза.

— Ты мне эту свинью теперь всю жизнь припоминать будешь? И разве тебе не предлагали работу, которая поможет попасть во дворец и приблизиться к Освальду?

— Предлагали. А, ты и об этом знаешь?

Усмехнувшись, Кларисса встала со стула и зачем-то начала ходить по комнате. Сложно представить, что выбор между двух зол может быть таким сложным. Поразмыслить бы обо всем одной, в тишине. Кто-то другой на её месте посчитал бы личным долгом свершить кровную месть, несмотря ни на что. Так принято в Палеонессе испокон веков.

— А если я откажусь, что тогда будет? — поинтересовалась она. — Культ может как-то тебе за это навредить? Или надавить?

— Нет, культ ничего мне не сделает. Ни я, ни ты ничем ему не обязаны. Если хочешь, можем уехать из Палеонесса, навсегда. Забыть про всю эту историю и начать новую жизнь, где-нибудь в другом городе. Подальше от культа.

— И ты бросишь работу в тайной канцелярии, а я учебу в Академии? Ну, уж нет.

Кларисса вновь села напротив матери и вздохнула. На душе было тяжело. Она прекрасно понимала, что мир уже не будет прежним. Захотелось одиночества и тишины. Но мама подошла и молча обняла. Как и в детстве, Кларисса почувствовала родительскую теплоту и заботу. Если бы она поселилась с какой-нибудь другой девушкой и никогда не знала Авилину, решила бы она тогда на эту безумную месть? На этот вопрос не было ответа. Единственное, что казалось верным — она пожалеет в любом случае. Правильного выбора здесь просто нет.

— Я бы соврала, если сказала, что не боюсь идти на такой глупый шаг, как убийство главы государства, — честно призналась Кларисса. — Только знаешь что? Я всю жизнь жила без отца и прекрасно понимаю, каково это. Не хочу, чтобы Ави страдала так же. Всё равно смерть принца не вернет моих родителей. Ничего уже не изменить.

— И угораздило же тебя поселиться в одной комнате вместе с этой принцессой.

— Да, мам, угораздило. А тебя угораздило сойтись с этим культом.

Мама тяжело вздохнула. Она всегда старалась этой темы избегать, а если не получалось, отвечать однозначно. Но не в этот раз...

— Я была моложе тебя, осталась без родителей. И уже тогда могла натворить много глупостей. Культ дал мне шанс стать достойным членом общества, и я этим шансом воспользовалась. Должность главы тайной канцелярии у меня благодаря культу. И тебя я встретила тоже благодаря культу. А ты — самое большое счастье в моей жизни.

Замолчав на мгновение, дева Талия вздохнула, решив подвести итог.

— Значит, мы всё решили? — подытожила она. — Культ обойдется без нашей помощи?

Она так и не сказала, что сделала бы на месте дочери, а Кларисса решила не спрашивать. Догадалась, что не просто ей дали сделать выбор, ответственность за который целиком и полностью ляжет на её плечи. Что ж, Клариссе с этим жить, а не кому-то другому. И похоже, придется всё же отказаться от работы, которую предлагал привратник Веймар. Быть на побегушках у убийцы родителей нет никакого желания.

— Да, мам, решили. — Кларисса встала с места, поняв, что уже засиделась. — Я не могу отсутствовать долго, Ави будет искать меня.

— Да, конечно, иди.

В голосе прозвучали оттенки усталости.

— Когда мы увидимся в следующий раз?

Но она только лишь пожала плечами.

— Не знаю. Я сама тебя найду. И не засиживайся за учебниками допоздна. Отдыхать тоже надо уметь.

— Хорошо, — улыбнулась Кларисса, почувствовав заботу. — Пока, мам.

Когда она вышла из кабинета, уже близился вечер. Кларисса шла по коридорам Академии к себе в комнату, ощущая, как мир вокруг становился каким-то чужим. Она сама не заметила, как дошла до комнаты, в глубине души надеясь, что принцессы там нет. Хотелось побыть одной в тишине и как следует обдумать всё услышанное. Но, открыв дверь,

Кларисса застала подругу сидящей возле окна с учебником. Авилаина сразу же принялась что-то говорить и приставать с расспросами. Кларисса отвечала односложно и, присев на кровать, слушала в пол уха и что-то отвечала, поддерживая разговор. Но в то же время, не переставая думать о настоящих родителях.

Когда в деревне рождался ребенок, устраивали шикарный пир. Дом тщательно подготавливали к приходу гостей, звали соседей, родственников, друзей. Если рождалась девочка, сочиняли песню или стих, восхваляющие её будущие великие деяния. Кларисса помнила, как бывала с мамой на таком пиру, веселилась с другими детьми и наедалась до отвала. Но теперь она задавалась вопросом, устраивали ли такой пир в её честь? И какой судьбы хотели бы для неё настоящие родители? Никто и никогда не сможет ответить на эти вопросы. Выходит, она ведь даже не знала свое настоящее имя. Мама дала ей имя, но родители при рождении наверняка нарекли по-другому. Да и если честно, имя Кларисса ей никогда особо и не нравилось.

— Всё в порядке? Кажется, ты читала какую-то грустную книгу.

Кларисса подняла голову и увидела, что подруга обеспокоенно смотрит на неё.

— Всё нормально.

— Я же вижу, что нет.

Кларисса не желала что-либо объяснять. А если и захотела, то не смогла бы вымолвить ни слова. Делать вид, что всё хорошо, когда на душе тяжело оказалось сложнее, чем она представляла. В одном мама была права: Кларисса и правда не умела ни врать, ни притворяться.

— Ладно, можешь молчать и дальше, — смирилась Ави. — Если захочешь поговорить, знай, что я всегда рядом.

Авилаина пошла обратно к окну, дочитывать главу в учебнике, но Кларисса всё же должна была кому-то выговориться.

— Слушай, Ави. Твой отец...

Слова вырвались раньше, чем Кларисса поняла, что хочет сказать. Но закончить фразу она не решилась. Твой отец — убийца? Это все, что хотелось сказать прямо в лицо, но что эти слова изменят? Авилаина вопросительно уставилась на Клариссу, и пришлось продолжить:

— Как думаешь, твой отец любит тебя?

— Ну, что за вопросы, конечно, любит, — удивилась Авилаина.

Кларисса хоть и не могла почувствовать, говорила ли подруга правду, но увидела, как заметно та приободрилась, когда речь зашла о принце Освальде. У них сильная родственная связь, какая и должна быть у отца и единственной дочери.

— Просто, задумалась о своем отце, которого совсем не помню, — пояснила Кларисса. — И стало как-то грустно.

Авилаина отложила учебник и присела рядом на кровать.

— Не представляю, как тяжело даже иногда думать об этом, — вздохнула Ави. — Но в жизни есть другие люди, которым ты очень важна. Например, твоя мама, которая тебя вырастила. И я, ведь мы с тобой дружим и помогаем друг другу в учёбе. Так что заканчивай грустить, хорошо? Впереди промежуточные экзамены.

— Да, — согласилась Кларисса из-за нежелания это обсуждать. — Ты права. Давай лучше ляжем спать, уже поздно.

Авилаина, удовлетворенная таким исходом, разобрала постель, задула свечу и легла

спать. Уже стемнело, и это было только на руку. Разговаривать особо не хотелось, но и сон не приходил. Кларисса лежала в тишине, смотрела в потолок и представляла, как бы сложилась жизнь, если бы мама и папа были бы живы.

В жизни может случиться так что человеку не повезло родиться в Палеонессе. И ещё хуже, если не повезло появиться на свет девочкой. Родители будут ждать заинтересованности в освоении военных дисциплин. Это не означает драться с другими детьми в школе или размахивать игрушечным арбалетом на заднем дворе. Это — учение, бесконечные тренировки, моральная и физическая подготовка. Мальчикам тоже приходилось непросто. Их могли запросто отдать в какой-нибудь более богатый дом уже с семи лет. Там они выполняли обязанности пажа на женской половине при супруге влиятельного богача. А с четырнадцати становились подмастерьями и обучались ремеслу. Всё ради того, чтобы найти место в этом мире. А заодно многодетной семье избавиться от лишнего рта. Реже подобное могло случиться и с девочкой. Её тоже имели право отдать на служение более богатому и влиятельному дому. Но какой судьбы для Клариссы хотели её настоящие родители? И радовались ли они её появлению? В глубине души она знала ответ. Да и хотелось просто верить в лучшее, без чужих рассказов и собственных домыслов. И эта вера согревала изнутри. Родители пожертвовали жизнью, чтобы спасти её, и всё было не напрасно.

Удивительно, но Авила тоже не могла уснуть и то и дело ворочалась с боку на бок, наверняка гоня в голове мысли о предстоящих экзаменах. Заметив, что Кларисса не спит, она приподнялась и полущёпотом спросила:

— Ты ведь уже знаешь, что после подавления восстания в Беренгарском союзе, матери дали прозвище «Светоносная дева»? Может, когда я получу звание Палеонесской девы и начну править, мне дадут какое-нибудь звонкое прозвище, как думаешь?

— Да, тебя будут называть Ленивая дева, — ухмыльнулась Кларисса.

— Ага, а тебя тогда назовут Дева-зануда.

Кларисса по-тихому засмеялась вместе с подругой и почувствовала, как внутри полегчало. Всё же Авила не виновата в смерти родителей и не несет ответственность за действия отца. Кларисса хоть и могла высказать всё в лицо и злиться до конца жизни, но знала, что это неправильно. Дружба будет испорчена навсегда, и что с этого? Может их пути не разойдутся после Академии.

Принцесса улеглась поудобней, но вместо сна мечтательно смотрела в потолок, теребя в руках небольшой кулон, висевший на цепочке. Не первый раз уже Кларисса замечала, что когда принцесса задумывалась, вспоминая материал по учёбе, невольно прикасалась пальцами к кулону.

— Что это там у тебя? — она приподнялась на кровати.

— Ты про это?

Принцесса подхватила кулон на цепочке и показала так, чтобы можно было получше рассмотреть. Это был очень маленьких размеров блестящий флакончик, который почти невозможно где-то добыть или купить.

— Тихая вода, — ответила Авила. — Видела такой?

Кларисса кивнула. Видела, один раз, в детстве. Яд, который выдается после получения звания девы тем, кто выходит на боевую службу. Убивает такой маленький флакончик почти мгновенно. Ещё со старых времён девы применяли его, когда попадали в плен, чтобы избежать пыток и насилия.

— Это мне мама подарила, давно ещё, когда я была маленькой, — объяснила Авилаина. — На случай, если... ну, знаешь, кто-то схватит, начнёт требовать государственного переворота или выпытывать какие-то тайны. Не знаю почему, но этот подарок я храню.

— Я думала, яд не действует на благословлённых.

— Не действует, конечно. Но, при определенных условиях, всё возможно. Если сильно хочешь умереть и способ найдется. Просто, этот быстрый и довольно гуманный.

— Тебя этому тоже мама учила?

— Слушай, давай-ка уже спать? — возмутилась принцесса. — Сама же сказала, что нужен отдых.

— Ладно, — согласилась Кларисса.

— Тогда, доброй ночи, Дева-зануда.

— Доброй ночи, Ленивая дева.

Всё же Кларисса не спала почти всю ночь. А на утро хоть и делать ничего не хотелось, заставила себя встать с постели и пойти на занятия, вести привычный образ жизни, в котором некогда грустить и гонять плохие мысли. Новый учебный материал, давление и нагрузка от наставниц, давали о себе знать каждый день. И скоро должна была начаться подготовка к предстоящим экзаменам. У Клариссы была цель, и в мыслях она пообещала напоминать себе об этом почаще. Будущий промежуточный экзамен по знаниям предметов требовал очень хорошей подготовки, а в будущем мог помочь получить одобрение наставников на прохождение итогового экзамена и получение звания девы.

На индивидуальных уроках привратник давал ценные советы на счет экзамена, заставлял повторять теоретический материал, который там пригодится. И помимо этого, продолжал тренировать и не давал послаблений. Кларисса ни разу не пожалела, что согласилась тренироваться вместе с Авилаиной. Ведь это действительно приносило свои плоды.

В свободные от учёбы дни Авилаина иногда уходила к родителям во дворец, и Кларисса оставалась предоставлена сама себе. В одиночестве она проводила время в библиотеке или самостоятельно гуляла по столице. Но излюбленным занятием оставалось чтение книг в небольшом и весьма уютном парке на территории Академии. Среди множества пышных деревьев можно было помечтать о великом или пройтись по дорожкам, вдоль которых росли клумбы с несколькими сортами Палеонесских роз. Столица хоть и была величественна, но со временем и шумные улочки начинали надоедать. Однако город чувствовался и здесь, в парке Академии, стоило только взглянуть за металлический забор и увидеть вечно снующих разодетых горожан. Вот место, где жизнь была ключом, поддерживая свой естественный, быстрый ритм, несмотря ни на что.

После судьбоносного разговора с мамой прошло несколько дней. Учёба и предстоящие экзамены захлестнули, словно лавина, да так, что Кларисса и думать забыла о ненависти к принцу Освальду и могла позволить себе расслабиться только в свободные от учёбы дни, и то на несколько часов.

Уж очень долго она ждала свободное время, и когда наконец присела на любимую лавку в саду Академии с интересной книгой, душа по-тихому принялась ликовать. Отдых она заслужила и недаром уже давно нашла отличное местечко вдали от посторонних глаз, где ученицы обычно не ходили и в котором время текло по-особому медленно. Кларисса

открыла интересную книгу, с трудом найденную на полках библиотеки, и принялась читать. О времени можно было не беспокоиться — колокол на центральной площади города, знаменующий вторую половину дня, отсюда было слышно. Как только он прозвонит, она встретится в комнате с Авилиной и, может, пойдет гулять, а вечером они сядут доучивать материал по военному праву...

Кларисса так увлеклась, что не обратила внимания, как прямо над скамьей нависла человеческая тень. И, подняв голову, увидела девушку в бело-голубом плаще и серебристой маске. Это была одна из послушниц, что в стенах Академии появлялись довольно редко. Девушка молча положила на скамью аккуратно сложенный небольшой листок бумаги. Кларисса посмотрела с недоверием, хоть и догадалась, что это должно быть очередное приглашение от мамы, которая как раз сегодня должна была дежурить. Отложив книгу, она взяла листок и прочитала.

Завтра, после звона утреннего колокола, стой у входа в королевский дворец. Тебя встретят. Да будет велика слава вечных.

Кларисса вновь подняла глаза, но девушка уже скрылась где-то за поворотом, среди деревьев. Сердце в груди заколотилось сильнее, предчувствуя что-то нехорошее. На маму это совсем не похоже. Завтра они не планировали видеться, но было бы лучше к ней заглянуть и узнать, что всё это значит. А заодно и поговорить на счет этих послушниц.

Времени прошло прилично. Уже скоро зазвонит колокол, и Кларисса поняла, что нужно поторопиться. Она быстрым шагом зашла в Академию и, пересекая знакомые коридоры, поднялась на этаж выше, оказавшись у нужной двери. Убедившись, что поблизости никого нет, Кларисса приоткрыла дверь и тихонько вошла. Она была больше, чем уверена, что мама сегодня должна быть в Академии. Но в комнате никого не было. Оставалось только дожидаться, когда мама вернется. Конечно, не вечно же ей сидеть у себя в кабинете, но где она может быть? Кларисса улыбнулась, в мыслях представляя лицо мамы, когда она войдет в кабинет и увидит родную дочь.

Кларисса уселась на скамью возле стены и стала ждать. За стенами иногда слышались шаги, но в кабинет долгое время так никто и не заходил. От скуки она начала осматривать каждую мелочь: пустые стеклянные сосуды для зелий на настенной полке, аккуратно сложенные бумаги на письменном столе, несколько перьев и чернила. Мама любила порядок, хотя это был не только её кабинет. Наверняка она одна здесь порядок и поддерживала, а заодно покупала несколько трав и ингредиентов для зелий в столице и приносила, а по ночам читала специальные книги про травничество.

Когда дверь неожиданно открылась, Кларисса вскочила. Но это был всего лишь привратник Веймар, который удивленно посмотрел на непрошенную гостью, закрыл дверь и только после этого спросил:

— Что ты здесь делаешь? Что-то случилось?

Кларисса слегка замялась, не ожидая его увидеть.

— Дева Талия попросила сегодня прийти для одного дела.

— И что же это за дело?

Уточняющие вопросы сейчас были совсем ни к чему. Кларисса не знала толком, что ответить и сказала, как есть:

— Это... личное.

— Ясно, тогда можешь её не ждать. Деву Талию поместили под стражу по обвинению в сговоре с культом Вечных.

— Давно? — резко спросила Кларисса.

— Вчера, насколько мне известно.

Теперь Кларисса разволновалась не на шутку. Дело резко приняло серьезный оборот.

— И что с ней будет?

— Обычно, если причастность человека к культуре доказана, его ждет заключение где-нибудь в шахтах. Но в случае с девой Талией и её высоким положением при дворе, думаю, приговор будет более жестким. Боюсь, что это может быть смертная казнь.

Привратник говорил без капли злобы и презрения. И даже где-то прозвучали нотки сочувствия, хоть в лице он не изменился и продолжил смотреть на Клариссу испытывающим взглядом. Она не могла найти слов, чтобы ответить. Смотрела прямо на него, но будто не видела перед собой. Казалось, сейчас она заговорит, и голос начнёт дрожать. Но, взяв себя в руки, Кларисса спросила:

— Что культисты сделали такого государству?

— Ничего, — равнодушно ответил он. — Это всего лишь фанатики и лжепророки, что приходят к людям, облаченные в овечью шкуру. Они поют проповеди о вечных, восхваляют нечестивых правителей и хотят свергнуть привычные устои общества. Но хоть на вид еретики и безобидны, нутром они волки хищные и несут за собой реальную угрозу. Вот почему принц Освальд их так боится.

— Вы можете ей как-то помочь? — нервно спросила Кларисса, уже не в силах скрывать беспокойство.

— Я не знаю, как это случилось, но даже при отсутствии каких-то весомых доказательств, её, скорее всего, казнят. Так уж устроена наша система правосудия. Наверняка, это неспроста и, скорей всего, она кому-то перешла дорогу. Хорошо ещё, что нет близких родственников. Их бы тоже схватили и допрашивали, и наверняка загребли бы вместе с ней.

Кларисса поняла, что её сейчас затрясет или она попросту расплачется, и нужно немедленно уходить. Но Веймар её остановил.

— То, что я сказал на счет девы Талии, это между нами. Никто не должен знать, хорошо? Мы много лет проработали вместе при дворе, и лично я не хочу для неё такого конца. Мне неважно зачем она тебя звала и имеет ли она какое-то отношение к культуре или нет. Она хороший человек. Но слухи в Академии быстро распространяются, а это только навредит. Поэтому ни говори никому, ясно?

Кларисса молча кивнула, не в силах ответить.

Глава 7. Плата за дружбу

Кларисса не находила себе места. От нарастающей тревоги и давления мыслей даже заболела голова. Нужно срочно что-то предпринять, а не стоять на месте. Она дошла до своей пустующей комнаты, закрыла дверь и просто села на кровать. В кармане всё ещё чувствовалась злосчастная записка, но Кларисса не решилась её доставать, ведь в любой момент могла вернуться Авилина.

Казалось, не будь этой записки вовсе, и с мамой всё было бы в порядке. Одни беды всегда от этого ужасного культа. Кларисса и раньше пыталась поговорить с мамой на эту тему, и всегда нетерпеливо относилась к посторонним в доме. Но не могла её ни в чем убедить. А первые тревожные мысли стали посещать ещё, когда она узнала, что культ вовсе запрещён в Палеонессе. Но никто не упоминал, что всё на столько серьёзно. В Палеонессе вообще много чего запрещено законом. Дар душегуба, некоторые виды зелий и опасных ядов, торговля без специального разрешения, да даже просто разговоры о заговорах и оскорбление правящего рода.

А вот мама, наверняка знала, потому и проявляла такую осторожность и даже собственную дочь заставила делать вид, что они для всех вокруг чужие. Сидя на кровати, Кларисса грустно усмехнулась. «Собственная дочь» сидела и ничего не могла сделать с надвигающейся бедой. И хоть дева Талия не была родной матерью, она человек, который её вырастил и воспитал.

Дверь открылась, и в комнату бодро вошла Авилина. Каждый раз она возвращалась из дома в приподнятом настроении и потом могла часами рассказывать о том, что во дворце всё так же, как и раньше. Дома принцессе всегда были рады.

— Привет, забыла? — Ави сразу же протянула книгу, которую Кларисса в спешке оставила на скамье. — Я думала ты в своём укромном местечке, как обычно, но там была только книга.

— Спасибо. Как дела дома?

Кларисса говорила тише, чем обычно и, скрестив руки на груди, постаралась придать голосу максимальную непринужденность. Но принцесса не обратила на это никакого внимания и начала непринуждённо рассказывать:

— Да, всё прекрасно. Отец на месте, решает государственные дела, а мать уехала в свой этот орден Святой Вианоры, в Гальрад. И похоже, на этот раз, надолго. Я наконец-то искупалась по-человечески. Жаль, тебе со мной нельзя, отец не любит гостей.

Про себя Кларисса усмехнулась, вспомнив слова привратника: *«принц Освальд подозревает в шпионаже и изменах практически всех, кто его окружает»*. Ещё бы он любил гостей, хоть и своей ненаглядной дочери.

— Я хочу спросить тебя кое о чем, — осторожно сказала Кларисса, стараясь говорить спокойно. — Один человек, которого я знаю, попал в беду. Его обвиняют в сговоре с культом. Можешь чем-нибудь помочь?

Кларисса сама не знала, почему произнесла это. Хоть в глубине души она и не надеялась на помощь, но всё же понимала, что с подругой нужно поговорить, несмотря на запрет привратника. Только делать это следовало очень осторожно, поэтому она решила зайти издалека, не говоря ничего конкретного. А вот Авилина заметно напряглась, услышав такую новость.

— Ты сейчас говоришь про культ вечных?

В воздухе повисла пауза. Кларисса уловила явное презрение в голосе.

— Да, и я боюсь, что больше не увижу этого человека. И очень переживаю. Сможешь как-то помочь?

Авила нахмурилась, будто услышала какую-то неправдоподобную глупость и решила уточнить:

— Подожди, я не понимаю, про кого конкретно ты говоришь?

— А это так важно?

— Нет, но папа говорил, что культ Вечных на территории Палеонесса уже очень давно. И все, кто в этом культе, опасны. Это фанатики, готовые идти на что угодно, чтобы свергнуть правление нашей династии.

Значит, вот как всё получается? Принц Освальд уже давно настроил Авилу против культа Вечных, кем бы они ни были. И если сейчас Кларисса скажет, что дева Талия её мать, Ави может проболтаться отцу, и тогда случится беда. Мама не просто так проявляла осторожность. Освальд может не только убедить дочь в то, что Кларисса враг и заодно с «фанатиками», но и переселит её в другую комнату. А за самой Клариссой просто придут девы из числа личной гвардии его Величества и больше никто никогда её не увидит.

— Если этот человек был обвинен по ошибке, что, наверняка, так и есть, вряд ли ему что-то грозит, — попыталась успокоить Авилу. — А если не по ошибке, то я не советовала бы тебе с ним больше общаться и с его родственниками тоже. Это может быть довольно опасно.

— Я поняла, — ответила Кларисса. — Ладно, забудь, что я сказала. Просто, забудь.

Слова давались тяжело и будто застревали где-то в горле. Принцесса, наверняка, подумала, что речь идёт про какого-нибудь старого знакомого или, на худой конец, друга детства. Кларисса приготовилась соврать, сказав, что имеет ввиду мальчика из соседней деревни — Эдрика, с которым они были хорошо знакомы ещё со школы. Авилу не стала снова спрашивать, но и не желала так просто отставать:

— Слушай, если это человек так важен для тебя, я могу поговорить с отцом, это не проблема. Точнее разговаривать придется не с ним. Но, если есть обвинение, значит должен быть суд. Лучше сначала дождаться приговора. В любом случае, может всё и обойдется. А если приговор будет положительным, тогда я поговорю, обещаю. Только вот, вряд ли меня послушают, понимаешь?

Кларисса молча кивнула. Значит, решено — она пойдет завтра к воротам дворца, как указано в записке и узнает, какую помощь предложит культ. На Авилу стоит рассчитывать только в крайнем случае. А лучше — не рассчитывать вообще. Кларисса даже не знает, когда и где будет суд и будет ли он в принципе. Наверняка маму держат в подземной тюрьме дворца, о которой она говорила, и, скорее всего, собираются судить в частном порядке.

— Спасибо, — сказала Кларисса. — В любом случае я рада, что ты можешь помочь. Судьба не просто так свела нас вместе.

— Да, непросто так, — подтвердила Авилу. — На самом деле, наше знакомство произошло не совсем случайно.

Теперь уже Кларисса с удивлением смотрела на Ави.

— Да, пожалуй, пришла пора раскрыть тебе небольшой секрет, — смущенно улыбаясь, продолжила она. — Дело в том, что я очень волновалась на поступлении, да и с кем мне потом жить три года в одной комнате, тоже не последний вопрос. Веймар посоветовал

присмотреться, как сдают экзамен другие и найти кого-то из лучших. Он считал, что жить в одной комнате с отличницей мне в будущем поможет, ведь, экзамен на звание девы как-никак решит мою судьбу. И, знаешь, он был прав. Так что я благодарна тебе гораздо больше. И постараюсь сделать всё, чтобы тебе помочь, если это возможно. Ты извини, что раньше не рассказала.

— Ничего страшного, я только рада, что так сложилось, — честно сказала Кларисса.

— Так, кто говоришь этот обвиняемый? Твой знакомый?

Кларисса не спешила отвечать, прислушалась к своей интуиции. Та предательски молчала, но чувство опасения не покидало ни на секунду.

— В каком-то смысле да, — непринужденно ответила она. — Я знаю его с детства. Но, хватит о нём. Ты права, дождусь сначала суда. А ты лучше сядь, ещё раз повтори на завтра материал.

— Как скажешь.

Авила наконец прекратила допрос. За окном начинало темнеть, и она зажгла свечи, села возле окна и открыла учебник. А Кларисса сняла верхнюю одежду и забралась под теплое одеяло, отвернувшись к стене. Сейчас не хотелось никого ни видеть, ни слышать. Кларисса закрыла глаза в попытке заснуть, но вновь услышала голос подруги:

— Я завтра пойду домой, по делам. Ты собираешься в город утром?

— Нет, я, пожалуй, останусь.

— Я точно тебя ничем не обидела? — забеспокоилась принцесса.

— Нет, всё в порядке. Просто что-то голова болит. Я, пожалуй, спать.

— Может, позвать врача? — обеспокоенно спросила Авилена.

— Не нужно, спасибо.

Кларисса услышала, как Авилена потушила свечи и легла. В комнате стало тихо и темно, только где-то за окном на улице были слышны шаги и приглушенные разговоры. Мысли в голове не давали возможности уснуть. Нельзя было сказать, что Кларисса привыкла прятаться за маминой спиной, наоборот, она всегда хотела самостоятельности, учиться в Академии вдали от дома, вести взрослую жизнь. И всегда знала, что мама сильная и может справиться с любой проблемой. А её редкие дежурства в Академии грели душу. Но если сейчас ничего не сделать, случится непоправимое. Великий и добросердечный правитель, отнявший родителей, заберет ещё и мать, вырастившую и вложившую в неё душу. Безвозвратно и без права на помилование, только за то, что когда-то давно её спас культ Вечных, который так мешает людям у власти вести беззаботную жизнь. Кларисса останется совсем одна в этом мире, не нужная никому.

Она уткнулась в подушку и беззвучно заплакала, впервые за очень долгое время. Она не помнила, когда такое было в последний раз. Скорей всего, ещё в детстве. Слава Малеону, Авилена засыпала и ничего не слышала.

С самого утра Кларисса старалась вести себя так, словно всё в порядке, но немногословность и хмурый вид говорили об обратном. Авилена, сразу заметив настроение подруги, не стала приставать, быстро собралась, попрощалась и ушла гулять в столицу. Как только захлопнулась дверь, Кларисса почувствовала давящую тишину, но посидев немного, сразу же кинулась собираться. Скоро зазвонит колокол в городе, оповещая о пробуждении, и ей нужно стоять возле дворцовых ворот. Быстро собравшись, она вылетела из комнаты и, заперев дверь, направилась на улицу.

Лето выдалось не слишком жарким, и легкий ветерок приятно обдувал кожу. Сейчас бы она гуляла с Авилиной по городу, зашла бы в любимую лавку к пекарю, купила несколько вкусных булочек, болтала бы об предстоящих экзаменах. Но вместо этого она в спешке подошла к воротам во дворец и стала ждать. С городской площади послышался отдаленный звон колоколов, знаменующий начало нового дня. Городская центральная площадь в быстром темпе начала заполняться людьми, открывались лавки и магазины, а люди спешили на рабочие места.

Около входа во дворец не было ни одной скамьи, чтобы присесть. А за большими черными воротами виднелся прекраснейший огромный сад, полный деревьев и кустарников, и широкая вымощенная дорога, ведущая к главному входу. Кларисса стояла и ждала, как ей казалось, довольно долго. Она пыталась кого-то разглядеть за воротами и поблизости, но никому не было до неё никакого дела.

— Ты чего здесь забыла?

Кларисса не сразу поняла, что обращаются именно к ней. В округе не было, ни души, кроме двух девушек в светлых плащах, при оружии, стоящие на охране у ворот. Это были Палеонесские девы, служащие на территории дворца.

— Я просто жду кое-кого, — ответила Кларисса.

— Здесь запрещено стоять, — грубо отрезала собеседница. — Убирайся подальше и жди кого хочешь.

— Да, она из Академии, похоже, первогодка, — подметила вторая дева. — Верно, проваливай, пока мы добрые.

Кларисса хотела отойти подальше, чтобы не наживать неприятностей, но за воротами дворца неожиданно показался Веймар. Привратник был одет в красивые изысканные одежды и, увидев Клариссу, сразу же поспешил к воротам.

— Пропустите её, это ко мне.

Девушки послушно открыли ворота и, брезгливо посмотрев, всё же пропустили. Ни слова не сказав, привратник жестом подозвал к себе и зашагал прямо во дворец. Клариссе ничего не оставалось, как последовать за ним по пути, с восхищением бросая взгляды на великолепные деревья и цветы. Путь до входа был недолгим, а в саду гуляла парочка вельмож.

Внутри дворца всё выглядело куда более роскошней, чем она себе представляла. Вот он, величественный дом рода Альберти, возведенный многие столетия назад, как символ власти Палеонесса. В глаза сразу бросался размах. Огромные черные колонны, подпирающие высоченный потолок центрального зала, растения, цветущие в больших горшках, ступеньки, ведущие к большому серебристому трону, бело-голубые длинные ковры. Всё кричало о богатстве и роскоши, и в тоже время было сделано в каком-то едином стиле с Академией. Давным-давно именно здесь заседал совет, принимая решения путем голосований и споров, но власть сменилась на единую правящую династию.

Кларисса помнила даты рождения всех принцев и принцесс, живших много поколений назад, могла сказать кем и как был совершен государственный переворот и когда произошла смена формы правления. Могла назвать все даты и имена, даже если её разбудят и спросят прямо посреди ночи. В отличие от Авилы, ей всегда была интересна история, а это место пропитано историей.

Веймар завернул куда-то за угол и зашагал прямо, следя, чтобы Кларисса не отставала. Он шёл довольно быстро, озираясь по сторонам. Она успела почувствовать оттенки

нервозности. И пока они шли, по пути встречались разные люди, какие-то вельможи, богатеи, политики. Почти возле каждой двери стояли вооруженные послушницы, а по коридорам патрулировали вооружённые девы. Охраны во дворце хватало с избытком.

Привратник решил заговорить, как только они завернули за очередной угол пустующего холла и остались одни:

— Что привело тебя сюда?

— Авилаина приглашала в гости, вот я и решила зайти.

— Приглашала в гости прямо во дворец?

Кларисса услышала удивление в голосе. Она мысленно себя упрекнула за то, что не придумала ничего получше. Например, что они договорились встретиться с принцессой возле ворот дворца.

— Да, она много раз говорила об этом, — решила настоять Кларисса. — Мы решили, что сегодня с утра пойдем гулять в город и встретимся возле входа во дворец. И вот я здесь.

Привратник открыл большую дубовую дверь и вошёл в комнату, жестом позвав за собой. Это был небольшой, но очень шикарно обставленный и уютный кабинет, с большим письменным столом, красивой резной мебелью и стеллажами с книгами. Половину стены занимал камин из белого кирпича, над которым висел щит и несколько мечей. Привратник плотно закрыл дверь и лишь после этого заговорил:

— Знаешь, ты совсем не умеешь врать, Кларисса.

Она нервно сглотнула. Пытаться переубедить в своей правоте уже точно не получится. Но привратник несколько не был расстроен этим фактом, скорее наоборот, даже приободрился. Кларисса почувствовала, словно что-то нехорошее надвигается, как большой снежный ком. Нужно срочно уходить и разыскать члена культа, который хотел с встретиться с ней.

— У вас очень уютно, но думаю, мне нечего здесь делать, — осмелела Кларисса. — Я лучше пойду.

— Разве нечего? А помнишь, я предлагал работу? А мы с тех пор о ней так и не поговорили. Так вот, самое время её выполнить. Присядь-ка.

Любопытство пересилило, и Кларисса послушалась. Веймар открыл сундук в углу комнаты и тщательно покопавшись, достал оттуда небольшой сверток. Присев рядом, он положил ей на колени что-то весомое, обернутое в дорогую красную ткань, из-под которой выглядывал кончик лезвия. Кларисса не решилась прикоснуться, хоть и поняла, что это такое. Привратник сам откинул ткань, и перед глазами предстало два красивых и искусно выполненных на вид кинжала.

— Я не совсем понимаю...

— Всё ты понимаешь.

Кларисса сидела и не знала, что сказать. Точнее — знала, поскольку догадка напрашивалась сама по себе.

— Вы — отец культа?

Веймар посмотрел с усмешкой, будто ему только что сказали, что на улице выпал снег.

— Вижу, что ты в смятении.

— Вы же много лет служите Ави и её отцу, — с волнением в голосе упрекнула Кларисса.

— И что с того? — с вызовом спросил Веймар. — Может, ты видишь в вечных воплощение зла? Поверь, мы не хотим никому страданий. У культа даже более высокая цель,

чем все политические распри, обсуждаемые внутри этих стен. А я лишь скромный пастырь, что ведет заблудших овец своих из темноты к свету.

— Кем бы вы себя не считали, мама в опасности из-за того, что связалась с вами.

— Она не рассказывала, как культ забрал её с улицы, вытащил из нищеты? И быть с нами — её собственный, добровольный выбор. Ты, наверняка, знаешь это.

— И как же так получилось, что мама теперь в темнице?

— Она была неосторожна, — небрежно ответил Веймар. — Видит Маллеон, я её предостерегал. Говорил, что Освальд может послать кого-то шпионить за ней и что уже долгое время что-то подозревает. Талия хоть и проявляла бдительность, но относилась к моим словам легкомысленно. Кто-то сдал её лично принцу Освальду.

— Это ложь, — тихо сказала Кларисса.

— Можешь мне не верить, но это так. Сейчас Талия находится во дворце в тюрьме на подземном этаже. И я скажу тебе, как всё будет. Есть только один способ спасти её — убить принца. В любом другом случае ничего хорошего твою мать не ждет. Только пытки и медленная смерть.

Кларисса сидела и вспоминала, как зареклась матери, что не будет ломать жизнь Авилины и убивать принца Освальда. Тогда даже мысли об этом казались чем-то далеким и невозможным. Ещё тогда легко можно было представить, как они с Ави успешно закончат обучение и её пригласят в этот самый дворец в качестве какого-нибудь советника, служить у самого главы государства. Другие девочки из Академии и мечтать о таком не могли.

— Вы издеваетесь? — разозлилась Кларисса. — У вас даже в Академии повсюду приспешники, что уж говорить о дворце? Вы могли бы просто подослать несколько человек заколоть его этими кинжалами, вот и всё.

— Он благословлённый и только такой же потомок Маллеона может убить его.

— Всё это слухи. Вы же сами говорили, что Дева Альферия...

— Слухи или нет, у нас есть только одна попытка. И я не хотел бы рисковать, веря в слухи или домыслы. Не просто так род принца Освальда остается править Палеонессом на протяжении столь долгого времени. Смерти можно избежать разными путями, поверь мне. К тому же, некоторое время поговаривали, что принц выучился на душегуба в детстве. Что сильно уменьшает вероятность быть убитым даже при покушении. Но ты благословлённая, а значит, дары на тебя не работают.

Кларисса промолчала. Всё внутри внезапно затряслось от страха. Она не знала, что делать, но мысленно начала готовиться к самому худшему. Что-то подсказывало, что привратник прав и другого шанса уже не будет. Как и другого пути. Но что на самом деле вызывало страх — это дорога в один конец. Больше не будет карьеры Палеонесской девы, приглашения работы во дворец, дружбы с наследницей престола... не будет ничего. Пожалуй, избежать пыток и смертной казни после покушения будет наивысшим благословлением Маллеона. И уехать с мамой куда-нибудь подальше отсюда.

— Возле покоев Освальда стоят послушницы, которых скоро сменят мои люди. Они не будут досматривать и пропустят тебя с оружием, — объяснил Веймар. — Я всё организую. Скажу Его Величеству, что пришла одна из моих учениц для работы и тайно предупреду своих людей. Как только всё случится, заведи ключ от темницы с поганой шеи принца, и мы освободим Талию, обещаю.

Кларисса не нашла, что на это ответить. Она начала отчетливо понимать, что, несмотря на неотступящий страх внутри, нужно было действовать. Вслух говорить этого просто не

хотелось, но выбора уже не было. Как и не хотелось признавать, что привратник всё это время говорил правду. Если сейчас отступить, то что потом? Продолжать учиться в Академии и жить с принцессой в одной комнате как ни в чём не бывало она просто не сможет. А если рассказать принцессе, что произошло, её отец, наверняка, предпримет жёсткие меры. Останется только вернуться домой и заливаться там вином и слезами. А что потом? Ждать, когда за ней явятся тайный отряд душегубов принца Освальда?

— Что же ты молчишь?

— Вам же плевать на маму, верно? — тихо спросила Кларисса. — Вам на всех плевать.

Вы хотите освободить из темницы человека, который нужен культу, вот и всё.

— Ничего ты не знаешь, — терпеливо ответил Веймар. — Я ценю Талию и её большой вклад в наше общее дело. И, конечно же, хочу для неё освобождения. Да, есть человек, свобода которого для культа невероятно ценна. Но без твоей помощи мы не освободим ни его, ни твою мать. И всё будет напрасно.

— Я скажу, как всё будет, — решила Кларисса, вставая с места. — Я убью принца Освальда и освобожу маму. А затем мы с ней уберемся подальше отсюда и больше ни вы, ни кто другой из вашего культа никогда не будут даже пытаться нас разыскать.

Веймар молча кивнул. Кларисса снова взглянула на кинжалы, которые, будь на то воля Малеона, уже скоро обогрятся кровью. Кровная месть за родителей, наконец, будет свершена. Оставалось только надеяться, что с мамой всё в порядке.

Глава 8. Власть вечных

Если бы жители Палеонесса знали, что сегодня днем их правитель умрёт, что было бы тогда? И кто после этого будет новым правителем? Мама Авилины? Та самая Светоносная дева, убившая благословлённого во время восстания в Беренгарском союзе? Пока Кларисса и Веймар стояли и ждали неподалёку от покоев принца, в голову лезли самые разные глупые мысли. Не хотелось даже думать о том, что будет ждать её за дверьми покоев принца. Кларисса с самого детства знала, что некоторые события в жизни неизбежны, а для других надо приложить огромные усилия. Окончание школы, поступление в Академию, тренировки с оружием по утрам и вечерам. Всё это время она шла по нелегкому пути, но всегда знала, куда он приведет. А сейчас, когда возле дверей его Величества сменится стража, всё решит судьба. Грело душу лишь то, что скоро она увидится с мамой. И кровная месть — благое дело. Правда на её стороне, не иначе.

— Что-то ты совсем не волнуешься, — заметил Веймар. — Уже готова переписать историю своего государства?

Кларисса нервно усмехнулась, взглянув на большие деревянные двери, возвышающиеся практически прямо перед ними. Наверняка, если всё пройдет хорошо, о ней когда-нибудь напишут в учебниках истории, которые она же изучала в Академии. И, возможно, ещё о том, как её настигла смертная казнь, самая жуткая из всех возможных. Такое она уж точно не прочитает. Это будет история, в которой её выставят изменником государства. Жестоким фанатиком, бастующим против благородной и нерушимой власти. Наверняка не забудут упомянуть и то, что она жила в одной комнате с наследницей престола. Втиралась в доверие, заводила дружбу, только чтобы попасть во дворец...

— Поменьше думай о последствиях. Поверь, ты сделаешь большое одолжение всему государству, — подбодрил Веймар.

Кларисса увидела, как к дверям покоев принца, идя ровно шаг в шаг, подошли послушницы. Стоявшие на посту сошли со своих мест и удалились, уступая посту. Сменившие их девушки смиренно встали с двух сторон от дверей, и одна из них еле заметно кивнула привратнику.

— Жди меня здесь, — скомандовал Веймар. — Я скажу, что ты пришла по поручению из Академии и, если повезет, он примет тебя сейчас.

Привратник ушёл, оставив Клариссу одну. Она постаралась отогнать навязчивые мысли о том, что можно прямо сейчас убраться прочь отсюда и искать какой-нибудь другой способ спасти маму. Одной стоять хоть и где-то в стороне было не очень-то и уютно, тем более со спрятанными под плащом клинками, когда ходить с оружием по дворцу таким как она было строго запрещено. Но, казалось, никому до этого не было дела, и только изредка кто-то проходивший мимо подозрительно косился в её сторону. А Веймар, как назло, не выходил довольно долго, и Клариссе начало казаться, будто время замедлилось.

Наконец-то он вышел и кивком головы велел идти. Даже подождал, дабы убедиться, что Кларисса не захочет вдруг развернуться и направиться куда-то в другую сторону. Несколько мгновений Кларисса стояла, не решаясь двинуться с места, но потом медленно, шаг за шагом, дошла до Веймара. Она почувствовала на себе взгляд послушниц. Обе заинтересованно взглянули, и Кларисса ощутила от них едва уловимое напряжение.

Теперь понятно, почему привратник так спешил. Если, не дай Малеон, из мамы начнут

выпытывать правду, принц Освальд узнает имена всех, кто состоит в сговоре с культом, и тогда Веймару и всем его соратникам несдобровать. А сколько культистов во дворце и в Академии? Наверняка очень и очень много. Сам Веймар и пропускал своих же девушек в казармы дворца, на военные должности и боевые посты.

Зайдя внутрь, Кларисса увидела большой и неприлично богато обставленный кабинет. На полу пестрые ковры, на стенах картины, крутом мебель была сделана из темного резного дерева и большие книжные полки у стены. Пространства тут было больше, чем в целом доме. И в углу за красивым бархатным занавесом был виден вход в ещё одно помещение.

Он стоял, повернувшись спиной в пяти шагах от неё и что-то искал на огромном письменном столе. Кларисса поклонилась и уже хотела было представиться, но правитель её опередил:

— Присядь и подожди, я сейчас.

Низкий голос и ровный тон не терпел возражений. Таким отдают приказы и раздают указания. Кларисса бы послушалась, будь иные обстоятельства, но сейчас представлялась хорошая возможность для нападения. Стараясь вести себя как можно тише, она приблизилась к принцу. Он выглядел внушительно даже со спины. Высокий рост и большой вес делали из него опасного и выносливого противника. Бить нужно наверняка и в уязвимые места.

Кларисса хорошо чувствовала тяжесть оружия в руке — от тяжелого до легкого, знала, в какие места бить и с какой силой. Она всегда была уверена, что готова применить силу, если вдруг кто-то нападет. В родной деревне всегда было спокойно и тихо, даже никто ни с кем не ругался. Может, какой-нибудь воришка на центральной площади Алкорию случайно попался бы под руку. Но сознательно убить главу государства, благословлённого, прямо во дворце, в его покоях — непростое дело даже для опытного убийцы. Её шансы не так велики, как хотелось бы. Остаётся надеяться, что у судьбы на Клариссу ещё уготовлены свои планы.

Она тихо подкралась и, когда между ними сократилось расстояние в один шаг, взялась за рукояти кинжалов. Ровно в этот момент принц перестал копошиться на столе и замер. Будто почувствовал надвигающуюся угрозу. Кларисса почувствовала, как её слегка затрясло. Но, несмотря ни на что, в момент, когда он обернулся, она уже налетела, преодолев оставшееся расстояние прыжком, и воткнула один из кинжалов точно в горло. И быстро вытащив из ножен второй, ранила противника в бок. Принц завалился на собственный стол и наотмашь ударил рукой, попав Клариссе по лицу. Удар был такой сильный, что она отлетела на пол. Но собрала все силы, чтобы подняться на ноги как можно быстрее.

Её никто не атаковал. Принц повалился на пол, держась руками за кинжал в горле, и тяжело дышал. Дорогой ковёр и одежда обагрились кровью. Даже если вытащить лезвие, смерть наступит неминуемо быстро, а если оставить, то медленно, но верно. Кларисса, как ей показалось, молниеносно сблизилась с принцем, схватившись за рукоятку кинжала, и воткнула ещё дальше, сколько было сил.

— Пап, всё в порядке?

Она обомлела. Голос что донесся из соседней комнаты, на короткое мгновение поверг в ступор. Казалось, вот сейчас Авилина войдет, и беды точно не миновать. Принц не смог ничего ответить, лишь направил испуганный взгляд на бархатный занавес, молча умоляя дочь не выходить. Затем тело обмякло, а рука, державшая кинжал у горла, опустилась на пол. Жизнь покидала крепкое тело. А на глаза Клариссе попала серебряная толстая цепочка на шее врага.

— Пааааап... — донесся зовущий из другой комнаты голос.

Рывком вытащив кинжал, она сняла цепь, на которой оказался небольшой серебряный ключ, и, забрав оружие, бросилась бежать наутёк. Рывком распахнув двери, Кларисса выбежала в холл, где на неё тут же уставились несколько проходящих мимо вельмож. Они остановились и некоторое время с недоумением смотрели на Клариссу и кинжалы в руках, с которых отчетливо стекала человеческая кровь.

Кто-то закричал, и почти сразу же началась какая-то паника и суета. Веймар возник будто из ниоткуда и, схватив за руку, отвел в сторону, выхватив из руки ключ. Затем едва заметно кивнул охраняющим дверь послушницам. Прямо на глазах Клариссы те достали мечи и принялись резать стоявших неподалёку свидетелей. Привратник надел какую-то странную черную маску, похожую на ту, что носят послушницы, и вручил вторую Клариссе, крикнув тоном, не терпящими возражений:

— Надевай, живо!

Кларисса послушалась. И как только надела маску, из кабинета главы государства раздался крик. Она оцепенела больше от неожиданности, чем от испуга. В этом крике была столько боли и мольбы, сколько она не могла и представить. И, если бы не Веймар, так бы и стояла как вкопанная на одном месте, дожидаясь правосудия.

Привратник повел её прямо по коридорам дворца, в те места, где никогда в жизни не доводилось бы побывать. Кларисса догадывалась, что они идут ко входу на нижний уровень, где располагается тюрьма, и только поэтому старалась не отставать. Вокруг происходило нечто невообразимое. Где-то в холле первого этажа звучали крики, откуда-то из-за поворота выскочили вооруженные послушницы с такими же черными масками и бросились вперёд по коридору. Простых служащих замка убивали без суда из следствия, других оставляли в живых и куда-то уводили. Кларисса знала, что культисты, предупрежденные заранее, завидев тревогу, сразу же поменяли маски, чтобы узнать друг друга, и забаррикадировали выход. Они готовились к этому долгое время, действовали чётко и слаженно. Где-то в холле первого этажа слышались звуки битвы. Серебристые сцепились с Черными в неравной борьбе.

Форма Палеонесской девы — просто одежда. Она не делает кого-угодно доблестным защитником государства. Ведь дева — символ мужества, чести и справедливости. Это способность быть стойким и сильным перед врагом государства, сохранять достоинство и держаться стойко, защищать слабых, убивать неугодных и, имея возможность, носить благородное оружие, поступать по справедливости. Так Кларисса думала все детство, мечтая стать воплощением идеалов Палеонесса. Всё это оказалось ложью.

Веймар зашёл в какое-то тёмное помещение и отворил скрипучую железную решетку. За ней виднелась лестница вниз. Он так спешил, что даже не убедился, есть ли за ними погоня. Кларисса старалась сохранять бдительность, держала оружие наготове и, спустившись вниз, пошла за Веймаром прямо по небольшому коридору в самый конец. Привратник, используя ключ, со скрипом отворил тяжёлую металлическую дверь.

Здесь пахло сыростью. Под ногами застыла засохшая кровь, в помещении без окон стояли приспособления для пыток, о которых она только читала в книгах и видела на рисунках. А дальше несколько тюремных решеток в ряд, друг за другом. Кларисса начала метаться и всматриваться в темноту, пока за одной из них наконец, не обнаружила маму. Веймар был прав. Её держали именно здесь всё это время! Не было никаких сомнений что это именно она, лежала в маленькой камере, прямо на полу.

— Мама, ясейчас!

Голос дрожал. Кларисса быстро подбежала к стене, где заметила ключи и схватив связку, вернулась обратно к камере, пытаясь отпереть. Как на зло ни один из ключей не подходил, а руки дрожали и плохо слушались. Она не смотрела на мать, только на замок, пытаясь попасть внутрь как можно скорее. Послышались шаги и в помещение спустилось несколько человек. Кларисса приготовилась драться, но это оказались девы в черных масках. Они не обратили на неё никакого внимания и пошли дальше, к привратнику, уже открывшему дверь темницы в самом конце тёмного коридора.

Наконец один из ключей подошёл, и дверь темницы распахнулась. Кларисса вбежала внутрь, не теряя ни секунды.

— Мама, пойдём, надо бежать!

Кларисса взялась за плечо матери и начала тормозить. Но, похоже, она была без сознания. Слуги принца могли пытаться её. От этих мыслей стало не по себе. Пока Кларисса приводила мать в чувство, к ним в камеру вошёл привратник и, молча посмотрев на происходящее, замер на месте. Кларисса всё не унималась. Из последних сил перевернула маму на спину. В темноте она едва различала её лицо.

— Помогите мне! — взмолилась Кларисса. — Надо вытащить её отсюда.

Но привратник подошёл ближе и схватил её за руку.

— Кларисса, остановись. Она мертва.

Глава 9. Гальрадская знать

Дьюку казалось, что читать он уже научился довольно быстро, ровно до тех пор, пока не начинал этого делать. Стараясь произносить текст без запинки, он проговаривал его медленнее, чем хотелось бы. Но, по крайней мере, делал в этом нелегком труде большие успехи. И вот сейчас очередная попытка одолеть сложный текст давалась нелегко, после первого же длинного слова:

— ...таким образом все владеющие феодалы являются по-зе-ме-ль-но...

— Поземельнооблагаемыми, — подсказал учитель.

— Поземельнооблагаемыми, — продолжил Дьюк. — Как правило, в дружине у таких состоят однощитные воины и вольные наемники, подчиняющиеся ему напрямую...

Учитель Мейсон хоть и был староват на вид, но сил имел с избытком и даже под конец целого учебного дня мог неожиданно задать заковыристый вопрос, заставив соображать и вспоминать. Он неоднократно упоминал, что материал запоминается лучше тогда, когда ученик интересуется и вникает в смысл. И в этом была истина. По крайней мере, опыт обучения у него за плечами говорил за себя. В одно мгновение он жестом остановил Дьюка и обратился к Амелии:

— Почему подчиняющихся воинов называют однощитными? У других есть несколько щитов?

Прежде чем ответить, девочка встала с места, как и полагается:

— Потому что у таких воинов ничего нет, кроме щита. Ни земли, ни наследственных владений, ни богатой родни, — без запинки ответила она. — Такие люди поступают в дружину добровольно и надеются, что однажды сумеют скопить денег и купить хотя бы землю.

— Верно. Или что его сюзерен будет так здорово воевать, что навоюет огромное количество земель, где ему понадобится свой человек, которому можно без проблем поручить личное баронство, например. Хоть это понятие и идет из глубины веков, сейчас времена более мирные, несмотря на то что ходить по непротоптанным лесным тропам может быть опасно. Как раз из-за этих самых однощитных воинов, которые могут сбиться в группу и караулить торговые караваны или обозы.

Дьюк посмотрел в небольшое винтажное окно и заметил, как солнце постепенно уходит за горизонт. С каждым часом ощущалась приближающаяся темнота. Учитель Мейсон посмотрел на догорающую свечу и решил:

— Ладно, на сегодня закончим, пожалуй, мои достойные ученики.

Дьюк и Амелия встали со своих мест и, как положено, поклонились. Учитель был человеком весьма добродушным, хоть порой и строгим, когда дело касалось непосредственно учебы. Но, несмотря на это, с ним было приятно и интересно общаться. Их самодельная комната для занятий, сделанная специально для обучения Амелии, всегда выглядела уютно и содержалась в чистоте. Необходимость закончить домашнее образование в полной мере возникла у Амелии сама по себе. Ей не очень этого хотелось, но приходилось заниматься. А Дьюк после того, как возникла потребность в срочном порядке научиться читать, приходил сюда за компанию, чтобы учитель Мейсон заставлял практиковаться, вслух читая учебный материал.

Кто же мог подумать, что Дьюку суждено будет стать помощником магистра, учиться

разбираться в ценных бумагах и документах, а заодно и в срочном порядке научиться читать и писать? Если задуматься, он в очередной раз мог только удивиться, как судьба смеется в лицо, когда он задумывается о планах на будущее.

— Меня не будет дней пять, поеду обратно в орден, — сообщил Дьюк учителю.

— Что ж, воля ваша. Но не забывайте читать книгу, которую я дал каждый вечер хотя бы немного, хорошо?

— А меня тоже пару дней не будет, — тут же встряла в разговор Амелия.

— Не думаю, что сердить управительницу хорошая идея, — спокойно ответил ей Мейсон. — Помнишь, что было в последний раз, когда ты решила, что можно сюда не идти?

В ответ она с недовольным видом буркнула что-то совсем непонятное. Попрощавшись с учителем, который принялся собирать бумаги на столе в одну стопку, Дьюк и Амелия направились по узким каменным коридорам в центральный холл, откуда можно было попасть куда угодно.

В непривычно огромном замке место хватало всем и с избытком. Пожалуй, это был самый большой дом в Саргосе — столице Гальрада. Пару лет назад здесь периодически гостили лорды с других провинций, гальрадская знать и главы торговых гильдий. Днем устраивались шикарные пиры и пели менестрели, а вечером распивали дорогое Алкрийское вино и ночевали в богато обставленных комнатах для гостей в жилом корпусе. Но с приходом к власти леди Рокберри, замок стал казаться пустым, наполненным одиночеством и тишиной. То немногочисленное количество слуг, что осталось на минимальное жалование, редко встречалось без дела. Все были заняты обслуживанием замка, уборкой помещений, помощью на кухне и много чем ещё.

У Дьюка были свои планы на вечер, поэтому в центральном холле их с Амелией пути должны были разойтись. Он прекрасно знал куда она собирается отправиться

— Пойдешь со мной? — спросила девочка.

— Я обещал ребятам найти их после занятий.

Он хотел было повернуть в сторону лестницы на второй этаж, однако Амелия ловко схватила под руку и потащила за собой по улице, к донжону.

— Ну, пойдём! Думаешь, Камилле нравится, что ты её игнорируешь?

— Я никого не игнорирую, — спокойно ответил Дьюк, всё же последовавший наверх. — У нас ещё целая ночь впереди.

«Ночь бурных споров и противоречий», — хотелось добавить следом.

В кабинете управительницы царил порядок, который поддерживался по мере сил. Камилла сидела за большим рабочим столом и перебирала бумаги. Её взгляд скользнул по вошедшим и быстро вернулся обратно к работе. Амелия молча села на своё привычное место и посмотрела на стол, заваленный бумагами. Девочка решила помочь управительнице в канцелярии по вечерам и учиться, ведь ей предстояло занять место управительницы. Точнее, всё уже давно было решено за неё.

Камилла вновь подняла глаза и удивилась присутствию Дьюка, будто он только что появился из ниоткуда. Что ж, стоит отдать должное, он довольно редко сюда заходил. Работа с документацией навевала такую скуку, что даже пить с Дорианом и в очередной раз слушать его рассказы об убитом на охоте медведе казалось в разы интереснее. Чем он, собственно, и собирался заняться сегодня вечером.

Управительница вздохнула, собрала бумаги в одну кучу и положила прямо под носом у Амелии.

— Раскладывай, — велела она. — Потомственные владельцы отдельно, поземельные отдельно.

— Поземельнооблагаемые, — зачем-то вставил Дьюк, хотя это вряд ли имело какое-то отношение.

— Это что за бумаги? — спросила Амелия.

В её голосе Дьюк с легкостью уловил оттенки возмущения.

— Я решила окончательно разобрать старые документы, которые тут ещё со времен твоей матери лежат. Чтобы понять, что нужно, а что нет.

— Думаю, они уже все не нужны.

— Сиди и разбирай, — вновь велела управительница. — Дьюк, ты помочь пришёл?

— Нет, узнать, как настроение.

Он практически сразу пожалел о том, что сказал. Точнее, это случилось, как только лицо Камиллы стало недовольным. Наверняка никто не понял, что это была попытка пошутить. Юмор давался ему тяжело, как человеку не привыкшему особо проявлять эмоции. В последнее время он начал чаще практиковаться в шутках, но видит Малекон, учиться грамоте было и то проще. Весь мир казался ему таким беспокойным и суетным, а окружающие люди бессмысленно тратили силы и время.

— Настроение нормальное, — ответила Камилла с нотками раздражения. — Надеюсь, у вас в ордене тоже.

— Да, там всё хорошо, миледи.

— Я очень рада, милорд. Может, всё же поможете?

Дьюк, конечно, милордом не был, но каждый раз, когда он обращался к Камилле подобным образом, она отвечала тем же. Чаще всего это действовало положительно. Особенно по ночам и особенно наедине.

Он знал, что устроиться на должность управителя обычному человеку попросту невозможно. Правление провинцией передавалось от одного поколения к другому среди знати, и совет старейшин следил за тем, чтобы так и оставалось. Случай с Амелией был исключительным. Все её ближайшие родственники были убиты, а до шестнадцатилетия оставалось два года, поэтому понадобился наместник. И чтобы совет не присылал своего человека, который бы присвоил всю власть и вычеркнул правление дома Рокстерли из истории, Амелия в срочном порядке попросила у императора назначить своего доверителя. Рокстерли всегда были на хорошем счету, и император согласился. Это был долгий процесс, осложненный происхождением Камиллы и её неумением вести дела подобного уровня. И Дьюк догадывался, хоть и не знал наверняка, что её приняли в высшем обществе не так хорошо, как хотелось бы.

Но он называл имение Рокстерли родным домом, как и Камилла, потому что их родная деревня давно была сожжена, оставив после себя напоминания об ужасе нападения североземцев. Забавно было то, что когда дела пошли на лад и денег стало больше, Камилла сразу же нашла для Амелии личного учителя на домашнее обучение, чему та была не очень-то и рада. Временами просто ленилась, а иногда занималась с большой неохотой, хоть и понимала, что обучение нужно завершать. Дьюк подбадривал девочку и ходил с ней на занятия чтобы поскорее обучиться грамоте, а Камилла сердилась, когда та занималась с неохотой. Однажды Амелия и вовсе не пришла на учебу, а просто напилась Алкрийского вина, которое Камилла покупала на случай важных гостей, и улеглась отдыхать. Тут управительница уже не стала ничего говорить, а просто пришла в её комнату с ремнём и

прямо на кровати, задрав платье, как следует выпорола. По крайней мере, до тех пор, пока не появился Дьюк и грубо не оттащил её, схватив сзади за волосы.

Было это месяца четыре назад, и как помнил Дьюк, Амелия повела себя по-взрослому: не держала обиду, не плакала и не устраивала истерик, а просто подошла позже, поговорить. Разговор был долгим и сложным, но затем всё пошло своим чередом, как раньше. Камиллу она, конечно, побаивалась и не забывала слушаться, хоть и проявляла своевольный нрав. Но ближе и роднее у неё человека не было, по крайней мере, по родственным связям. Камилла хоть и норовила уйти в случае, если бы Амелия начала забастовку и отказалась делать, что велят наотрез. Но Дьюк точно знал, что этого не произошло бы.

— И много ещё старых бумаг разбирать? — спросила девочка.

— У нас целый мешок, вон, можешь доставать.

Камилла указала на большой мешок в углу комнаты, который судя по виду лежал там уже очень давно, и взгляд Амелии поник. Наверняка, она представила, какая будет скукота — всё это перебирать. Но, что поделать, управительница любила порядок во всём. Пока письменный стол был занят, Дьюк от нечего делать решил всё же сесть на стул возле мешка со старыми бумагами, порыться и хотя бы разложить их, чтобы потом было проще найти то, что нужно. В основном это были письма, адресованные родственникам Амелии, в частности её дяде Грейнору, прошлому управителю. Который их попросту не читал, по причине своего долгого отсутствия дома. Интересным в этом занятии было только то, что можно ни о чём не думать и просто слушать, как Амелия с Камиллой работают и пререкаются.

— Тебе тут лорд какой-то пишет из... не поняла откуда, — вдруг объявила Амелия. — Любовное письмо, кажется. Хм... Уважаемая леди Рокберри, хочу пригласить Вас...

Камилла быстренько вырвала письмо из рук девочки и презрительно взглянула на текст.

— Где ты это взяла? Я же просила разбирать старые бумаги.

— Наверное, письмо перемешалось с тем, что было на столе. Дьюк, слышал, кажется, у тебя появился соперник?

Управительница с нескрываемым презрением посмотрела на адресованное ей письмо, затем смяла и бросила в камин, не дочитывая. И взглянула на Дьюка, который как раз достал из мешка очередной конверт. Впрочем, никакой реакции не последовало, но Камилла всё равно решила оправдаться:

— Я, кажется, припоминаю этого лорда. Виделись несколько раз в замке у императора. И это не любовное письмо, а приглашение в его имение. Но он довольно стар. Да и лица я его толком не помню.

— Ну, хотя бы богат? — спросила Амелия, но не успела получить ответ, как тут же воскликнула: — Ой, а это что?

Под всеми бумагами на столе лежал голубой конверт из плотной, дорогой на вид бумаги. Запечатанный красивой сургучной печатью. Наверняка от кого-то важного, и, кажется, девочка знала от кого. Она вскрыла письмо и молча начала читать. Дьюк подошёл ближе и увидел красивый выверенный подчерк. Взгляд девочки был приятно удивленным, будто кто-то сообщил очень хорошие новости.

— Ну, что там? — не выдержала Камилла.

— Это дяде Грейнору писали, из королевской канцелярии принца Освальда. Нас зовут в гости на день вознесения Вианоры. Это же через несколько дней, уже скоро!

— Праздник какой-то? — поинтересовался Дьюк.

— А ты не знаешь? — удивилась Амелия. — В Алкории его отмечают каждый год в

начале лета, открывается ярмарка, ночью зажигают факелы по всем улицам, поют песни на центральной площади. Последний раз я была в Алкории на этом празднике с родителями. Это было так здорово! Поехали в Палеонесс? Можно же мне пару деньков отдохнуть от учебы?

В голосе Амелии слышалось еле заметное волнение.

— Нельзя, — отрезала Камилла.

— Да так и постареть не сложно раньше времени от усталости, — возмутилась девочка. — И тебе не помешало бы отдохнуть.

— Уж мне-то точно не помешало бы, — усмехнулась управительница. — Но работы пока хватает. Зато император меня хвалит и подмечает, что дела в центральной провинции идут лучше, чем у других. Ко мне у него нет никаких вопросов. Так что у плодотворного труда есть свои привилегии.

— То есть, он по-прежнему относится к тебе хорошо? — уточнила Амелия.

— Да, я вообще стараюсь быть в хороших отношениях с важными для нас людьми, куда же без этого? Поддерживать репутацию и иметь связи — это дорогого стоит. А, когда речь идёт о правителе, и он что-то требует, всё должно быть безупречно. Так что я тут без дела не сижу. А ты, дорогая, будешь заниматься с утра до ночи, если я посчитаю нужным. Из-за стола у меня не вылезешь. И спать будешь в обнимку с этими своими учебниками, а не отдыхать где-то на праздниках, поняла меня?

— Да я эти учебники уже...

— Я спросила: поняла или нет?

Амелия, услышав тон, не терпящий возражений, быстро сдалась и пошла на мировую:

— Поняла. Зачем злиться-то?

— Затем, что я уже устала повторять одно и то же.

— Так не повторяй! Но, на счет Палеонесса, к ним всё же нужно ехать, потому что такой отказ может расцениваться как оскорбление правящего рода. И потом папа и принц Освальд были хорошими друзьями, а это позволяло поддерживать экономику Гальрада на плаву восемь лет.

Тут Дьюк увидел, как Камилла сначала удивилась, а затем всерьез задумалась. И было над чем. Однако, она больше ни слова не сказала. Просто молча продолжила работу, писала ответы на какие-то прошения или жалобы, заверяла и складывала их на угол стола. Пока Дьюк и Амелия перебирали бумаги, солнце уже начало садиться, и пришлось зажигать свечи. А когда и вовсе стемнело так сильно, что приходилось всматриваться в текст, Камилла решила закончить работу на сегодня.

Дьюк и Амелия делали перерыв в учебе и ужинали, но в разное с Камиллой время, так что, когда Дьюк шёл на занятия, они с управительницей практически весь день не встречались. Она ела, когда придется, и слуги часто приносили обед прямо в кабинет. И хоть сейчас немного хотелось есть, Дьюку было уже лень идти на кухню в замок. Всё же удобно, когда у тебя кабинет и спальня и гостиная в одной башне на самом верху. К хорошему быстро привыкаешь. Можно выйти из кабинета и сразу же отправиться спать, ну или спуститься на этаж ниже и провести деловые переговоры.

Перед тем как уйти к себе в комнату, у самой двери, в гостиной третьего этажа, Амелия поинтересовалась:

— Дьюк, как думаешь, мне с каким учебником спать сегодня? У меня там есть история Палеонесса, например. И правила этикета, том второй...

Камилла еле слышно пробурчала что-то похожее на «Малеон, дай мне сил». Но Амелия её не расслышала:

— Что ты говоришь?

— Я говорю, спать ложись, дорогая. Поздно уже.

Девочка поклонилась напоследок, как учили по правилам этикета, но не для обязательств, а скорее в шутливой манере. И молча удалилась.

Камилла зашла в просторную шикарную спальню и завалилась на застеленную кровать. Да уж, признаться, последнее время они редко виделись. Дьюк приезжал в замок не так часто, как хотелось бы, поскольку дорога была неблизкой. В ордене он находил время и для того, чтобы разбираться в управленческих делах, и чтобы отдохнуть. Пропадать из дома надолго не следовало, да и условия проживания в ордене были на порядок хуже, хоть и разнообразие еды больше. Камилла не любила разговоров об этом, поскольку содержать хоть и небольшой, но всё же орден в мирное время было недёшево. А сейчас она и вовсе молчала, будто находилась в комнате одна. Такое поведение Дьюк обычно списывал или на усталость, или на то, что она погружалась в свои мысли, словно в омут, и не желала видеть никого. И он решил спросить прямо:

— Тебя что-то сильно тревожит последнее время?

— С каких это пор ты стал такое замечать?

Дьюк знал Камиллу с детства и понимал её состояние, помнил каждый жест, выдающий скрытое волнение, знал слабости и уязвимые места. Сейчас он промолчал. На колкость подобного рода он уже давно не реагировал.

— Тревожит и много чего, — всё же ответила управительница полушепотом. — Не хочу даже рассказывать. Когда я появляюсь при дворе императора, на меня смотрят как на прокажённую. И с деньгами всё ещё не улажены вопросы. Мамаша Амелии, как выяснилось, успела нахватать несколько больших долгов в гильдии торговцев перед уходом. Сил уже нет! Такими темпами мы не то, что претендовать на престол, просто провинцию не сможем удержать.

— Ты хочешь заявить совету о праве Амелии на престол? А ты уже говорила с ней об этом?

Он думал, что они собирались как-нибудь в будущем все вместе сесть за стол и обсудить такое важное решение, но оказывается, никто и не планировал этого делать. Пока Дьюк раздумывал, Камилла уже начала раздеваться и готовиться спать. Слуги заранее приходили в спальню, чтобы зажечь несколько свечей на столе, прибраться и расстелить кровать, аккуратно накрыв её покрывалом.

— Нет ещё. Да тут и говорить не о чем. Ей надо сначала получить образование и выйти в свет. А недавно она ещё и заявила, что хочет владеть оружием. Так что, вон, иди её обучай. Почему всё я должна делать?

Дьюк знал об этом. Девочка как-то просила показать пару приемов. Но тогда он просто отмахнулся, отложив до лучших времен. Может и зря. Хотя удивился Дьюк по другому поводу:

— Сейчас?

— Да, Дьюк, можешь сейчас, — возмущённо ответила Камилла, будто это он спросил что-то несуразное. — А когда ещё? Ты почти всё время проводишь в ордене с Божко, до которого добираться не ближний свет. А сюда приезжаешь только выпить с Дорианом и поспать. А я почти каждое утро просыпаюсь одна! И мне целый день приходится заниматься

мелкими жалобами, аудиенциями, проблемами, посещать мероприятия, договариваться с гильдиями, и иметь дело с теми, кто плевать хотел мне в лицо.

— Я помогаю Божко с документы ордена. Извини, но он там тоже один со всем не справляется.

В ответ управительница тяжело вздохнула.

— Я просто устала, Дьюк. Устала, понимаешь?

Дьюк не знал, что сказать. Конечно же, он понимал. Ему-то было хорошо, вроде, как и занят работой на должности и учебой. И остается довольно-таки много времени на свои личные дела. А в детстве-то он думал, что лорды и управители ничего не делают, кроме как развлекаются пьют, едят и спят. И иногда, раздают указания. Наверняка, и Камилла так тоже думала.

— Ты сама сказала, что эти два года пройдут не заметно, оглянуться не успеешь, — напомнил Дьюк. — И сама решила, что хочешь остаться и принять это бремя.

В ответ Камилла горько усмехнулась.

— И правда, как же я могла забыть? Напоминай мне почаще.

Уже полностью раздевшись и оставшись в ночной белоснежной рубаше с кружевами, она легла и накрылась одеялом с головой, давая понять, что не желает никого видеть. Дьюк считал себя отличным переговорщиком, но, когда дело касалось Камиллы, зачастую всё выходило из-под контроля. Он как будто хотел пойти прямо по дороге и сам не замечал, как куда-то поворачивал. Иногда лучше было бы и промолчать. Но он решил сделать ещё попытку подбодрить, снимая одежду, и начал рассказывать об их совместных мечтах, предварительно задув свечи:

— ...представь, как мы будем жить в особняке возле красивого озера, отправимся путешествовать и увидим...

На самом интересном месте управительница резко перебила:

— Ты мешаешь мне спать.

Он лег под одеяло, но Камилла и не шелохнулась.

— Ладно, миледи, — Дьюк решил оставить за собой последнее слово. — Я уеду так надолго, что ты выспишься на год вперед.

Тут она уже зашевелилась, перевернулась, вынырнула из-под одеяла и запротестовала:

— Нет! Даже не смей так со мной поступать.

Голос, хоть и звучал требовательно, но больше напоминал тон ребенка, у которого отняли конфету.

— Не буду, — пообещал Дьюк.

Он обнял её за талию, и Камилла сама придвинулась ближе. А затем, они сами не заметили, как уснули.

Дьюк услышал, как его зовут сквозь сон и лениво приоткрыл глаза. Камилла не спала и сидела на кровати, облокотившись на спинку.

— Что случилось?

— Не спится, — сказала Камилла. — Я всё думаю об этом письме. Как считаешь, наше отсутствие там и правда будет означать оскорбление правящего рода?

Дьюк закрыл глаза и попытался снова заснуть. Прогонять сон волнующими разговорами он не собирался, но управительница тут же возмутилась, перейдя с шепота на нормальную речь:

— Ну, вот хрен их побери... похоже, придется завтра ехать в эту Алкорию, или куда там? Как считаешь?

— Не знаю, — сонно пробурчал Дьюк.

Он услышал тяжелый вздох совсем рядом, а затем управительница решилась:

— Ладно, скажи завтра Мейсону с утра, что занятия отменяются, хорошо? Поедем в Алкорию.

Дьюк пробурчал в знак согласия и уже понял, что заснуть становится проблематично. К тому же, организм, получивший за ужином изрядную порцию вина, теперь потребовал пройти справить нужду. Негодуя вздохнув, он всё же встал с кровати и пошёл по своим делам. А для этого нужно было снова одеться и спуститься на первый этаж по винтовой лестнице с разными по высоте ступенями без факела в темноте. На ощупь. Ходил он по этим ступеням не так часто, как Камилла, от того всегда двигался медленно.

И всё так же в темноте на ощупь нужно было найти вход в подвальное помещение, где располагалась комната для самых важных дел.

Сделав наконец свои дела, он медленно пошёл обратно наверх. И по пути услышал, как на втором этаже, где в прошлом был зал для совещаний, кто-то со скрипом подвинул стул. Сначала он подумал, что просто показалось и, может быть, разыгралось воображение. Но, глубоко вдохнув и сконцентрировавшись он без труда почувствовал в зале человека. И заглянул внутрь.

Дьюк любил эту комнату, где почти всё помещение занимал огромный прямоугольный стол и красивые стулья вокруг него. На одном из них сидела Амелия в ночной рубашке совсем одна, поджав колени к подбородку, и просто смотрела в окно, из которого струился лунный свет. Казалось, взгляд её был направлен в никуда, а мысли летали где-то далеко.

— Не спишь?

Она отрицательно покачала головой. На всякий случай Дьюк сел рядом и решил уточнить:

— Если что-то случилось, ты можешь рассказать мне.

Амелия вздохнула и тихо ответила:

— Последнее время я часто просыпаюсь посреди ночи и понимаю, что мне снились родители. Мама и папа вместе, всё хорошо, как раньше. Иногда во сне приходит Лира, и мы долго разговариваем. Она рассказывает мне о всякой ерунде. О каких-то цветах в саду, о том, как была на приеме у императора, о яблоках в медовом соусе. А я сижу и думаю, какая же скучотища, когда она уже замолчит? А потом просыпаюсь и понимаю, что это был просто сон. И почему-то долго не могу уснуть.

— Может, скажешь об этом Камилле?

— Ей некогда.

Амелия ответила резко, но Дьюк уже давно знал, что из-за накопившихся дел управительница не уделяет девочке много внимания. Столько раз Камилла неоднократно грозилась заняться её воспитанием всерьёз или уделить время, чтобы выбраться в город и купить новые вещи, проверить учёбу. Но всё это оставалось на словах.

— Думаю, воспоминания важная штука, — сказал Дьюк. — Наши близкие всегда рядом, пока мы храним их в сердце. Я тоже не забываю о маме. Но не думаю, что твои родители хотели бы, чтобы ты сидела тут в одиночестве и грустила. Хочешь, шутку расскажу?

Амелия попыталась изобразить заинтересованный вид и приготовилась слушать. Хоть и похоже, к ней постепенно возвращалась сонливость.

— В общем, знаешь, что говорит подушка человеку?

Амелия продолжала смотреть всё так же отстраненно и даже слегка удивленно.

— Ты можешь на меня положиться.

— Здорово, — без энтузиазма похвалила она.

Улыбнувшись, Дьюк подал ей руку.

— Решил уложить меня спать?

— Просто провожу и всё. И ты заснешь, обещаю.

— Эх, вот вечно ты меня спасаешь.

Всё же она решилась и встала со стула, чтобы пойти с ним обратно в спальню. Им предстояло подняться на верхний этаж. На узкой винтовой лестнице шаги отдавались глухим эхом. Дьюк медленно двигался вверх и подумал о том, что, живя в постоянной работе и беготне, просто не заметил, как давно прошла вторая половина зимы и так быстро пролетела весна. Уже снова наступало лето. Прошёл почти год с того момента, как он впервые здесь оказался. А ведь ещё совсем недавно он удивлялся, насколько замок огромный и необъятный.

Амелия шла молча и только перед самой дверью в свою комнату тихо спросила:

— Ты не замечал, что последнее время дома стало как-то мрачно и тихо?

— Камилла же уволила половину слуг.

— Я не совсем об этом, — сказала она. — Но, в общем, ладно... Доброй ночи, Дьюк. Спасибо, что проводил.

Глава 10. Обещанное путешествие

С детства Дьюк привык вставать рано и потому, просыпаясь, часто заставал Камиллу спящей. Не зря она жаловалась на то, что вечно просыпается одна. Он уезжал в орден рано утром, а чуть позже Амелия завтракала и сразу же шла на занятия. И несколько служанок, оставленных на минимально возможное жалование, ходили тихо, словно мыши, лишь бы поменьше пересекаться с управительницей.

Вот и этим утром Дьюк, проснувшись, умылся и пошёл в главный зал, где вовсю накрывала на стол Мирина с парой слуг. Только он сел за стул, как она тут же подошла и любезно подала чашу с вином. Сложно было привыкнуть, но утро в замке начиналось в быстром ритме с самого рассвета, особенно у тех, кто занимается обслуживанием или обеспечением безопасности. То есть, почти у всех.

— Хочешь поесть чего-нибудь? — спросила Мирина.

Дьюк, ещё толком не проснувшись, молча покачал головой, и она загрустила:

— Эх, ну, ты прямо худенький такой. Тебя бы откормить. Обращайся, если что.

Дьюку нравилась, что Мирина обо всех старалась заботиться и, кажется, кухня была её призванием с самого детства. Немногим старше Камиллы, она, похоже, была её полной противоположностью по характеру, а по склонности к труду даже превосходила. Никогда не жаловалась на усталость и всегда крутилась как пчёлка, постоянно то у плиты, то у камина, а если делать было совсем нечего, наводила порядок в кладовке и перебирала припасы. И всех старалась накормить и удивить интересными блюдами. Дьюку было совестно говорить, что в ордене Альстеир, где он проводил большую часть времени последние пару месяцев, довольно добротнo кормили. А потому никогда не отказывался от всех дополнительных припасов, которые Мирина так старательно ему собирала в дорогу.

Наслаждаясь тишиной, Дьюк в очередной раз преподнёс кубок к губам, чуть не пролив содержимое. Кто-то подошёл сзади, и как следует треснул прямо по шее.

— Вот ты и убит, — торжественно провозгласил Дориан.

Местный сенешаль, а сказать по правде, самый беззаботный человек в замке появился будто бы из ниоткуда. Он следил за припасами, руководил кухней, слугами и командами охотников. А во время выезда управительницы сопровождал её с отрядом в качестве личной охраны. То есть практически никем не руководил, но иногда ненадолго пропадал. А вечерами находил где-то надёжно спрятанное Камиллой Алкрийское королевское вино, ждал Дьюка и пару ребят из оборонительного отряда и рассказывал у камина какие-нибудь истории.

— Знаешь, почему у меня получилось, а у тебя нет? — всё ещё торжествующе спросил он.

Недавно они поспорили, что Дьюк может незаметно подкрасться и убить его, но было это один раз и тогда они изрядно выпили. Молчание и сонное выражение лица заставило сенешаля продолжить, не дожидаясь ответа:

— Ты тихо крадешься, но не ждёшь удобного момента. Если противник стоит на ногах, он может быстро обернуться и даже застать тебя врасплох. Поэтому нужно дожидаться. Я вот просто подождал пока ты сел. Даже если бы ты меня услышал, чтобы встать и защититься нужно время, за которое я могу спокойно тебя убить, понял?

— Дождаться нужного момента, — тупо повторил Дьюк. — Понял.

— Всему вас, молодняк, учить надо, — усмехнулся Дориан. — Мы ждали тебе вчера вечером, ты где пропадал? Опять умные книжки читать ходил?

Но Дьюк лишь махнул рукой:

— Заглянул в канцелярию на минутку, и Камилла попросила помочь разобрать бумаги.

— Ох, какой кошмар! — наигранно посочувствовал Дориан. — Ну, ты хоть наказал её ночью за это?

Дьюк вечно терялся и никогда не был готов отвечать на подобные вопросы, хоть они иногда и возникали. А Дориан об этом прекрасно знал и потому, бывало, подтрунивал. Скучать с ним не приходилось. Вот и в этот раз он, не дождавшись ответа, махнул рукой:

— Ладно, можешь не отвечать, я и так знаю, что нет.

А вот Мирина не желала с этим мириться и молчать:

— Как можно быть таким бестактным, господин Дориан? Между прочим, Дьюк и Камилла прекрасная пара!

— Кто б сомневался, — ответил он. — Лучше налей мне тоже вина.

Вместо того, чтобы исполнить просьбу, девушка указала на тумбу с алкоголем в углу холла и сказала:

— Вино стоит там, а у меня очень много дел.

И удалилась так быстро, что и не догнать. Пока Дьюк смаковал напиток, Дориан вздохнул и направился наливать себе сам, по пути пробурчав что-то недовольное. В это замечательное, по мнению Дьюка, утро, он бы уже в ближайшее время сел на лошадь и ускакал обратно в орден. И вместе с небольшим сопровождающим отрядом остановился бы перекусить в небольшой, но очень хорошей таверне. А ещё сравнительно недавно, недалеко от дороги в орден, обнаружилось небольшое озеро, в котором можно было искупаться в тёплый летний день. Такой, как сегодня.

— Что-то ты с утра ещё более серьёзный, чем обычно, — заметил Дориан, усаживаясь напротив. — Чего интересного скажешь?

— Похоже, мы едем в Алкорию.

Дориан некоторое время сидел молча, а затем и вовсе издал что-то похожее на смешок. Кажется, сегодня у кого-то было излишне хорошее настроение.

— Что смешного? — спокойно уточнил Дьюк.

— Слова «мы», «едем» и «Алкория» просто не могут звучать в одном предложении. Знаешь, почему?

Пауза после вопроса затянулась, просто вынуждая Дьюка спросить:

— Почему?

— Потому что туда практически невозможно доехать. И потом, куда ты там собрался? В пригород на окраине границы, розы по дешёвке покупать?

— Его величество, принц Освальд пригласил Амелию в королевский дворец, на приём.

— Оуу...

Дориан явно был слегка шокирован таким поворотом событий и некоторое время о чём-то размышлял. Затем пододвинулся ближе к Дьюку, заговорчески обнял за плечо и прошептал:

— Я там такие места знаю, зашатаешься. Есть один хороший открытый дом...

Дьюк отстранился, не желая слушать дальше. Это была ещё одна из хороших шуток Дориана на тему того, о чём в слух обычно говорить не принято. Ибо они оба знали, что открытым домом называли места, где можно на некоторое время заполучить женщину

легкого поведения. Конечно, может в Алкории и вправду есть подобное место, но Дьюк знал о Палеонессе лишь из книг. Девочки там все сплошь вооружены, а военное дело — женская профессия. И, если с ними невзначай грубо заговорит незнакомец, такой как Дориан, ему тут же дадут в лоб. Правда, интересно и то, что в военное время с девами творили те самые вещи, когда они оказывались во вражеском плену... Учитель Мейсон говорил, что у них на этот случай есть маленький флакончик с ядом, который они принимают, попав в плен. И называется он «Тихая вода». Говорят, убивает такой флакончик, почти мгновенно.

Допив вино, Дьюк вернулся обратно в донжон и застал управительницу уже проснувшейся, одетой и беспокойно что-то ищущей у себя на столе. На ней была красивая темно-зеленая туника, такие же штаны, а поверх светлый плащ с вышитыми по краям узорами. Всё это в сочетании с украшениями смотрелось богато и при первом взгляде ни у кого бы не возникло мысли, из какого она сословия. Только леди в основном носили женскую одежду, а Дьюк ещё с детства помнил рассказы о том, как её родители кое-как заставляли надевать платья, а она всеми силами отнекивалась. Однако, будучи взрослой иногда их одевала, когда выходила куда-нибудь на прием или важное мероприятие. И всегда злилась. Фигура у управительницы не была идеальной, хоть и плохой, по мнению Дьюка, её уж точно не назовешь. Но хорошо то, что потом платье нужно было снимать, а в одиночку это сделать проблематично. И приходилось либо ждать слуг, либо Дьюка, который с чувством полного властвования над завязочками, медленно раздевал управительницу, и всё это плавно перерастало в занятие любовью.

— Я уже всё сообщила господину Мейсону, можешь его не искать, — сказала Камилла. — Он отправляется в столицу на пару дней повидаться с сыновьями.

— Отлично, значит будем собираться в дорогу.

Камилла нашла на столе родовую печать и аккуратно убрала в ящик, а затем помчалась в комнату напротив, приоткрыла дверь и остановилась. Судя по тому, как её руки скрестились на груди, управительница снова была чем-то недовольна.

— Почему у тебя опять бардак в комнате?

Амелия была у себя и, видимо, уже почти собралась в дорогу.

— Я искала зеленое платье, то, что в горошек.

— И забыла убрать вещи на место?

Дьюк подумал, что сейчас девочка в очередной раз возмутится, что всех слуг, которые должны тут всё прибрать, уволили, но не угадал.

— Я сейчас уберу. Просто собираю всё самое необходимое.

— Будь так добра. Раз уж сегодня не идёшь на учёбу, хотя бы приберись перед отъездом.

Дьюк заглянул в комнату Амелии и увидел творящийся там хаос. Часть гардероба валялась на сундуках для одежды, часть на незастеленной кровати, ящики тумбочки были наполовину открыты, как и шкафы, а одна из подушек валялась на полу. Он вспомнил, как однажды в осенний романтический вечер они с Камиллой поужинали при свечах и собрались идти в постель, а она на минутку заглянула к Амелии. Дьюк отправился в спальню, лежал и ждал довольно долго, но она всё не приходила. А потом оказалось, что Камилла уже не первый раз замечала царящий в комнате бардак и решила заставить девочку убираться. А сама при этом сидела и следила за тем, чтобы порядок действительно наводился.

А потом просто пришла и завалилась спать от усталости и нервов.

Камилла собралась вниз, пойти отдать распоряжение слугам собирать вещи в дорогу и

заодно подготовить экипаж. Дьюку складывать особо было нечего: половина его вещей находилась в ордене, половина здесь. Да и едут-то они всего на день-два, так что смысла много брать не было. Но знатным дамам нужно обязательно иметь при себе много одежды на разные случаи жизни: на выход в свет, на отдых, на прогулку по парку и много для чего. А у Камиллы и вовсе был настолько огромный гардероб что, если бы служанки всё собрали, понадобилось бы две-три кареты, чтобы это вывезти. Порой Дьюку думалось, что большую часть казны Камилла потратила на одежду.

— Доброе утро, Ваше превосходительство.

Дориан поднялся по лестнице тихо, так что было и не услышать. У него была привычка иногда называть Камиллу, обращаясь к ней как к главе государства, намекая на излишне «королевские» манеры. Поначалу это знатно её раздражало, но потом она перестала обращать внимание.

— Доброе утро, — поздоровалась управительница. — Я так понимаю Дьюк уже сказал, что сегодня нам предстоит? Мы уезжаем в Алкорию, поэтому отдай своим людям распоряжение собираться. И пусть охраны будет побольше, мы не в соседний город едем, а на дипломатические переговоры.

Дориан как-то по-отцовски приобнял Дьюка за плечо, прежде чем ответить:

— Ну, кому переговоры, а мы с Дьюком пойдем искать Палеонесских девочек...

— На меня не смотри, я вообще молчал, — предупредил Дьюк, предвещая гнев управительницы.

Но Камиллу было уже не остановить:

— Ты, — указала она пальцем на Дориана, — даже не думай отходить от меня в чужой стране куда-то. Будем держаться все вместе. И уж тем более не надо Дьюка никуда водить, понял?

— Я, конечно, в самом дворце не был, но не думаю, что там тебе с Амелией что-то может угрожать, — рассудительно ответил Дориан. — Он довольно хорошо охраняется, и потом, Амелию просто пригласили на приём, так что отдыхать тоже будем, верно, Дьюк?

Нет, Дориан всё же очень хотел, чтобы Дьюк вклинился в этот разговор, хотя он уже собирался идти складывать свои несколько вещей. Да и Камилла развернулась, чтобы пойти на выход, но очередной вопрос Дориана заставил остановиться:

— Кстати, ни у кого нет морской болезни?

— Почему ты спрашиваешь? — нахмурилась управительница.

— В Алкорию очень трудно доехать на лошадях. И это займет много времени, ко дню вознесения Вианоры точно не успеем, а я так понял, Амелию пригласили именно на него. Зато у них есть огромный порт, так что нам лучше всего будет плыть на корабле прямо с Гальсбурга.

— А где мы корабль-то возьмем? — возмутилась управительница. — Ты уже путешествовал так, верно?

— Да. Кораблей в порту стоит много, и торговых, и частных, и каких только нет. Нужно просто найти определенных людей и договориться, ничего сложного, — пояснил Дориан. — Главное возьми побольше серебряников. Когда в порту видят кошелек, набитый деньгами, сразу же соглашаются подбросить куда надо. А в Алкорию и обратно корабли ходят и без того довольно часто.

Камилла уперла руки в бока и глубоко вздохнула. Дьюк почти наверняка знал, о чем она подумала в этот самый момент: это снова расходы. Трата денег, которых и так особо нет. Но

вслух ничего не сказала. Из всех присутствующих, только один Дьюк был посвящен в тяжелое положение дел с казной в этом доме. И то Камилла часто преувеличивала, что денег почти нет. Будучи воспитанной в очень бедной семье, она привыкла много экономить и считать каждый медяк.

— Доброе утро.

Из-за двери выглянула Амелия, которая наконец-таки собрала все свои вещи и переделалась в простое белоснежное платье в мелкий зеленый горошек. Выглядела она полетнему свежо. Прихорошилась, причесалась и готова была отправляться хоть на край света.

— Почему ты так одета? — спросила Камилла.

— В Палеонессе теплее, чем у нас, а на корабле я накину теплый плащ с капюшоном и не буду мерзнуть, — пояснила Амелия и обратилась к Дориану: — А тебе, может, поехать в Гальсбург сейчас, раньше нас, чтобы договориться заранее? А мы прибудем чуть позже и сразу сядем на корабль.

— Умнейшая девочка, — провозгласил Дориан. — Так и сделаю. А ребятам скажу, чтобы ждали вас внизу и были готовы сопровождать экипаж. Можем встретиться там в большой таверне возле входа в порт. Она называется то ли «Морской бриз», то ли «Морская волна», в общем, мимо точно не пройдете. Ну, бывайте.

Не теряя времени, Дориан решительно направился на выход, и сдавалось Дьюку, что он ещё хотел перекусить и выпить в той самой таверне перед посадкой на корабль. Но Камилла решила его догнать и задать ещё парочку каких-то вопросов. Когда оба скрылись на винтовой лестнице, Амелия провозившись ещё немного с вещами, вновь выглянула из-за двери.

— Дьюк, не сможешь отнести вещи вниз?

Он заглянул в комнату, увидел две большие поклажи с вещами и понял, какое это будет сейчас удовольствие, спускаться это вниз на три этажа по ступеням винтовой лестницы. А ещё Камилла жаловалась на свою карету, что там одно колесо слегка болталось и так и норовило как-нибудь однажды отвалиться где-то по пути. Путешествие в Алкорию грозило быть многообещающим. Но, в конце концов, он как-то в детстве обещал Камилле, что однажды они вырастут и начнут путешествовать. Объедут весь континент. А в Алкории, белом городе масок и цветов, должен побывать хотя бы раз в жизни каждый уважающий себя путешественник.

И тут он вспомнил, что совсем забыл сказать Мирине об отъезде, а она уже наверняка накрыла на стол. Не позавтракать перед отъездом теперь будет настоящим преступлением.

Глава 11. Город масок и цветов

— ...в мир, подобный нашему, без сожалений и печали, ибо остались на этой брэнной земле те, кто, скорбит по ним. И будут направлять они своим светом...

Кларисса сидела где-то в углу большого зала и слушала бормотания Веймара, стоявшим над телами. Она просто сидела и смотрела в одну точку, даже не пытаясь бороться с пустотой внутри себя. Возникло чувство, что время остановилось. Мысли кружились в голове сами по себе, и их было не остановить. Внутренняя боль от осознания, что мамы больше никогда не будет рядом, не давала покоя ни на секунду. Хотелось просто не верить в эту жестокую истину. Но боль не давала забыться или отвлечься.

Вокруг творился ужас, что сделал культ, и даже закрывая глаза, она не могла выбросить из головы трупы людей, отрубленные конечности и кровь на белоснежном мраморном полу. Изредка то с верхних этажей, то с соседних помещений доносились обрывистые крики — культисты добивали раненых стражников, искали тех, кто успел спрятаться, а пленных отводили в специально отведенную комнату на втором этаже.

— Что ты делаешь, привратник?

К Веймару обратилась блондинка в бело-голубой форме, которая, как Кларисса успела заметить, руководила нападением во дворце. Некоторое время привратник молча смотрел на неё безразличным взглядом, а затем ответил:

— Оплакиваю тех, кого мы сегодня потеряли.

— Я искала тебя почти час, — продолжила жаловаться блондинка. — Нам нужно поскорей убираться отсюда.

— Мы никуда не уйдем, пока он не скажет, — возразил привратник.

— Большая часть моих людей мертвы, — злобно бросила блондинка. — Среди живых есть раненые. В любой момент может кто-то заявиться из города! А ты пропадаешь неизвестно где, а потом занимаешься этим? Нам нужно как можно скорее отсюда убираться. Забирай своего парня и уходим, пока не пришли городские стражники и нас всех не перебили. Пойми, что...

Кларисса не стала дальше слушать. Всё казалось пустым и совершенно бессмысленным. Не хотелось ни есть, ни пить. Она лишь сидела и пыталась осознать, что осталась совсем одна в целом мире. Ни мамы, ни лучшей подруги, никого больше не было. Только культ вечных, от которого стоило бежать как можно дальше, пока не последовал ещё один водоворот событий. Но сейчас Кларисса не могла найти в себе силы даже сдвинуться с места. Казалось, всё вокруг происходящее было просто дурным сном.

Она заставила себя поднять глаза и взглянуть на большой зал. В ряд, один за другим, лежали трупы молодых девушек, среди которых были и культисты, и послушницы, и охрана дворца. С самого края была и её мама, у которой, в отличие от других, не было каких-то видимых ранений и крови на одежде. От чего она умерла так и осталось для Клариссы неизвестным, и сообразить по этому поводу что-либо сейчас она не могла.

Блондинка тем временем поспешила к остаткам своих людей и начала поспешно отдавать приказы. Девушки засуетились. Кто-то спешно выносил трупы из главного зала, кто-то начал вытирать кровь на полу. Многие девы уже успели где-то переодеться в чистую одежду, на которой не было следов крови.

В чём-то эта девица была права. Если из города заявится хоть кто-нибудь и увидит, что

произошло, то очень скоро в стенах дворца появиться городская стража. А ещё на втором этаже заперты оставшиеся в живых безоружные работники. Все они, от служанок до политиков, всё ещё здесь, и если к вечеру эти люди не вернуться домой, кто-то наверняка начнет их искать. Надолго во дворце задерживаться точно не стоило. Двери замка были закрыты, а возле входа на территорию блондинка выставила двух своих девушек в форме палеонесских дев. Интересно, на что она рассчитывает? Они будут всем проходящим говорить, что сегодня не приёмный день?

Трупы начали потихоньку оттащить по одному куда-то в неприметную комнату, подальше от случайных посторонних глаз. Все эти погибшие люди, вероятно, останутся там на какое-то время. И вряд ли их души найдут дорогу в пристанище Саамира. Туда, где нет ни голода, ни войны, ни смерти. И её мама останется там вместе с другими, навсегда. Стоило бы её похоронить как подобает, но оставаться здесь, с культом, огромный риск. Разве культу нужно будет её покрывать, если их всех схватят? Да, её без зазрения совести сдадут как убийцу принца Освальда сразу же, как только возникнет такая необходимость.

Кларисса начала соображать, что делать дальше. По крайней мере, как можно быстрее отсюда уходить. Для начала украсть форму и маску Палеонесской девы. Затем зайти домой, взять деньги, провизию и отправиться куда-нибудь подальше, куда глаза глядят. Начать новую жизнь под другим именем, где-то в другом месте, а лучше даже государстве. Хорошо бы, если в Гальраде, где-нибудь в южной провинции, где тепло и кругом леса. Любой уважающий себя лорд или магистр готов будет взять на работу деву, обучающуюся в Военной академии и умеющую хорошо сражаться, да ещё и с даром предвестника. Она найдет себе место в этом мире. Обязательно. Если, конечно, повезет.

— Иди сюда, помоги-ка мне, — Веймар подошёл и внезапно отвлек Клариссу от размышлений. — У нас много работы.

Кларисса встала с места. Ей было даже не интересно, в чем именно нужна помощь и какую работу от неё хотят.

— Я ухожу, — решительно бросила она.

Привратник возмущенно перегородил путь, прежде чем ответить:

— Во-первых, тебя никто отсюда не выпустит, а во-вторых, я не хочу, чтобы ты за первым же поворотом оповестила городских стражников и сюда прибежала толпа вооруженных дев.

— Да зачем мне это нужно? — возмутилась теперь Кларисса. — Я сделала то, что вы хотели — убила принца. А теперь собираюсь просто убраться подальше, вот и всё.

Кинжалы, что дал Веймар, всё ещё висели на поясе и в любой момент их можно было пустить в ход. Только сейчас Кларисса была в меньшинстве. Конечно, если захотят, её смогут удержать силой. Но она, по крайней мере, перережет привратнику горло, если сейчас всё обернется совсем плохо.

— Знаешь, что будет, если я скажу твоей подружке, кто убил папочку? — ехидно спросил Веймар. — А потом отпущу. Тебе повезет, если сможешь сбежать из Алкорию живой. Но где бы ты ни была, тебя рано или поздно настигнут. Ты не сможешь спокойно спать по ночам, будешь постоянно оглядываться и жить в страхе.

Вопрос о том, что он сделал с Авилиной, чуть было не слетел с уст, но Кларисса сдержалась и отрицательно покачала головой. Привратник может выйти сухим из воды, сказать, что героически сражался и выжил, но не в этом было целью. Авиллина теперь в плену у культа, но главное, что её не убили.

— Она вам не поверит, — попыталась защититься Кларисса. — После всего, что вы сделали — нет.

Веймар подступился ближе, с силой схватил за руку и рывком подтащил к себе. Кларисса попыталась нащупать правой рукой рукоять кинжала.

— Ты слишком много о себе возомнила.

Привратник перешёл на угрожающий тон и напряжённым взглядом смотрел прямо в глаза. Однако тут же взял себя в руки, заметив, как к ним приближается парень лет шестнадцати на вид. Именно его культ стремился вытащить из дворцовой тюрьмы, да так старался, что пожертвовал многими своими людьми. Ходьба давалась парню с трудом — он хромал на одну ногу и передвигался медленно. Веймар подошёл к нему и аккуратно помог дойти до ближайшего кресла.

— Прошу, не надо ссоры, — обратился он к привратнику. — К чему вам портить отношения?

Его голос, тихий и спокойный, мгновенно разрядил обстановку. Робкий тон выдавал человека, ко всему относящегося с опаской. Он периодически озирался вокруг, словно впервые видел дворец изнутри и удивлялся каждой мелочи.

— Как ты себя чувствуешь? — поинтересовался Веймар.

— Довольно странно. Хочу на улицу, но мне нужно было связаться с сестрой, узнать, где она. Я не мог этого сделать из темницы.

Кларисса увидела, как одна из девушек, относившая куда-то тела, взяла её мать за руки и поволокла прямо по полу. Захотелось подойти и как следует врезать ей прямо по лицу.

— Эй, а ну стой! — прикрикнула Кларисса и подбежала к ней. — Что ты делаешь?

— Трупы приказали убрать из главного зала, — испуганно ответила девушка.

— Лучше давай я тебе помогу, — решила Кларисса. — Только будь осторожна, этот человек культу был очень ценен. Я возьму за руки, а ты за ноги.

Та не стала спорить и послушалась. Они вдвоем схватили холодное тело. Девушка повела за угол, в конец коридора, где располагалось огромное полупустое помещение с большим круглым столом и стульями. Это был какой-то зал для приемов или переговоров. Они аккуратно положили тело к стене, прямо возле входа. Клариссу чуть не стошнило. Столы и стулья были отодвинуты к краю, а трупы складывали как приходится, практически в кучу один на другого. Запах здесь стоял отвратительный. Кларисса на некоторое время задержалась и взглянула на мать, а затем решила, что с неё хватит и поплелась назад, в то время как девушки, носившей трупы, уже и след простыл. А встретившаяся прямо возле выхода блондинка буквально не дала пройти, перегородив дорогу.

— Прости, вижу ты занята, но можешь помочь с одним делом?

Кларисса даже не стала ничего на это отвечать.

— Блуждающие доложили, что на втором этаже ещё кто-то остался. Надо сходить проверить. Идем со мной.

Девушка просто развернулась и пошла, будто уже получила положительный ответ. Кларисса хотела бы послать её подальше, но лучше было сходить, а заодно выяснить, когда культисты собираются убираться отсюда. Скрыться от всех, запереться в какой-нибудь тёмной комнате показалось совсем плохой идеей. Она не будет в курсе всего того, что происходит, а в любой момент во дворец может нагрянуть кто угодно и случиться может все, что угодно.

Кларисса прошла за блондинкой вверх по лестнице на второй этаж и очутилась в

длинном зале, пол которого был выполнен из плитки одного сплошного рисунка. Из больших витражных окон струился свет. Это место было красивым и вычурным, безопасность уступала место эlegantности. Большие окна, много пространства, высокие потолки. На стенах дорогие картины, а вдоль стен несколько стеллажей из темного дерева с какими-то бумагами.

— Я — Арвелия, кстати, — представилась блондинка. — Скажи, это ведь ты принца Освальда убила?

Кларисса догадалась, что блондинка скорее всего попросила её пойти вместе на второй этаж, только чтобы задать этот вопрос. Тем более, вряд ли ей тут требовалась какая-то помощь.

— Да, я.

В ответ она усмехнулась.

— Привратник, наверное, на тебя молился, да? Идём сюда.

Она уверенно подошла к одной из дверей, глубоко вздохнула и на секунду будто ушла в какое-то медитативное состояние. Это было одно из самых плохих демонстраций дара блуждающего, что Кларисса видела в своей жизни.

— Точно, там кто-то есть, — сказала блондинка, а затем громко и грозно крикнула. — Эй ты, немедленно выходи! Мы знаем, что ты там!

Кларисса посмотрела на дверь, но за ней по-прежнему была тишина. Впрочем, оружие всё ещё было при ней, но пользоваться она им не собиралась и на всякий случай сделала пару мелких шажков назад. Если кто и должен был неожиданно выскочить из двери, то первым делом достанется блондинке. Теперь Кларисса не могла отделаться от мысли, что она становилась полноценно заодно с культистами. Хотя, о таком даже смешно думать после того, как именно по её вине всё здесь и началось.

Арвелия, не дожидаясь, обнажила меч на изготовку и с силой дернула дверь. Там, в маленькой комнате на полу, среди каких-то кроватей и шкафов, сидела женщина, судя по виду служанка, и заливалась слезами. Поняв, что её обнаружили, она резко встала и подняла руки вверх.

— Выходи давай! — скомандовала блондинка.

Женщина медленно вышла, трясась от страха и молча ожидая своей участи. Но блондинка на этом не успокоилась. Захлопнув дверь, она грубо схватила беднягу сзади за волосы, потянув вниз так, чтобы шея оголилась, и приставила меч.

— Не вздумай меня злить! Кто-нибудь тут ещё есть?

— Я здесь одна, — тихо ответила служанка и взмолилась. — Пожалуйста, не убивайте.

— Не буду. Ты нам ещё пригодишься.

Блондинка толкнула женщину, заставляя идти вперёд, и они отправились все вместе обратно на первый этаж. Прямоком к комнате с телами. Снова войдя туда, Клариссе стало дурно, и она решила надолго не задерживаться. Где угодно, только не в этом месте. Арвелия отвела пленницу в угол комнаты, посадила на пол, достала из кармана плаща тонкую веревку и плотно связала руки и ноги. А под конец заткнула ей тканью рот и обвязала веревкой вокруг лица, чтобы та не смогла и пикнуть в случае чего. Кларисса лишь молча стояла и наблюдала.

Арвелию кто-то громко позвал из главного зала.

— Можешь проверить, я крепко завязала? — попросила она. — Похоже, без меня там не справляются.

Не успела Кларисса ничего ответить, как дева поспешила выйти из комнаты. Пойманная служанка смотрела умоляющим, испуганным взглядом, от которого мгновенно стало не по себе. Наверняка у неё есть любимый человек, родители, может быть, даже дети. Но отпустить её сейчас — значит подписать ей смертный приговор. Бежать некуда. Кларисса всё же проверила верёвки, убедилась, что девушка крепко связана и ушла в главный зал.

Блондинка была вся на нервах, спешно подошла к вернувшемуся откуда-то Веймару и начала что-то объяснять, размахивая руками. Некоторое время Кларисса держалась поодаль, но не выдержав любопытства, всё же подошла поближе, узнать в чём дело.

— ...если прогоним! Это нам так просто с рук не сойдет, — сказала девушка.

— Думаешь, они могут кому-то сообщить? А много у них людей?

— Мне сказали, что там целая делегация! — возмутилась блондинка. — Какие-то богачи, не из этих краев. И полно вооруженной охраны. наших, кажется, больше, но ты сам понимаешь...

— Ладно, уведи своих, — решил Веймар. — Пусть останется только пара человек в холле, будут в качестве охраны. Я их приглашу и отведу куда-нибудь. А потом придумаем, что делать. Можем запереть в комнатах. Вариантов полно.

— Ты в своем уме? — опять взбудоражилась блондинка. — А если среди них нюхачи или блуждающие? Они сразу поймут, что здесь что-то не так.

— Спокойно, просто будем вести себя естественно, — ответил привратник. — И им не придется ничего вынюхивать. В любом случае, прогонять их сейчас плохой вариант. Кто знает, куда они пойдут и кому могут пожаловаться.

Блондинка поспешила раздавать приказы и начала орать на всех. Веймар тем временем посмотрел на дверь и слегка занервничал. Клариссе всё это не нравилось. Кто там мог быть? Впрочем, посмотреть ей не позволили, блондинка подошла и в приказном тоне начала прогонять и её, для ускорения подталкивая руками в спину. Попадаться чужакам на глаза не хотелось и было не нужно. Наверняка они потом расскажут страже, что запомнили лица и тех, кто был во дворце, когда правда откроется. Если выживут, конечно.

Клариссу отвели в какой-то странный кабинет, напоминающий очередной зал для заседаний. Большие столы, стулья, роскошная мебель, ковры и множество стеллажей с книгами. Здесь было несколько людей культа, одетых в форму палеонесских дев. Интересно, сколько же им пришлось работать во дворце, охраняя комнаты и помещения в ожидании приказа о нападении? Возможно, год или даже два. Привратник вместе с культом очень-очень долго и тщательно всё планировал. Им не хватало только найти какого-нибудь благословлённого, способного убить принца Освальда. Кларисса про себя усмехнулась. Найти такого дурака, даже за гору золотых задача непосильная. А тут нашлась аж целая дура, способная на что угодно ради мести и спасения близких.

Она услышала, как в холл вошла толпа людей, и Веймар довольно громко и очень учтиво что-то говорил гостям. От нечего делать Кларисса присела и стала ждать. Постепенно голоса стихли. Привратник, как и планировалось, проводил гостей в комнаты. Незнание того, что происходит утомляло и сводило с ума. Несколько девочек-культистов начали тихо друг с другом о чем-то переговариваться. На Клариссу они ровным счетом не обращали внимания. Так можно было и до ночи просидеть. Лучше бы она пошла и попробовала хоть что-то выяснить про своих настоящих родителей, пока ещё была во дворце, и попыталась понять, почему сожгли целую деревню, в которой они жили. Ведь, мама говорила, что принц Освальд, ныне покойный, отдал приказ о полном уничтожении, но для

чего? Должна же была быть какая-то веская причина? Даже спустя столько лет, могут остаться какие-то записи, архивы подписанных приказов или что-то ещё.

Кларисса встала с места и под взглядами ожидающих чего-то культистов, аккуратно вышла в коридор. Центральный холл выглядел пустым и аккуратным. Почти как тогда, когда она увидела его в первый раз, зайдя сюда с Веймаром. Недолго думая, пока никто не видит, она вышла на улицу, освежиться. По дороге от ворот до центрального входа росло множество разных деревьев и по центру огромный сад палеонесских роз, всех сортов и разновидностей. Кожу приятно обдул слабый ветерок, а солнце всё ещё ласково согревало лучами. Кларисса закрыла глаза и вздохнула полной грудью, а затем пошла в поисках какой-нибудь лавочки. Посидеть в одиночестве, собраться с мыслями и подумать.

Это место можно было бы назвать прекрасным. Самым красивым на всем континенте! Если бы не всё случившееся, может, Авилина однажды пригласила бы Клариссу к себе в гости и тогда она бы так и сказала. И заодно подумала бы: это же сколько нужно садовников, чтобы соблюдать всё в таком идеальном виде?

Кларисса остановилась, наткнувшись, наконец, на изысканную просторную лавочку под сенью деревьев почти прямо посередине аллеи. Но она была занята. На ней спокойно сидел, закрыв глаза, тот самый каторжник, которого спас культ. Кларисса подошла и присела рядом, но его это не смутило. В глазах парня скорее было любопытство. Сейчас они одни и вот он шанс, узнать, ради кого было положено столько людских страданий и сил.

— Они тебя бросили тут одного? — спросила Кларисса.

— Нет, я сам попросил оставить меня ненадолго, — ответил парень. — Я очень давно не видел солнечного света. И открытого неба. Не наслаждался тишиной и свободой.

Его голос спокойный и мягкий, как мёд. И на вид безобидный и располагающий к себе. Если бы не грязная и рваная одежда, легко бы сошёл за обычного аристократа. Впрочем, и одежда — вопрос времени.

— Да и не один я, — подметил он. — Вот, Веймар от меня далеко не отходит.

Он указал кивком в сторону, и Кларисса увидела привратника, медленно идущего рядом с какой-то девочкой. Наверняка это и есть кто-то из гостей. Завидев Клариссу, Привратник хотел было пойти дальше, но девочка тоже её увидела и почему-то повернула в эту сторону. Они начали медленно приближаться. Поняв, что этот момент может стать последним, Кларисса постаралась быстро и ненавязчиво спросить:

— Скажи, а почему тебя заперли в тюрьме во дворце? Ты чей-то важный родственник?

— Сложно сказать, но о судьбе родителей я, увы, ничего не знаю, — спокойно ответил парень. — Люди принца Освальда отобрали меня у них ещё в детстве и сразу упрятали сюда. Поэтому, боюсь, они давно бросили попытки меня искать. Если, конечно, они ещё живы...

Он остановился на полуслове, потому что Веймар с девочкой уже подошли совсем близко. Впрочем, они были заняты своим собственным разговором. Точнее, девочка задавала вопросы, а он слушал и очень учтиво отвечал, сложив руки за спиной. Кларисса не поверила, если бы не увидела сама. Это будто был совсем другой человек. Добросердечный и внимательный слуга. Наверняка и перед принцем Освальдом так себя вел, пока за спиной планировал дворцовые перевороты. Даже манера речи казалось непривычной, неторопливой, изысканной:

— ...конечно, уже вечером Его Величество принц Освальд вернётся, и я сразу же его извещу о Вашем визите.

— Я бы ещё хотела повидаться с Авилиной перед этим, — попросила девочка. — Я

единственная из всех, кого она знает в лицо.

Кларисса невольно почувствовала, как что-то внутри отозвалось при упоминании бывшей подруги.

— Сейчас она на учёбе, но вечером мы обязательно пошлем за ней в Академию, — сказал Привратник. — Думаю, она будет Вам рада.

— Она учится в Академии? — удивилась девочка.

— Конечно, на первом курсе.

— Это замечательно. Я найду леди Камиллу и скажу об этом. И мне уже пора обратно, а то на самом деле, мне не разрешали уходить далеко...

Веймар покосился на Клариссу прожигающим душу взглядом, видимо, в попытке прогнать. Кажется, она совсем забыла, что одета как раз как первокурсница из Академии. Но девочка не обратила на это никакого внимания. А сидящий на лавочке парень спокойным и слегка отстраненным тоном сообщил:

— Принц Освальд не вернется. Ни сегодня, ни завтра, никогда. Как ни хорошо врать, Привратник?

Тот в ответ лишь добродушно засмеялся, не зная, что и сказать. Кларисса могла поспорить на два своих кинжала, что парня точно предупредили о притворстве перед гостями. Потому и оставили одного в саду. И пока Веймар придумывал, что сказать, девочка полюбопытствовала:

— Почему не вернется?

— Потому что его сегодня убили.

И тут уже и Кларисса впала в ступор. И девочка, судя по виду, не знала, как правильно реагировать. А потому настороженно уточнила:

— Вы так шутите про своего правителя, да?

— Даааа, это как бы наш местный... ученик оракула, — выкрутился Веймар. — Постоянно предсказывает будущее о разных смертях.

— А, вот оно как.

Гостья расслабилась, хотя взгляд у неё по-прежнему оставался задумчивым. Она даже начала посматривать в сторону главного входа дворца, намереваясь убраться к своим. Веймар уже вздохнул с облегчением, но парень, похоже, решил идти по-честному прямо до самого конца:

— Я вовсе не шучу. Мои люди совсем недавно захватили дворец и как раз сейчас, пока мы здесь разговариваем, спрятались как дети в залах для переговоров, пока другие исполняют роль охраны, а ещё...

Привратник Веймар довольно громко и неестественно кашлянул в руку и приобнял девочку за плечо, помогая сдвинуться с места и вернуться во дворец, одновременно приговаривая:

— Думаю, Вам лучше не слушать это и вернуться во дворец, юная леди Рокстерли.

— Рокстерли? — удивился парень. — Ты Амелия Рокстерли?

Тут уже Веймар решил остановиться. Да и девочка, сделав пол шага, тоже. Кларисса сразу вспомнила, что Рокстерли один из старейших родовых фамилий в Гальраде. Раньше они и вовсе были приближенными при дворе. Всё же, Норберт Рокстерли был императором восемь лет, а значит, во дворец как-никак приехала Гальрадская знать. Хорошо охраняемая и очень влиятельная.

— Прости пожалуйста, что напутал, — почему-то взволновался парень. — Я — Мариус

Грайли. Сама судьба свела нас в этот удивительный день. Ведь я кое-что знаю о тебе, о чем ты, возможно, даже не догадываешься.

— Надеюсь, это не предсказание о том, что я скоро умру, — сказала девочка.

Кларисса слегка удивилась. Она ещё успеваает иронизировать в такой странной ситуации, молодец. Но парень остался серьезен:

— Нет. Твое рождение предсказали ещё примерно четыреста лет назад. В одном из храмов древних. Возможно, ты та, кто сможет изменить этот мир.

Глава 12. Пленник, оставшийся один

— А, вот ты где!

Из дворца к ним приближался парень невысокого роста, в плаще и при оружии. Тоже один из гостей, которых, видимо, попросту оставили одних и попросили подождать. Веймар ведь всего один и не может быть в двух местах одновременно.

— Добрый день.

— Дьюк, они говорят, что...

Девочка начала было уже рассказывать об услышанном, но тот бесцеремонно её перебил:

— Вижу, ты в порядке, а то мы уже обыскались. Камилла может рассердиться, ты её знаешь. Пойдем, нам пора. Извините...

Он поклонился Веймару, и тот поклонился в ответ.

— Всё в порядке, — уверил привратник. — Я вас провожу.

Они направились в сторону дворца, и Кларисса пошла следом. Беседа с загадочным Мариусом Грайли была забавной, но гости выглядели интересней. Раз уж они запомнили её лицо, скрываться смысла уже не было.

Парень повернулся к привратнику и возмутился:

— Моя госпожа ждет уже довольно давно, но к нам никто так и не подошёл. Нам даже не предоставили комнаты, где можно было бы передохнуть.

— Приношу свои извинения, — Веймар снова слегка поклонился, не сбавляя шаг. — Я сейчас же прикажу исправить эту ситуацию, господин...

— Альбер. Дьюк Альбер.

— Да, господин Альбер, очень сожалею. Нас заранее не предупредили о вашем визите. Передайте своей госпоже, что слуги в самое ближайшее время приготовят комнаты для гостей. Чуть позже я лично могу показать вам и вашей госпоже наш дворец, если желаете. Пока ждёте Его Величество, разумеется. У нас прекраснейший сад, огромные купальни и даже собственный театр.

— Вы очень любезны, — ответил Дьюк. — Знаете, мы уже насмотрелись. Были мы как-то в одном театре в Саргосе. Актеры там играли не слишком убедительно.

Кларисса неожиданно поняла: он всё знает. Этот парень из Саргоса их раскусил. Не просто так уйти отсюда они не могут. Ведь было бы странно, если бы гости быстренько собрали свои вещи и заявили, что хотят немного прогуляться по Алкории. Тем более в город, со всей охраной, после столь долгого, утомительного пути? А вот Веймар, похоже, ещё ничего не понял и ответил всё так же учтиво:

— Думаю, в нашем театре вам понравится больше.

— Дворец, и правда, прекрасный, — заметил Дьюк. — Только людей не особо много, кругом одни девы в масках. Знаете, мою госпожу это слегка смущает. Она думает, вы готовитесь к какой-то обороне.

— Ну что вы, нет конечно! Просто в день перед великим праздником все служащие Его Величества ушли домой к семьям. А служанок я сейчас поищу и прикажу, чтобы занялись вами.

Веймар, стоило ему отдать должное, умел выкручиваться...

— Так, пойдем-ка, Амелия, — парень схватил девочку за руку. — Думаю нас не очень

рады здесь видеть, раз Его Величество забыл о приглашении и оставил нас, удалившись по своим делам. Мы уезжаем обратно в Гальрад.

Парень повел девочку обратно к своим, но уйти далеко ему не дали. Веймар быстро перегородил дорогу.

— Прошу вас просто ещё немного подождать. Я сейчас же найду слуг, и мы исправим это недоразумение.

— Можете посмотреть на втором этаже, кажется, они там, — подсказал Дьюк. — И, судя по всему, у них какие-то проблемы. Возможно, их заперли наверху, потому что они так плохо отмыли кровь на полу в гостиной.

Они стояли прямо посреди зала. Привратник глубоко вздохнул, сжав кулаки. Кларисса тоже остановилась, наблюдая за тем, как блондинка с парой вооруженных девчонок, почуввав неладное, тихонько начали приближаться.

— Знаете, что, господин, боюсь...

— Альбер.

— Думаю вам придется подождать служанок ещё немного, господин Альбер.

Голос Веймара изменился. Теперь он звучал угрожающе, и все отчётливо это поняли.

— Ждать слишком долго утомляет. И проблемы нам ни к чему. Мы можем просто уехать, будто нас здесь и не было.

Кларисса поразились выдержки парня. Он даже не напрягся, будто для него это была какая-то игра или шутка. И голос остался спокойный, с нотками легкости. Казалось, ситуация его даже веселила.

— Боюсь, это невозможно.

Обстановка начала накаляться. Веймар схватился пальцами за рукоять меча на поясе.

— Я знал, что вы так скажете. Может, хотя бы признаетесь, кто вы такой? Всё равно в роли дворцового слуги вы выглядите не слишком убедительно.

Арвелия появилась сзади парня быстро и тихо, словно лиса. Заранее вооружившись мечом, она подставила лезвие к его горлу и пригрозила:

— Лучше не делай резких движений. И не вздумай хвататься за оружие!

Он, судя по всему, и не собирался. Но сделал шаг в сторону, закрывая собой девочку, которая теперь уже явно испугалась и инстинктивно схватилась за плащ Дьюка.

— Меч для красоты. Я им и не пользуюсь, — признался парень.

— Эти драться явно не умеют, раз столько охраны с собой тащат, — съязвила блондинка, обращаясь к Веймару. — А теперь пошли, вперёд!

Кларисса заметила, как одна из девушек, углядев еле уловимый кивок головы блондинки, отошла в сторонку и побежала за остальными. Наверняка, чтобы собраться вместе, ведь у чужаков немало вооруженных людей. Кларисса вместе с девочкой, Веймаром, Дьюком и Арвелией пошли куда-то вглубь дворца.

В одном из залов в правом крыле, на первом этаже, находился огромный зал для пиршеств и переговоров. Только сейчас столы были пусты. Гости сидели и ждали, без еды, напитков и даже вещи не сложили. Веймар явно очень плохо всё организовал. Повезло ещё, что девчонка отбилась от остальных. Наверное, бывала здесь раньше и решила прогуляться по дворцу.

Кларисса в очередной раз поразились, увидев ещё одно огромное помещение. И бывший принц Освальд даже заимел себе свой собственный театр? Жизнь роскошней, наверное, и не придумаешь. Оставалось только представить, как маленькую Авелину родители просили

сходить с ними на специально подготовленный спектакль в честь дня рождения, а она отнекивалась, потому что это скучно.

Как только гости увидели лезвие у горла парня, живо повскакивали со своих мест и обнажили мечи. А девушка высокого роста, которая, судя по всему, была самой управительницей, вскочила и крикнула с такой ненавистью, будто готова была разорвать всех голыми руками:

— Это что всё значит!? Отпустите его немедленно.

— Ну-ка тихо, а не то кому-то будет больно, — пригрозила блондинка. — И пусть все остаются на своих местах! У нас много вооруженных послушниц.

— Да, и что они сделают? — Спросил мужчина, стоявший рядом с высокой девушкой. — Напугают нас голыми сиськами?

Кларисса услышала топот множества ног где-то в коридоре, а затем в помещение забежали культисты в масках дев. Она не знала, сколько присутствовало в битве после убийства Освальда, но сейчас вошло около двадцати человек, вооруженных и подготовленных. Охрана гостей из Гальрада тоже выглядела внушительно, и примерно была равна по численности. Чем может закончиться это противостояние в случае смертельной стычки, сказать наверняка не мог никто. Тут свою лепту вставил и Дьюк Альбер:

— По крайней мере, это была хорошая шутка.

— Закрой рот!

Блондинка крикнула, а затем ударила рукояткой меча парня прямо по лицу. Он пошатнулся и чуть было не упал, но всё же устоял на ногах. Кажется, он был в порядке, но из носа пошла кровь. И всё же, он остался невозмутим, вытер нос рукавом и продолжил с любопытством наблюдать, что будет дальше. Клариссе этот парень начинал нравиться всё больше и больше.

— Ещё раз его тронешь, руки оторву, — пригрозила управительница. — Хотя, ты уже скоро сдохнешь мучительной смертью в любом случае.

— Может, мне тогда стоит уделить внимание девчонке? — насмешливо спросила блондинка в ответ. — Ну-ка иди сюда, милая.

Стоящая неподалёку Амелия, попыталась отстраниться, но дева ловко схватила её за рукав и подтащила к себе, подняв меч. Возможно кровопролитие и случилось бы здесь и сейчас, и ещё в больших масштабах. Кларисса посмотрела на блондинку и пыталась понять по взгляду её намерения. А управительница подняла меч и собралась отдать приказ атаковать.

— Не вздумай трогать её, — полушепотом предупредила Кларисса.

Блондинка хотела ответить, но не успела, потому что сквозь толпу протиснулся подошедший в зал Мариус Грайли.

— Прекратите это, — попросил парень. — Зачем же вы так обращаетесь с нашими гостями? Вы же из Гальрада, верно?

На некоторое время в зале наступила тишина. Все взгляды уставились на него.

— Да, мы из Гальрада, — злобно ответила управительница.

— Тогда предлагаю переговоры.

Мариус приблизился к чужакам на опасное расстояние и сел за стол. Управительница тоже села, прямо напротив него. Она была напряжена, сжала кулаки и в любую секунду могла броситься на парня. Кларисса заметила, как Веймар словно хотел отговорить от этой затеи. Но парень явно был сам себе на уме.

— Как я понимаю, вас пригласил лично принц Освальд? — спокойно спросил Мариус. — Но здесь его больше нет, как и его людей. Только мы.

— Вам придется нас отпустить, — потребовала управительница. — Иначе, в ближайшее время погибнет много ваших.

Мариус попросту не обратил на это внимание и продолжил расспрашивать:

— Должно быть, вы знакомы с императором Гальрада?

— А ты сам как думаешь?

— Разговаривай нормально, шлюха Гальрадская! — прикрикнул привратник. — А иначе...

Управительница посмотрела на Дьюка и Амелию, находившихся под прицелом меча и, казалось, ещё больше обозлилась. Но всё же, сдержала себя, не ответив на оскорбление.

— Мы вас отпустим, — пообещал вдруг Мариус. — Но с одним условием: вы сразу же отправитесь к императору и попросите его убрать своих людей с границы северной провинции и стылых земель. И чтобы быть уверенным в том, что вы это сделаете, мы оставим себе девочку в качестве гостя.

Управительница вскочила с места:

— Ты совсем выжил из ума?

Веймар хотел ещё что-то высказать по поводу Гальрадских шлюх и тому подобное, но Дьюк, не боясь, предотвратил все перепалки и взял слово:

— Она просто регент. Без Амелии её даже не пустят к императору во дворец. Поэтому им придется идти туда вместе, тем более, если дело касается стылых земель. А в качестве заложника можете оставить меня.

Кларисса попыталась понять, врет парень или нет, но не смогла. Она попросту ничего не почувствовала. Либо он совершенно спокоен, и никакие внутренние колебания не способны обнажить вранье, даже для человека с даром предвестника, либо он благословлённый. А может, и то и другое. По крайней мере, по поводу себя в качестве пленника он не обманывал. Дьюк явно не какой-то обычный слуга, судя по братскому общению с девочкой, да и одежде и поведению. Возможно, он её брат. Не просто так управительница, увидев, что их двоих схватили, сразу же обозлилась, как бешеная собака.

— Мы оставлять никого не будем, — решила управительница. — Если вы хотите смерти, так тому и быть.

— Многие из нас пали сегодня, — сказала Арвелия. — Остальные готовы умереть прямо сейчас. Но, обещаю, если вы устроите кровопролитие, парень и девчонка сдохнут первыми.

Управительница вновь посмотрела на дорогих ей людей. Веймар что-то шепнул Арвелии, и она отпустила девочку, толкнув в сторону своих, и наставила меч на Дьюка. Амелия, поняв, что её больше не держат, сразу побежала к управительнице.

— Ну, так что? — спросил Мариус.

— Вам ничего не помешает убить его сразу же, как только мы выйдем за ворота.

— Верно, ничего, — не стал спорить Мариус. — Но мы не станем этого делать. Не поймите меня неправильно, эти люди не убийцы и не лжецы. И лично я целиком и полностью ненавижу насилие и считаю его великой гибелью человечества. Ваш парень останется у нас в качестве гостя, а не пленника. А как только я узнаю, что император отдал приказ, мы его отпустим, и он спокойно сядет на корабль и уплывет домой. Можем даже проводить его до пристани.

Управительница, будто не веря, тихо спросила:

— Зачем вам всё это?

— Моя сестра, с которой мне очень нужно встретиться, находится на севере, в стылых землях. И ей не пройти даже в Гальрад без вашей помощи...

Подошедший к Мариусу Веймар начал что-то шептать ему на ухо, искоса поглядывая на управительницу. Кажется, задумка ему не нравилась. Мариус шепнул что-то в ответ, а тот лишь кивал головой в знак согласия. Мнение парня явно было для него очень важным. Гальрадские стражники опустили оружие, но всё ещё стояли, сохраняя бдительность, а их главарь, воспользовавшись заминкой, подошёл поближе к управительнице.

— Приведите её, — скомандовал кому-то Веймар.

Двое культистов ушли, а он достал висящую на поясе черную маску и надел, подойдя обратно к Арвелии.

— Надевай, — шепнул привратник Клариссе, протягивая невесть взявшуюся откуда ещё одну маску. — И побыстрее. Нельзя, чтобы она видела твое лицо.

Кларисса решила довериться и надела маску. Она уже догадывалась, что будет дальше. Раньше ей так хотелось, чтобы одеяние послушницы вручили в торжественный момент, при котором бы присутствовала мама и однокурсницы. И маска безмолвия, означающая обет молчания, была бы вручена под овации и поддержку. Но этому не суждено случиться. Она взяла маску из рук привратника, которая оказалась легче, чем ей думалось и давала хороший обзор. Впрочем, это была бутафорская подделка, не более.

Двое культистов привели в зал девушку в грязном дешевом тряпье и грубо швырнули на пол, в середину зала. Кларисса не сразу её узнала. Растрёпанные волосы, порванная, грязная одежда с пятнами крови, вырванные с корнем ногти на пальцах рук, измученный взгляд. Авила смотрела на людей вокруг пустым взглядом, наполненным каким-то безразличием. Наверняка её заставили выпить одно из зелий, притупляющих волю и здравомыслие. Преподаватель по истории Палеонесса рассказывала о применении таких во время пыток несколько сотен лет назад.

Клариссе нравилось, что она живет в одной комнате и дружит с самой наследницей престола. Нравилось знать её такой, какой не знал никто. Вообразить, как она приглашает Клариссу на работу во дворец в качестве собственного советника после восхождения на престол было легко. Казалось, всё так и будет, и это справедливо. Кларисса с детства трудилась и тренировалась, чтобы поступить в Академию, а потому заслужила такую жизнь. А теперь она смотрела на бывшую подругу и едва её узнавала. Лучше бы она вообще никогда не знала Авилу Альберти. Лучше бы убила отца и сломала жизнь какой-нибудь другой, незнакомой девушки.

— Возьмете её с собой и можете использовать, как хотите, — сказал Мариус. — Хоть променяйте на стылые земли, если придется. Скажите императору, что у вас в руках наследница престола Палеонесса.

— Что-то не похожа она на принцессу, — усомнилась Камилла.

— Это она, — уверенно сказала Амелия.

Управительница о чем-то некоторое время перешептывалась с девочкой и та, кажется, подтвердила, что знает принцессу в лицо. А привратник Веймар, вздохнув, сказал не терпящим возражений тоном:

— А теперь убирайтесь отсюда.

Глава 13. Незванная гостья

Проезжая верхом на лошади по родному городу Камилла наблюдала, как едва завидев её, стражники города открыли ворота, а не многочисленный люд на центральной площади расступился, давая дорогу лошадям. Видеть это было в новинку. В дальних поездках она передвигалась только в экипаже и очень редко когда ездила верхом, в основном по территории имения и только для своего удовольствия. О приближении управительницы к родовому замку Рокстерли уже знали слуги и стражники, увидев экипаж с горы. Ворота, ведущие во внутренний двор заранее открыли, дожидаясь въезда лошадей.

Домой возвращаться не хотелось. Тело отдавало слабостью, усталость накрывала, клонило в сон. Кажется, что и Амелия, держась сзади, еле ехала и периодически засыпала, облокотившись на спину управительницы. Ничего не поделаешь, пришлось посадить её на лошадь позади, потому что оставлять одну неизвестно с кем совсем не хотелось. С момента отбытия из порта Алкории пленница не вымолвила ни единого слова, держалась поодаль от всех и безэмоционально смотрела перед собой, куда-то в пустоту. Дориан конечно же за ней присматривал, но решил, что она не опасна.

Только заехав во внутренний двор, Камилла почувствовала себя защищенной. Она снова была дома, только без Дьюка. Не хотелось никого ни видеть, ни слышать и ни с кем не говорить. Только отправить Амелию спать, запереться в своей комнате и думать над дальнейшим планом действий. А потом просто выпить крепкого алкоголя и заснуть в беспамятстве. Представить, что этой поездки в Алкорию никогда и не было.

На пороге встречали немногочисленные слуги. В их числе и Мирина, улыбка которой слетела с уст, только завидев грустных и смертельно уставших друзей. Она молча посмотрела на Камиллу и даже не решилась расспрашивать, что произошло. Видимо, всё и так было написано на лице. А Камилла сразу же отправилась в свои покои, но её быстро нагнал Дориан.

— Что будем делать с девушкой?

— Запри её в какой-нибудь комнате и не выпускай до утра.

Дориан исчез в полумраке так же быстро, как и появился. В главном зале уже давно никто не зажигал свечи на люстрах, потому что слуг было крайне мало, и Камилла разрешила не беспокоиться на счет света. В летнее время все ели до темноты, а в зимнее грелись у камина и пили вино. По вечерам этот зал уже давно окутывал полумрак.

Камилла, убедившись, что девушку из Палеонесса не оставили одну, поспешила выйти на улицу и медленно, но уверенно отправиться к донжону. Лишь бы закрыться у себя в кабинете или в спальне и спокойно обо всем поразмыслить.

— Камилла, подожди!

Амелия нагнала её, стоило только выйти на улицу и быстро, чуть ли не бегом, обогнала, перегорев дорогу.

— Зачем ты приказала её запереть? — волнительно спросила девочка. — Это же принцесса Авила Альберти, дочь принца Освальда. Она может рассказать, что произошло. Давай её расспросим?

— Зачем?

Камилла уже перестала толком соображать и не понимала, чего от неё хотят. Тело манило идти в башню, закрыть глаза и просто лежать. А всё остальное могло как минимум

подождать до утра. Она будто бы целый день таскала мешки, работая в поле. От усталости начала побаливать голова. И снова пришла мысль, что нужен был лишь хороший крепкий алкоголь. И вообще, в конце концов, она просто хотела остаться одна. Наедине со своей внутренней болью и саморазрушением.

— Как зачем? — удивилась девочка. — Вдруг её пытали или морили голодом? Давай хотя бы обо всем расспросим?

Спорить с упрямой Амелией не было сил, а оставлять её одну с пленницей слишком рискованно. Совсем непонятно, чего ожидать от этой Палеонесской принцессы. На корабле она накинулась на еду, словно не ела несколько дней. Но, затем молча забилась в угол и сидела, не видя никого. За всё время пути Камилла не слышала, чтобы пленница сказала хоть одно слово. Впрочем, она вообще не видела никого, заперлась в отдельной каюте и смотрела в окно.

— Давай оставим это до завтра? — попросила управительница.

— Ей же нужна помощь! И потом, сейчас каждая минута дорога, пока Дьюк в Палеонессе.

Это был удар по больному, но девочка была в чём-то права. И даже на этом она не остановилась и напонила:

— Ты же говорила, что я должна сама учиться принимать решения, чтобы в будущем стать хорошим управителем. Я думаю, что так будет правильно. Времени у нас не много.

Камилла вздохнула, молча развернулась и пошла обратно в замок. Одно радовало — там была Мирина, которая могла быстро накрыть на стол и хотя бы покормить. Хоть сейчас и твердо ощущалось, что кусок в горло не полезет, немного еды всё равно бы не помешало. Управительница зашла в главный зал и села за длинный стол для пиршеств, прямо посередине. Её место всегда было во главе стола, но оно ей почему-то никогда не нравилось.

Амелия увидела Дориана и быстро подошла к нему. Камилла молча кивнула, когда Мирина поинтересовалась, нужно ли накрыть на стол и закрыла глаза. Она, кажется, даже начала засыпать, в пол уха слушая, как на стол со звоном кладут какую-то еду и ставят бутылки. А потом резко открыла глаза, услышав, как прямо напротив неё со скрипом отодвинули стул.

Пленница аккуратно села и начала осматриваться, наконец, показывая хоть какую-то заинтересованность в том, что вообще происходит. Она была бледна, одной рукой держалась то ли за бок, то ли за живот, на волосах всё так же застыла слипшаяся кровь, а в глаза бросались пальцы рук, на которых отсутствовали ногти. И довольно дешёвая потрепанная рубаха в некоторых местах, испачканная кровавыми пятнами. Амелия, хоть и привела свою «подругу», но всё же села возле управительницы. Так было надёжней, да и уж через стол безоружная незнакомка точно прыгать не станет, чтобы кому-то навредить.

Некоторое время они все сидели молча. Пленница слегка оживилась, почувствовав запах еды и наблюдая, как на столе начали появляться разные яства, сглотнула слюну. Усмехнувшись, Камилла уточнила у Амелии:

— Ладно. А она вообще говорить-то умеет?

Амелия посмотрела на подругу и осторожно, еле слышно спросила:

— Ты помнишь меня?

Девушка ответила не сразу, а голос звучал тихо и вымучено:

— Конечно. Я помню тебя, ещё когда ты была маленькой вы приезжали к нам с семьёй в Алкорию. Помню твою сестру Лиру. Такая серьёзная, спокойная. Настоящая леди. Помню

императора Норберта и Грейнора Рокстерли.

При упоминании отца, дяди и сестры Амелия сохранила лицо и не подала виду, что что-то не так, только грустно вздохнула. Камилла подметила про себя, что и не помнила, когда в последний раз говорила с девочкой о семье. Ей и самой прошлое оставило много боли, но ежедневные управленческие дела не давали времени об этом подумать.

— Можно поесть? — осторожно спросила пленница.

— Да, пожалуйста, ешь, — разрешила управительница.

Пленница с нескрываемой жадностью накинулась на еду, второй раз за этот день. Возможно, в плену её не кормили несколько дней. Тогда хорошо, что Дориан не давал ей на корабле слишком много. После длительной голодовки следовало есть понемногу. Забыв про манеры, она быстренько отломала ломоть хлеба, взяла кусок мяса и принялась уплетать. Камилла устало вздохнула, потому что поняла, что придется подождать. Видимо пленница и правда была сильно голодна. Однако, не теряя времени и проглотив очередной кусок мяса, она сама спросила:

— А где управитель Грейнор?

— Его с нами нет, — тихо ответила Амелия.

— Уехал куда-то?

Тут девочка не стала уже ничего говорить. И пришлось ответить Камилле:

— Он умер. Я управитель.

Авила Альберти внезапно прекратила есть и замерла. Рука, державшая хлеб, повисла в воздухе, а затем медленно опустилась. Хоть голос Камиллы и не оставлял сомнений в правдивости, принцесса посмотрела на неё с недоверием. А затем, придя в себя, уточнила у Амелии:

— А как же твоя старшая сестра, наследница?

Девочка молча покачала головой. Пленница взглянула на Камиллу как-то по-новому, будто пытаясь понять, правда ли перед ней управительница. И всё так же тихо спросила:

— Как такое могло случиться?

— В наш дом...

Амелия уже начала было рассказывать о лазутчиках-североземцев, но предвещая длинную историю, Камилла решила перебить и перейти сразу к сути:

— Лучше скажи, что случилось во дворце и кто были те люди. И побыстрее, я ужасно устала.

Авила посмотрела на управительницу с некой неприязнью, но спорить не решилась.

— Я отдыхала в покоях отца, ждала, когда он освободится от дел, чтобы поговорить со мной. Потом услышала странный шум, а когда вышла посмотреть, отец был мертв, — Авилка вздохнула. — Какие-то люди устроили резню прямо во дворце и перебили всю стражу, ворвались в кабинет отца, ударили меня по голове, я потеряла сознание и очнулась в подвале тайной тюрьмы. Там была пыточная комната и... один из... один из врагов меня пытал. Я его знала, это был доверенный отцу человек.

Последние слова дались принцессе тяжело. Похоже, она сама ещё не до конца осознавала произошедшее.

— Ты говоришь о своем отце, принце Освальде? — изумилась Амелия.

— Да, о нем. Моего отца убили подло, трусливо и бесчестно. Ударом со спины, — продолжила Авилка. — И пока я была в той пыточной комнате, всё пыталась что-то понять, ненавидела себя и весь континент, хотела умереть, хотела всех их убить, хотела... —

Авилаина шмыгнула носом и её едва заметно затрясло. — Не знаю, чего ещё я хотела. Мне заткнули рот, связали и... я будто вечность там провела до тех пор, пока меня не оставили в покое. Я думала, что умру. Лучше бы так и было.

Амелия взглянула на Камиллу, как бы говоря «я была права». Да, ситуация у Авилины гораздо более плачевная, чем казалось на первый взгляд. Но это ничего не объясняет. Принцесса не знала, кто ворвался в замок, устроил покушение и зачем. Может, этот принц Освальд был не такой уж и хороший государственный лидер? Впрочем, у всех ему подобных есть тайные недоброжелатели. Но Камилле совсем не хотелось слушать рыдания девушки и успокаивать её, поэтому она просто подставила ей под нос кубок с вином.

— На выпей, полегчает.

Дориан всегда говорил так, когда Камилле было тяжело, только вдобавок не забывал бросить ехидную усмешку. Принцесса молча накинута на вино. Похоже, она и сама не хотела, чтобы кто-то видел её страдания. Выпив половину, она положила кубок на стол и заметно, даже демонстративно, поморщилась. Но говорить ничего не стала.

— Мы могли бы отыскать мою мать, — предложила принцесса. — Она сейчас здесь, в Гальраде, в ордене святой Вианоры. Это в северной провинции. Она может помочь, безопасно отправить меня обратно в Алкорию.

— Нам нужно не тебя домой отправлять, а ехать к императору, — нетерпеливо ответила управительница. — Сказать, чтобы убрал своих людей с границ Стылых земель. Или убьют близкого нам человека, а если это случится, ты отсюда живой не уйдешь.

На это пленница грустно усмехнулась:

— Всем будет только лучше, если меня не станет...

— Да и мне плевать на тебя, — призналась, наконец, Камилла.

В ту же секунду она почувствовала осуждающий взгляд Амелии. Но свои слова назад брать не хотела.

— А вы, что, у меня во дворце своего человека оставили? — недоуменно спросила Авилина.

— Представь себе, да.

Принцесса ничего на это не ответила, только виновато опустила глаза. А затем продолжила уплетать еду, за обе щеки. Камилла сидела и размышляла над услышанным. Скорей всего перед тем, как пытаться, принцессу раздели догола, а уже после кинули под ноги эти самые обноски, чтобы в случае чего, городская стража не признала в ней дочь принца Освальда.

Да, девушка была красива, даже чересчур. Переодеть, вымыть с ног до головы, расчесать и может быть, получится принцесса. В этом есть и большое коварство. Если она и правда дочка принца Освальда и на территории Гальрада с ней что-то случится, может начаться серьезный политический конфликт. И проблем не оберешься, когда всплывет, что такая знатная особа прибывала в «плёну» у Рокстерли.

— А как вы вообще оказались в Алкории? — недоуменно спросила принцесса. — Я думала, вы не собирались к нам.

— По приглашению из дворца.

— По какому ещё при... — Авилина вдруг застыла и вновь положила еду на стол.

На мгновение наступила тишина. А затем принцесса закрыла лицо руками и пролепетала:

— Это я во всем виновата... я приказала отправить приглашение. Это было так давно,

что я и забыла... от вас не было вестей больше полугода, ни одной весточки. Отец сказал, что скорей всего вы не приедете и не стоит даже писать, но я... это всё моя вина...

Камилла собралась что-то ответить, утешить или на худой конец, налить ещё вина, но принцесса начала всхлипывать, а затем и вовсе разревелась. Закрыв лицо руками, она не видела никого вокруг, но рыдала, будто бы вся та боль, что была прожита за последние дни, дала о себе знать и сильным всплеском вырвалась наружу. Камилле было хорошо знакомо это чувство. У каждого есть что-то способное причинить невероятно много боли. Бессмысленной, тупой и беспощадной. Её невозможно игнорировать или скрыть. А если попытаться запереть глубоко в душе, она медленно, но верно начнёт пожирать человека изнутри.

— Про... простите меня...

Авилина пыталась говорить сквозь слезы, но выходило это у неё из рук вон плохо. Камилла, решила, что момента лучше пойти, всех уложить, не будет.

— Так, хватит реветь, — сказала она в приказном тоне. — Возьми себя в руки. Что случилось, уже не изменить. Нам нужно всем отдохнуть.

Кое-как Авилина встала и поплелась за Камиллой и Амелией в жилое крыло замка. Подруга Амелии шла позади всех и пыталась привести себя в порядок. Поправляла волосы и вытирала лицо рукавом рубахи, попутно осматривая пустые коридоры величественного замка, в котором когда-то давно наверняка гостила. Хорошенько протерев лицо собственной рубахой, принцесса нарушила молчание:

— Амелия, значит у тебя появился регент-управитель? А ты сама собираешься претендовать на престол?

— Конечно, она собирается.

Камилла, не зная почему, ответила сама. И спиной почувствовала на себе прожигающий взгляд девочки. Эта тема для них была острой. Одной из тех, которые когда-нибудь, желательно в ближайшее время надо бы обсудить.

— Император держит тебя в поле зрения, да? — продолжила допытываться принцесса. — Всё-таки старик не вечно будет сидеть на троне.

— Меня не пускают на прием к императору, — призналась Амелия.

— Почему?

— Не меня спрашивай...

Они остановились возле одной из комнат в жилом крыле, вполне подходящей для ночлега даже такой особе, как принцессе другого государства. Авилина с недоумением смотрела на Камиллу. На самом деле, не пускать Амелию к Гальрадской знати был совет самого императора. После того, как Камилла начала появляться при дворе, кто-то решил распространять грязные слухи о том, что она безграмотная дурочка из северной деревни, и вообще работала в одном из домов удовольствия в Саргосе. Император хотел бы видеть Амелию в лучшем свете, поскольку очень уважал её отца и дядю, а потому советовал выждать время. Вот только с девочкой обо всем этом подробно поговорить как-то не нашлось времени.

— Так, знаешь что? — вздохнула Камилла, обращаясь к Амелии. — Ты слишком много болтаешь. Иди-ка в свою комнату.

Она попыталась возразить, но Камилла её перебила:

— Я сказала в свою комнату, живо! Всё, хватит посиделок. Расходимся до утра.

Как это обычно бывало, стоило прикрикнуть строгим тоном и девочка, слегка

поклонившись, молча удалилась к себе без желания спорить. А Камилла открыла дверь и пригласила принцессу внутрь. На удивление слуги постарались и эта комната, как и остальные содержалась в чистоте, хотя в жилом крыле практически никто не жил, а проверять, всё ли в порядке последние месяцы попросту не было времени.

Из больших витражных окон струился лунный свет, единственный источник освещения на западной стороне замка. Авила, увидев большую застеленную кровать в углу комнаты, сразу же устало присела на краешек и схватившись за бок, тихо застонала. Всё же Амелия была права и не зря остановила Камиллу. Принцессе нужна была помощь. И надо что-то делать прямо сейчас, пока не стало хуже.

— Болит?

— А ты как думаешь? — возмутилась принцесса. — Меня раздевали, прижигали кожу калёным металлом, вырывали ногти, связывали и избивали. Конечно, болит!

— Надо бы тебя подлечить, а то так и до императора завтра не доедем. Давай, живо снимай рубаху и ложись. А я позову Мирину.

— Мирина — это ваш лекарь? — поспешила уточнить Авилина.

— Мирина — наша кухарка. Лекаря у нас нет.

Вместо того, чтобы послушно принять помощь, Авилина вдруг возмутилась:

— Что? Кухарка? Я не хочу, чтобы меня лечила кухарка. И вообще, ты разговариваешь с принцессой.

— Тогда, снимайте рубашку, Ваше Величество, и ложитесь.

Из уст Камиллы это больше звучало, как издевка и она это прекрасно понимала.

— Высочество, — поправила Авилина.

— Знаешь, ты начинаешь меня бесить, — призналась управительница. — Могу позвать стражу и приказать раздеть тебя догола, так устроит?

— Тогда точно до императора не доедем... ладно, зови свою кухарку.

Принцесса начала медленно развязывать пояс на грязной рубахе. А Камилла отправилась обратно вниз по лестнице, оставив дверь приоткрытой. Мирина всё ещё была на первом этаже несмотря на то, что на улице стемнело и главный зал освещали немногочисленные свечи. Она стояла и просто перебирала какую-то посуду. Попросту не хотела идти спать и ждала подругу.

— Камилла можно с тобой...

— Возьми лекарства и иди в жилое крыло, — перебила управительница. — Там наша гостья, подлечи её как сможешь. Похоже, у неё ожоги. И пальцы перевяжи.

— Хорошо, а кто она? И где Дьюк?

— Она принцесса, кажется. Из Алкории. А Дьюк остался в Палеонессе, — Камилла вздохнула, вновь почувствовав усталость. — Мирина, прости пожалуйста, мы все измучились. Просто сделай что я прошу, ладно? Как поможешь ей, сразу найди Дориана, у него ключи от комнат. Пусть её запрет до утра. Заодно он тебе всё и расскажет, ладно?

— Ты начинаешь меня пугать, — призналась кухарка.

— Есть что-нибудь крепкое, выпить?

— Бренди есть, на полке под столом.

Камилла быстренько нашла бутылку, взяла чистую кружку и пошла к столу. Мирина поняла, что больше ничего не добьется и удалилась. Она вообще всегда сразу делала то, что просят порой и без лишних слов бралась за работу.

Казалось, что уже прошла целая вечность с тех пор, как Камилла только попала в

общину к Дориану и согласилась работать помощницей. Она научилась готовить и обзавелась полезными навыками по хозяйству. Вместе с Мириной они быстро управлялись со всеми делами и во время работы всегда было о чем поговорить. Община Дориана существовала отдельно от ближайших поселений, в окружении леса в тишине и гармонии. Наверное, потому мир казался ей тогда простым и безопасным.

Управительница села прямо на полу возле окна, откупорила бутылку и в полумраке главного зала налила себе полную чашу.

Глава 14. Бессонная ночь

Ей не хотелось думать о Дьюке. Точнее о том, что может с ним происходить. О чем угодно, только не об этом. Ибо в голову приходили лишь самые мрачные мысли. Управительница не считала, сколько чаш выпила подряд. Мысли в голове путались, захотелось отвлечься, а потому она начала вспоминать всё, что произошло за последний год.

Чтобы Камилла могла занимать должность управителя, пришлось искать знатный род, желательно с богатой историей и хорошей репутацией, который бы захотел принять её в семью. И после долгих поисков удалось найти один из таких. Так она стала леди Рокберри. На первый взгляд это был идеальный выбор. Несколько поколений Рокберри занимали должность управителя северной провинции, и их семья входила в близкий круг доверенных лиц императорского домена. Правда, она виделась со своей новой «семьей» всего однажды и то они были не в полном составе. Камилла видела только старика, главу рода, его дочь, и двух детей. Её явно не были очень рады принять в качестве нового родственника. Да и ради того, чтобы именоваться леди Рокберри, пришлось заплатить целое состояние.

А вот дела с репутацией Рокстерли обстояли совсем неважно. Император был прав — нужно подождать пока слухи о Камилле окончательно не утихнут. И только недавно её начали посещать мысли, что возможно род Рокберри и начал распространять эти грязные слухи. Могло показаться, что причин у них для этого попросту не было, но это не совсем так. Хоть сразу и не скажешь, но дела у Рокберри шли плохо и жили они в упадке. Новый непонятно откуда взявшийся регент был совсем некстати. Но согласились они только за мешки золота и личную просьбу самого императора.

Камилла и думать не могла, но многие аристократы, богачи и просто влиятельные лорды создавали свой собственный линьяж. Это было тоже самое как несколько деревень объединялись в коммуну и сосуществовали все вместе. Только если первые делали это ради расширения своего могущества и влияния, то вторые просто ради выживания. Род Амелии после официальной смерти дяди Грейнора стал существовать сам по себе, без поддержки влиятельных лиц, а род Рокберри и вовсе находился где-то на отшибе этой цепочки семейств.

Камилла подняла взгляд, заметив, что к ней кто-то подошёл. Голова слегка кружилась и сосредоточиться было достаточно тяжело. Прямо перед ней из ниоткуда возникла Амелия.

— Кажется, я велела тебе идти спать, — напомнила Камилла.

— А ты что делаешь?

— Пью.

— Прекрати, пожалуйста.

Камилла вместо ответа сделала очередные несколько глотков и схватилась за бутылку, чтобы вновь наполнить чашу. Амелия внезапно подалась вперёд и осторожно попыталась забрать бутылку. Чтобы этого не допустить, пришлось с силой отдернуть руку.

— Не трогай!

Может подействовал алкоголь, но Камилла остро почувствовала непонятно откуда взявшуюся злость. Да, она злилась, и конечно же не на Амелию, а на саму себя. Хотя Амелия тоже хороша — леди Рокберри уединилась и пытается заглушить внутреннюю боль, а один из близких людей и это пытается отобрать. Чтобы вообще не осталось ничего, чем можно себя утешить.

— Видел бы сейчас тебя Дьюк, — бесстрашно упрекнула Амелия.

— Сейчас его могут пытаться, могут избивать. А может, его вообще уже убили? Откуда нам знать? Мало ли, что этим уродам там захочется с ним сделать, — Камилла вновь почувствовала внутреннюю злость и внутри остро всколыхнулась боль, заставляя повысить голос. — Ну а ты что, довольна поездкой в Палеонесс? Праздником вознесения, довольна? Всё тебе там понравилось?

Амелия оторопела и сразу не нашла, что ответить. Впрочем, она довольно быстро взяла себя в руки, понимая, что это лучше проигнорировать.

— Ты пьяна, — повторила она. — Отдай пожалуйста.

Амелия всё же попыталась ещё раз отобрать бутылку, но Камилла попросту не дала этого сделать и, следуя внутреннему импульсу, прикрикнула на девочку:

— Не лезь ко мне! Иди спать!

Тут уже видимо Амелия поняла, что дело не к добру и поспешно удалилась, не говоря больше ни слова. Наконец-то Камиллу оставили одну. Только сил уже не было, а бутылка почти опустела. Пора бы собираться и идти в донжон, попытаться всё обдумать и попробовать уснуть. Но идти не хотелось. Волнение и усталость дополнились пустотой, а вместе с этим она заметила, как еле заметно дрожат кисти рук. Очередное напоминание о событиях прошлого, оставивших после себя глубокие раны. Дрожь возникала всегда, когда она сильно нервничала или много пила. И того и другого уже давненько не происходило. И только одно помогало ей быстро справиться с этим — прикосновение Дьюка. Стоило ему взять в свои руки её кисти и дрожь постепенно проходила.

Камилла посмотрела на бутылку и решила добить её до конца, сделав последние пару глотков. Чашу она уже не использовала, а просто прислонила горлышко к губам и собиралась допить, но неожиданно подошедший Дориан резко и с силой вырвал её из руки.

— Охренел?

— С тебя хватит. Встань и возьми себя в руки.

Камилла встала, хоть и с трудом, опираясь на стену рукой. В полный рост Дориан выглядел гораздо внушительней, чем она, и это останавливало подойти ближе и потребовать свое назад. Но и отступить так просто она была не намерена.

— Сейчас ты не в том состоянии, чтобы кулаками махать. Даже смотреть жалко, — предупредил Дориан. — Лучше продумай, что завтра будешь делать. А вот когда Дьюк вернется, я лично дам ему в руки плетку, заставлю привязать тебя к кровати, запрю вас в одной комнате и не выпущу до тех пор, пока он как следует тебя не отхлестает. Раз уж вставлять тебе мозги на место, это его обязанность, пусть этим и займется.

Камилла усмехнулась. Она вдруг поняла, что Дориана позвала Амелия. Наверняка прибежала, пожаловалась... может и не зря.

— Думаешь, с ним всё в порядке? — Спросила управительница.

— С Дьюком? Ха! Он-то умеет взять себя в руки, — усмехаться настала очередь Дориана. — И язык у него подвешен. Уверен, с ним всё хорошо. К тому же, не забывай, что он благословлённый, а убить таких очень непросто. А вот, что ты творишь, мне не понятно. Может, объяснишь?

— Нечего тут объяснять.

— Да есть чего. Ты в сложный для нас час ведешь себя как девка деревенская.

— Я и есть девка деревенская, забыл, что ли?

В глазах слегка поплыло, но она всё ещё довольно твердо стояла на ногах. До донжона

точно дойдет. А Дориан, проигнорировав колкость, начал командовать:

— Иди умойся и выпись. А завтра пойдешь и любой ценой заставишь императора снять блокаду с северных границ. И мне плевать, как ты это сделаешь. Пусть принцесса помогает. Дьюк должен вернуться домой. А если старик Божко узнает, что ты Дьюка одного на вражеской земле оставила, на лоскуты тебя порвет. Да и меня тоже.

Камилла махнула рукой и пошла в сторону донжона. Напоследок вспомнив про принцессу:

— Ты запер эту...

— Да. Иди.

Дориан провожал её взглядом вплоть до самого выхода на улицу. Стоял и смотрел, как она неспешно движется к двери. Летняя прохлада и легкий ветерок помогли немного очнуться и прийти в себя. К тому же даже ночью во внутреннем дворе кто-то ещё занимался делами. В кузне горел свет, пара человек возились с лошадьми в конюшне, служанки подтаскивали пустые, лежащие без дела ведра к колодцу, чтобы утром набрать воды. За подобное упорство можно было бы и похвалить, а может, все зашевелились только потому, что управительница вернулась не в настроении. Но сейчас Камилла могла только неспеша добраться до донжона и ничего более.

Стражники у двери открыли для неё дверь. На стенах винтовой лестницы ещё горели факелы, ждали только её. Предстояло самое сложное — пройти до самого верха, третьего этажа. Камилла старалась идти осторожно, держась за стену, но то и дело спотыкалась и норовила упасть. Ступеньки разной длины и высоты создавали большую проблему. Забавно, но днем она быстро спускалась и поднималась, даже не вспоминая об этом. Это происходило уже столько раз, что ноги привыкли и как-то сами собой делали правильные шаги, но сейчас так не получалось, отчасти потому, что она обращала внимание на каждую ступеньку и старалась идти осторожно.

Добравшись, наконец до своих покоев, управительница выдохнула. Дверь в спальню была совсем рядом, осталось пройти маленькую прихожую и упасть на кровать, не вставая до самого утра. Здесь, в полумраке, источником света служила лишь свеча из комнаты Амелии, дверь в которую была слегка приоткрыта. Глубоко вдохнув и стараясь не шуметь, Камилла неспеша отправилась к себе в спальню, но остановилась. Из комнаты послышались еле уловимые всхлипывания.

Открыв дверь и тихо войдя, Камилла увидела, как Амелия сидит на кровати, прижав лицо к коленям и плачет. На секунду внутри всё болезненно сжалось. Как всё дошло до такого? Камилла молча села на краешек кровати, боясь даже дотронуться. Амелия, заметив, что не одна, подняла взгляд и вытерла лицо рукавом.

— Прости меня, — тихо сказала управительница.

Амелия замотала головой, шмыгая носом.

— Нет, ты права, это всё моя вина. Ведь это была моя идея, отправиться в Палеонесс и...

— Не говори глупостей! — рассердилась Камилла. — Я решила ехать в Палеонесс, а не ты. И я ни за что бы тебя там не оставила.

— Дьюк ведь тебе очень дорог, я же знаю, а теперь из-за меня он там...

— Вот, слышал бы он тебя сейчас...

Амелия усмехнулась, сквозь слезы, поняв, что её слова, к ней же и вернулись.

— Все близкие мне люди страдают и умирают, а я ничего не могу с этим поделать. Не

могу даже думать, что из-за меня Дьюку могут навредить, — Амелия грустно вздохнула. — Конечно, я верю, что он обязательно выберется и вернется домой. Это же Дьюк... Знаешь, иногда я не могу уснуть от того, что перед глазами всплывают родители и сестра. Мне кажется, что всё могло быть по-другому. И где-то в другом времени они живы и сейчас всей дружной семьей отдыхают в Алкории на празднике вознесения. Это глупо, правда?

— Нет, я тебя прекрасно понимаю, — ответила Камилла. — Я бы тоже многое отдала, чтобы увидеть маму и папу. Но, мир такой, какой есть, и мы ничего не можем с этим поделать. Завтра я поеду к императору и сделаю так, чтобы Дьюк вернулся домой. А ты, заканчивай плакать и ложись спать, хорошо?

Амелия молча кивнула, поправила подушку и забралась под одеяло. А затем попросила: — Можешь полежать со мной немного?

Камилла, сняла плащ, аккуратно повесила на вешалку возле входа, потушила свечу, улеглась, а девочка устроилась поудобнее и закрыла глаза. Пусть засыпает, если так спокойней. Управительница почувствовала, что тело наконец, получило долгожданный отдых, но не смотря на жуткую усталость и слабость, сон никак не приходил.

Камилла лежала и не могла прогнать нехорошие мысли, которые снова и снова лезли в голову. Почему всё так безоговорочно верят в то, что Дьюк вернется домой? Будто ни у кого и тени сомнения нет, а Дориан, так и вообще, насмехается над подобным исходом. Неужели она одна боится, переживает, мучается и считает, что всё это плохо кончится? Нет, конечно, не одна. Амелия плакала, а Дориан нервничал. Это было видно по взгляду. Да и последнее время, когда всё должно было начать налаживаться, в одночасье начало рушиться безвозвратно.

Месяца два-три назад Камилла начала обращать внимание, что ведет себя с Дьюком неправильно. Не так, как свойственно любимой, покладистой будущей жене. В последнее время ей даже начало казаться, что и он отстранился. Меньше стал общаться, реже появлялся дома, больше времени проводил с Божко и друзьями. А теперь и вовсе тяжело вспомнить, когда последний раз они вдвоем были целый день вместе, выбирались в город, устраивали романтический ужин... Конечно, бывало, что, когда Дьюк ночевал в замке, они проводили ночь в спальне, занимались любовью и наслаждались обществом друг друга. Но даже это стало происходить реже, чем раньше.

А всё из-за неё. Она одна в этом во всем виновата. Постоянные дела по провинции никогда не давали передохнуть, а по вечерам оставалось только сорвать на ком-то злость или пожаловаться на то, какой тяжелый был день. И кто после этого вообще выдержит? Да и в детстве, родители часто ей говорили, что она должна присматривать за Дьюком, следить, чтобы ничего не случилось. Они тогда очень боялись, что, если что-то вдруг произойдет и отец Дьюка ополчится на них, свадьбы не бывать, а без этого и не видать хорошей жизни на своей земле и собственного дома тоже. Ей настолько сильно вдалбливали в голову эту ответственность, что каждый раз при случае малейшей опасности приходила только одна мысль: «если с ним что-то случится, это будет моя вина». И так всегда.

Камилла выдохнула и дала себе обещание перестать так жить. Дьюк вернется, и она изменит свое поведение и отношение. Поговорит с ним, усмирит характер, станет покладистой, заботливой женщиной. Такой, от которой ни один мужчина не будет убегать через пол провинции в Малеонский орден. А если не получится, то...

— Ты же не шутила насчет престола?

Камилла раздраженно вздохнула. Амелия даже и не пыталась уснуть, зато хотя бы

успокоилась, согрелась под одеялом и теперь решила поболтать на ночь глядя.

— Это разве похоже на шутку? — спросила Камилла.

— Похоже, на то, что ты не спросила моего мнения.

— Давай отложим этот разговор до лучших времен? Нам надо поспать.

Камилла, не дождавшись ответа, решила, что разговор закончен и закрыла глаза. Голова начала сильно кружиться и болеть, хоть совсем глаз не смыкай.

— Мы уже говорим об этом.

Амелия не желала уgomоняться. И это правильно, нужно стоять на своем, а это она умела сполна и без примера самой Камиллы. Но чтобы ответить что-то внятное, пришлось приподняться на кровати и присесть.

— И, что ты хочешь услышать? — спросила управительница. — Что я скажу «извини Амелия, забыла спросить, собираешься ли ты воспользоваться своим законным правом на престол»?

Ответа не последовало. Этот резкий выпад застал и без того уставшую девочку врасплох.

— Что молчишь? — подогнала Камилла.

— У меня большие сомнения на этот счет.

— Лучше обдумай всё хорошенько, ладно? Подумай о возможностях, о целях в жизни, о родителях. Что бы они на это ответили? А затем приходи, когда будешь готова сказать, что мы идем бороться за свое право любой ценой.

Амелия тоже присела на кровати, подложив подушку под спину. Что-то подсказывало, что эта ночь может оказаться длинной.

— А если я скажу, что не идем? — осторожно спросила она.

— Не скажешь...

Камилла не была уверена, правильно ли она поступает, пытаясь давить даже сейчас. Да, она часто так делала, но в бытовых вопросах, а когда дело касается судьбы Амелии, её будущего... Дьюк наверняка осудил бы. Дал бы понять, что не просто так, откуда ни возьмись, появились у девочки эти сомнения. И, пожалуй, был бы прав. Все-таки, она плохая воспитательница. Да и вообще, никогда ей не была.

— Не часто мы с тобой так просто болтаем, сидя на кровати, да? — полусшепотом спросила Амелия. — Иногда это так здорово.

— Да уж, — согласилась Камилла. — Ты прости меня. Я только и делаю, что заставляю тебя учиться и работать целыми днями... наверное, это ужасно, да?

— Не то слово.

Камилла посмотрела на Амелию и, кажется, не смотря на полумрак, впервые за несколько дней увидела, как она улыбнулась.

— Но, меня всё устраивает, — призналась девочка. — Если так подумать, я, бывает, ленюсь и кто-то должен меня заставлять. Одна бы я точно не справилась. Так что всё нормально. И ты — прекрасный регент.

— Правда?

— Конечно, правда, — Амелия посмотрела на Камиллу с изумлением. — Наверняка твои родители очень бы тобой гордились.

Камилла лишь усмехнулась, вспомнив свое детство в коммуне.

— И не говори, — ответила она. — Вот, за что я им благодарна, так это за то, что приучили меня к труду. Работать на поле с восходом солнца, не разгибая спину — это тебе

не бумажки раскладывать. После этого ещё и не таким регентом будешь.

— Ты очень мало рассказывала о детстве и жизни с Дьюком в северной провинции. Может, расскажешь?

— Давай как-нибудь потом?

— Потом опять будет не скоро.

— Да уж, — Камилла понимала, что это правда. — Когда всё наладится, опять начнутся бесконечные приемы, документы, отчеты, проблемы. А мне эти бумаги самой уже скоро...

Она остановилась на полуслове, потому что важная мысль, которая только сейчас пришла в голову, никак нельзя было упустить. Это была интересная мысль и она возникла именно сейчас. Ни полгода назад, ни на той неделе, ни вчера, а сейчас, посреди бессонной ночи в полусонном состоянии. И только после того, как во дворце появилась эта несчастная принцесса, напомнив то, о чем Камилла и так давно уже должна была догадаться.

Управительница вскочила с постели и отправилась к себе в кабинет, причем так резко, что по пути, потеряв равновесие, чуть не упала, ударившись плечом об дверной косяк. Но, алкоголь играл злую шутку и боли она почти не чувствовала. Лишь уверенно и как ей казалось, ровно, шла вперед, к себе в кабинет.

— Что случилось? — спросила подоспевшая Амелия.

— Зажги пока свечи, надо кое-что найти.

Пока девочка зажигала несколько свечей в подсвечнике возле стола, Камилла на ощупь искала одни из самых важных документов, отложенных куда-то в дальний угол огромного шкафа за её письменным столом. Это были документы на имущество и земли, которыми владели Рокстерли: особняки, замок Браго, земли близлежащих территорий столицы, трактир по дороге от городских ворот, и много чего ещё. Там же лежал журнал расходов и финансирования, который вел ещё сам император Норберт Рокстерли собственной рукой. Принцесса Авилаина говорила про некий орден, в котором находилась сейчас её мать. Камилле сразу показалось знакомым название, но поначалу она не придала этому никакого значения, а зря.

Свет от подсвечника мрачно осветил кабинет и Камилла, найдя, наконец, нужную бумагу, сунула в руки Амелии, наблюдавшей за всем с интересом. Это был документ, подтверждающий законное право на владение орденом Святой Вианоры, поделенное пополам между Норбертом Рокстерли и Освальдом Альберти.

— Что это за орден, Амелия? — спросила Камилла.

— Вианорский орден? Мне про него папа рассказывал. Он и принц Освальд основали этот орден в знак дружбы между нашими семьями. Это совсем небольшой орден. Кажется, там занимаются изучением текстов и храмов древних. А в чем дело?

— Помнишь, Дьюк говорил, что его отец упоминал о знакомых в каком-то ордене? Он тогда ездил искать отца, много, где побывал. Но, никто никогда не слышал об Элиасе Альбере. Я тогда тоже по своим связям пыталась узнать информацию, но тщетно. А что, если отец Дьюка говорил о знакомых именно в этом ордене? Он ведь находится в северной провинции, так? Возможно, недалеко от коммуны, где мы жили в детстве. Дьюк как раз говорил, что отец иногда пропадал на несколько дней, вероятно, ездил к этим знакомым. Тогда всё сходится. И может, всё это время ответ был у нас под носом?

Амелия от неожиданности присела на стул, на котором обычно помогала Камилла работать с документами.

— Вот, я дура, — она яростно хлопнула себя по лбу. — Я точно дура! Как же я могла

забыть про это? Ну, конечно, он там.

— Так, — Камилла попыталась собраться с мыслями. — Теперь мы хоть понимаем, где искать. Ты, ведь, знаешь, где находится этот орден?

Амелия отрицательно покачала головой.

— Авилаина знает. Отец никогда не брал меня туда с собой. Я тогда была ещё маленькая. Да и упоминал он про него не так уж и часто. Может, стоит спросить у Авилины и завтра отправиться с ней туда?

— Нельзя! — одернула Камилла, хотя такая мысль и ей самой пришла в голову. — Нужно сосредоточиться на спасении Дьюка и для этого ехать завтра же с восходом солнца к императору. А это совсем в другой стороне. К тому же, если в этом ордене и правда находится мать Авилины, что будет, когда её увидят в таком непотребном виде, да ещё и раненую? Решат, что мы похитили дочку принца Освальда, что сговорились с теми, кто устроил дворцовый переворот и политического конфликта тогда не избежать и жутких проблем на нашу голову.

— Ей можно верить, — в очередной раз попыталась убедить Амелия.

Камилла не хотела спорить. Сложно объяснить, что, когда последний раз Амелия и Авилаина виделись в Алкории, это была встреча двух великих родов, счастливых семей, глав государств и их детей. Много воды утекло с тех пор и даже если смотреть на это поверхностно, принцесса прошла через смерть отца и жестокие пытки. Она не может быть тем же человеком, что и раньше. Просто не сможет. Но это сложно будет объяснить Амелии особенно ночью и особенно после бутылки бренди.

— Хорошо, а теперь идем спать, — подытожила Камилла.

Амелия задула свечи и вокруг мгновенно воцарился непроглядный мрак. Камилла кое-как сориентировалась, где выход из собственного кабинета и в очередной раз чуть было не упала, успешно схватившись за дверь.

— Всё в порядке? — забеспокоилась Амелия.

— Да. Надо поспать. Давай-ка иди ложись, а я завтра же поеду к императору и всё решу. Затем Дьюк вернется домой, и мы найдем его отца.

Глава 15. Отдых в Алкории

Кларисса зашла в небольшую комнатку, где прямо посередине стоял обеденный стол с разнообразной едой, а по углам все стены закрывали шкафы и сундуки для одежды. Это помещение, похоже использовалось, как место отдыха для персонала дворца. И здесь, при свете солнца из витражных окон, Мариус сидел напротив пленника из Гальрада и спокойно обедал вместе с ним за одним столом.

— Не переживай, он не собирается на меня нападать, — спокойно сказал Мариус привратнику. — Ведь в таком случае, вы его убьете, а кому хочется умирать? И оружие вы у него отобрали, заодно с вещами. А ведь, я обещал, что с ним будут обращаться, как с гостем.

Веймар был крайне недоволен и это легко читалось по выражению лица. Похоже, он умел надевать маски, когда это было нужно, но, если показывал характер, скопившаяся ненависть вырывалась изнутри. Казалось, он сейчас же подойдет, возьмет пленника за шкуру, уведет и запрет где-то в подвале. Но, вместо этого он обратился к Мариусу и в голосе прозвучали нотки возмущения:

— Ты хоть знаешь, сколько людей пожертвовали всем ради твоего спасения? А сколько из них уже мертвы? Твоя жизнь невероятно ценна, а ты просто сидишь рядом с пленником, от которого неизвестно чего ожидать?

— Повторюсь, он наш гость, — терпеливо ответил Мариус, — Дьюк, ты собираешься на меня нападать?

Парень, всё это время молчавший и делавший вид, что его этот разговор попросту не касается отрицательно покачал головой. Давления привратника он не опасался и продолжил есть кусок свежего чесночного хлеба, похожий на тот, что подавали на обед в столовой Академии.

— Это не смешно, — ответил Веймар.

— Между прочим, Дьюк хороший собеседник и может общаться на довольно интересные темы, — как ни в чем не бывало продолжил Мариус. — Он человек воспитанный и спокойный. Мы должны вести себя соответственно, разве нет? И ты обещал помочь привести меня в порядок перед уходом отсюда. А твоя подруга пока побудет с нами, для безопасности.

— Ладно, — согласился Веймар. — Пойду узнаю, как дела у девочек и попрошу, чтобы приготовили купальни. Тебе бы не мешало вымыться для начала и переодеться. А потом вы со своим собеседником разойдетесь раз и навсегда.

Мариус молча кивнул. И когда привратник удалился, даже вздохнул с некоторым облегчением. Возможно, он с пленником даже не общался, просто так сказал, чтобы Веймар никого не трогал.

— Знаешь, твои друзья не хотят меня выпускать, — призналась Кларисса Мариусу, пользуясь тем, что привратник ушёл. — Хотя ты здесь только благодаря мне.

— Мне рассказали о том, что ты сделала, — ответил парень. — И для меня это много значит. Я здесь, благодаря тебе, это правда и не имею права просить о большем. Но, побудь с нами ещё один день, до завтрашнего вечера. Как только я узнаю, что стылые земли не охраняют, мы сразу же покинем дворец. Ты могла бы отправиться с нами...

— Я не с вами, — перебила Кларисса.

Невероятно ценная жизнь — так сказал Веймар. Важнее чем любой из культивистов,

погибшей в кровавом дворцовом перевороте. Важнее жизни мамы, что была одной из них и уж точно важнее какого-то гостя.

— Пусть так, — согласился Мариус. — Я хочу стать твоим другом. Если наши пути разойдутся, я не забуду о том, что именно ты вытащила меня из темницы. Но сейчас мы здесь. Если хочешь, можешь пока приглядеть за нашим гостем. И завершить все неоконченные дела.

— Я что, развлекать его должна? — возмутилась Кларисса.

— Присмотреть, — поправил Мариус. — Чтобы ничего не случилось. Нам не нужно проливать кровь понапрасну. А я пойду, искупаюсь и не буду больше вас утомлять. Дьюк, приятно было пообщаться.

Гость, который всё это время сидел и слушал, молча кивнул и продолжил есть. Вот они и остались вдвоем: она и странный пленник культистов у которого отобрали оружие и сумку с вещами. И теперь этот парень, разодетый, как Гальрадский лорд, должен был не создавать Клариссе ещё больше проблем. Она села и посмотрела настолько пристально, что тот почувствовал взгляд.

— Твои друзья, ведь, не навредят той девушке, верно?

Он отрицательно покачал головой. То, что парень не показывал признаки волнения, даже слегка раздражало. А ему было гораздо тяжелее, чем ей.

— Тебя совсем ничего не волнует? — раздраженно спросила Кларисса. — Один, среди врагов, в чужой стране.

Вместо ответа он демонстративно отвлекся от еды и с заинтересованным видом оглядел стол. Некоторое время он молчал.

— Передай пожалуйста вон тот салат.

— Я тебе не прислуга, — бросила Кларисса.

Дьюк, а точнее господин Альбер, со скрипом отодвинул стул, встал с места, чтобы пройти пару шагов и взять довольно глубокую чашу салата из зеленых листьев и овощей.

— У тебя либо стальные нервы, либо ты просто умалишенный, — закатила глаза Кларисса.

Некоторое время они молчали. Она решила не торопить парня и дала возможность спокойно доесть.

Мама упоминала, что пыталась найти хоть какие-то сведения о том, почему принц Освальд приказал уничтожить целую деревню, но тщетно. Она была исполнительной послушницей, не задававшей ненужные вопросы, поэтому искать ответы сейчас, спустя много лет, бессмысленно. И если так подумать, не мало дел принц Освальд натворил с легкой руки, наплевав на закон. Собственный отряд душегубов, тайная тюрьма с пыточной в подземном уровне дворца и передача документов через учениц Академии. Как сказал Веймар, принц был крайне осторожен и не доверял никому. Даже Авила, свято верившая в законодательство Палеонесса и верховный суд наверняка и предположить не могла, что обвиняемую в сговоре с культом деву, посадят в тайную тюрьму. Может она вообще не знает, что такая существует, раз единственный ключ принц Освальд всегда держал при себе.

И теперь осталась одна ночь. Найти того, кто выдал и убил маму, раздобыть форму девы и благополучно сбежать в Гальрад. Если Кларисса, в самом деле благословлённая... если всё так, как сказала мать, вселенная будет стремиться помочь осуществить её намерения. И начать поиски можно там, куда её бы ни за что и никогда не пустили.

Парень допил вино из своего кубка и посмотрел на Клариссу, ожидая продолжения.

— Раз уж мне велели за тобой присматривать, будешь находиться рядом со мной, — велела Кларисса. — Поэтому придется пойти туда, куда пойду я.

Они вышли из комнаты и направились по коридору. Почему-то она решила, что стоит вернуться в кабинет принца Освальда, где всё и началось. Это единственное место, которая она знала во дворце, где могут лежать важные документы или бумаги, способные пролить свет хоть на что-то. Помогут узнать имена каких-то тайных наблюдателей Освальда в Академии. Или даже что-то по поводу мамы. Возможно, где-то должен находиться тайный архив принца Освальда, и, если верить, что он был крайне осторожен, этот архив должен быть где-то в личных покоях, куда никто не заходит, кроме членов семьи.

— И куда мы идем? — поинтересовался Дьюк.

Подальше отсюда — хотела бы она сказать.

— В святая святых: кабинет принца Освальда. Заодно проведу тебе небольшую экскурсию по дворцу, раз уж ты гость.

— Зачем тебе туда?

— Много будешь знать...

Он молча вскинул руки в примирительном жесте, давая понять, что совсем не против. Их окружали высокие потолки, красивые кирпичные стены, свежие растения в горшках на полу. Коридоры дворца начали казаться бесконечно-длинными и однотипными, хотя, чтобы обойти дворец вдоль и поперек, потребовалось бы несколько часов, не меньше.

— О себе лучше расскажи, — предложила Кларисса.

— Ну, а что тебя интересует?

— Не знаю... Ты богат?

Дьюк на это как-то странно усмехнулся:

— Ты так решила, потому что я прибыл в Алкорию среди людей из Гальрадской знати в сопровождении охраны?

— Мне всё равно, — фыркнула Кларисса. — Я просто пытаюсь поддержать разговор, вот и все.

— Да, уж, разговор сам себя не поддержит.

Кларисса не ожидала, что гость окажется таким разговорчивым.

— С юмором у тебя так себе, — заметила она.

— Если по секрету, я только недавно начал учиться шутить.

Огромные двери кабинета были плотно закрыты и внушали тихий ужас. Всё ровно так же, как и в первый раз, когда ей предстояло войти туда и столкнуться со смертью.

— Ну, давай какую-нибудь шутку, — предложила Кларисса, вернувшись к разговору.

— Знаешь, что сказала пчела когда ужалила императора?

На это ответа она точно не знала.

— Что?

— Мне жаль.

Она приоткрыла тяжелую дубовую дверь и вошла внутрь кабинета вместе с парнем. Стоит отдать должное, было бы смешно, если бы не было так грустно. Среди лоска и шикарно обставленной мебели отчетливо виднелась кровь на полу и отодвинутый стол, а вот принца нигде не было видно. Тело унесли, а всё остальное оставили, как есть. Забитые книжные полки, красиво врезанные в стену, листы бумаги и разлитая чернильница на столе, внушительных размеров настольные подсвечники и большой сундук для одежды. Из огромных, почти в человеческий рост, окон, задувал легкий прохладный ветерок, а за

бархатными шторами виднелся выход на балкон. Отдельный уголок дворца, где можно побыть одному. И Господину Альберу помещение явно пришлось по душе.

— Так, ты у своих что-то вроде местного шута? — спросила Кларисса.

— Нет, я что-то вроде человека, который решает проблемы.

Кларисса увидела бархатный занавес, за которой ещё сегодня утром бывшая подруга ждала своего отца. Комната манила к себе, а вуаль колыхалась от порыва ветра, будто приглашая зайти. Не пытаясь сопротивляться внутреннему порыву, Кларисса уверенно шагнула вперёд, вполне осознавая, что больше никогда в жизни сюда не попадет.

Это была спальня с кроватью, такими же большими окнами и внушительных размеров камином. На стенах были развешаны мечи, щиты и герб Палеонесса, а на огромной кровати с балдахинном лежали несколько женских платьев, брошенных в спешке. Спальня выглядела уютно и по-домашнему. А внимание привлекала красивая коробочка на столе возле окна. Кларисса подошла и увидела кучу аккуратно разложенных баночек с самыми разными зельями. Все-таки то, что мама была нюхачом и местным лекарем не прошло даром и Кларисса узнала многие из них. Все были до неприличия дорогими, а коробочка наверняка стоила целое состояние. Парень зашёл вслед за ней, продолжая любопытно осматриваться, пока Кларисса взяла несколько флаконов и внимательно рассмотрела.

— Эй, Дьюк, а у тебя есть возлюбленная? — спросила она, без труда вспомнив имя гостя.

— Да, и ты её видела.

Кларисса быстренько перебрала в голове всех, кого видела среди Гальрадской знати и на ум приходила только одна особа.

— Только не говори, что это была та крикливая высокорослая дылда.

Он ответил спокойно, хоть и не сразу:

— Знаешь, это было довольно грубо.

Кларисса хотела сказать, как ей плевать на это, но парня обижать не хотелось.

Она взяла один из флаконов в руки и повертела. Внутри что-то дернулось против попытки брать личные вещи Авилины, но в душе она уже глубоко на всё наплевала. После того, что её заставили сделать обстоятельства, казалось, она переступила через все возможные рамки дозволенного. А парень здесь совсем один и отчасти по её вине. Когда Авила вернется домой, то наверняка не заметит пропажу одного из десятка флаконов.

— Прости. Сегодня был смертельно тяжелый день. И вообще, если ты ещё не купил сувениров в Алкории, вот, держи, на память, — Кларисса протянула флакон парню. — Слезы Миранды. Очень недешевая штукавина.

— Для чего это? — Дьюк повертел подарок в руках.

— Зелье? Если ты дашь его выпить своей... возлюбленной, — почему-то язык еле повернулся так сказать. — То в мгновение ока она начнет хотеть тебя так сильно, что не сможет удержаться. Если, конечно, у неё к тебе настоящие чувства. Воля притупится, а похоть усилится и можешь хоть всю ночь делать с ней все, что хочешь.

— Думаю, это не совсем то...

— Бери, пока дают, — перебила Кларисса, отстранившись от попытки вернуть флакон. — В Саргосе такое не купишь. Или купишь, но втридорога, у заезжих торговцев. И потом, тебе не обязательно предлагать ей это пить. Можешь просто незаметно подлить в вино за ужином, например. Только не переборщи с дозировкой. Если перебрать, может случиться помутнение рассудка. На первый раз половину от этого флакона будет достаточно.

Дьюк всё же убрал подарок в карман. А Кларисса решила порыться в письменном столе, единственном месте, где могли лежать хоть какие-то важные документы. Она сама толком не понимала, что хотела найти. Но в конце концов должны быть какие-то бумаги, приказы, тайные письма или что-то ещё. Любая информация могла оказаться полезной.

— А у тебя возлюбленный есть?

— Нет. Мама говорила, надо с этим что-то делать, а то в Академии одни девушки и встретить кого-то потом будет сложно. Вообще, она была права, у нас в Алкории это целая проблема. Все хотят, чтобы у них рождались девочки.

— Что, совсем никогда никого не было? — уточнил Дьюк.

— Был один мальчик, давно, в детстве, бегал за мной ещё со школы.

— И?

В письменном столе ничего интересного не было, никаких документов и ценных бумаг. Ящики пустовали, за исключением последнего, где лежала чернильница и пара перьев. Бросив попытки найти что-то полезное, Кларисса засомневалась:

— Тебе правда интересно?

На что Дьюк, шутливо улыбнувшись, пожал плечами.

— Я просто пытаюсь поддержать разговор, вот и все.

Кларисса усмехнулась, но всё же решила рассказать:

— Я даже не догадывалась, что он испытывает ко мне какие-то чувства, мы просто гуляли и общались. Однажды он признался, и я немного испугалась. Для меня он был просто другом и все, никаких чувств я не испытывала. И потом, он был сыном пекаря из соседней деревни. Моя мама на тот момент уже работала при дворе принца Освальда, а я готовилась стать Палеонесской девой. Сам понимаешь, впереди большие перспективы, экзамены, планы на жильё в столице, а тут просто сын пекаря.

— Да уж...

— Кажется, Эдрик его звали. Так вот, после того как я сказала, что у нас ничего не получится, он почему-то начал ещё больше пытаться завоевать моё расположение. Стоял под окнами дома по вечерам, караулил меня из школы, дарил цветы, мелкие подарки. Однажды мне это всё надоело, и я пожаловалась маме. Она поговорила с его отцом, и он отстал. На этом всё и закончилось.

Кларисса легко вспомнила, как пожаловалась на бывшего друга. Мама просто пошла и пригрозила отцу Эдрика своими связями и тем, что работает в тайной канцелярии принца Освальда. Сказала, что у них будут проблемы если парень ещё раз приблизиться к её дочери. С тех пор Кларисса своего воздыхателя больше не видела, точнее встречалась несколько раз на общих дорогах, но молча проходила мимо. Он жил в соседней деревне и повода посещать места, где жила Кларисса, попросту не имел. Последнее, что она слышала об Эдрике — пекарная лавка его отца закрылась.

Кларисса решила зайти на балкон и посмотреть, какой вид каждое утро открывался правителю Палеонесса. Все-таки, в дворец она по собственной воле больше никогда не вернется. Отодвинув бархатную занавеску, она увидела внутренний двор, пестрящий аккуратными клумбами, ухоженными цветами и деревьями. Среди них протоптанная дорожка, ведущая к двухэтажной круглой башне, заросшей плющом. Дьюк вышел вслед за ней, с любопытством осматривая внутренний двор.

— Красиво, правда? Никогда её так близко не видела.

— Что это? — спросил Дьюк.

— Башня печали. Место, куда стремятся попасть все богачи, купцы и политики... узнать предсказание о своей судьбе от королевского оракула. Говорят, он почти никогда не ошибается, но в основном оракул славится тем, что предсказывает чью-то смерть.

— Девочке, которая была со мной, тоже делали там предсказание. На пару с сестрой.

— Сразу двоим? — удивилась Кларисса. — И что, сбылось?

— Пока только отчасти. А дальше — время покажет.

Вдохнув полной грудью свежий воздух, Кларисса закрыла глаза и на мгновение просто насладились покоем, почувствовала кожей легкое дуновение ветерка. Самое время уйти отсюда, забыть это место, просто выбросить из головы. И попробовать поискать ответы где-то ещё. Теперь она была уверена, что, если как следует постарается, сможет что-то найти. Как раз в это мгновение двери покоев принца Освальда распахнулась и в помещение безцеремонно ворвался привратник.

— Ты совсем из ума выжила, шататься здесь с пленником? — раздражённо сказал он, грубо схватил парня за рукав. — А если он отнимет у тебя кинжал, пырнёт и попытается сбежать? Ну-ка идем со мной парень. И не вздумай шутить.

Кларисса не стала спорить и молча смотрела, как они удаляются, понадеявшись, что Веймар не будет с гостем слишком уж груб. Все-таки, она не знала почему, но немного поговорив с Дьюком Альбером, ей стало гораздо легче. Хотя это и нечестно, но хотя бы мысленно захотелось сказать ему спасибо. Хотя кто-то за последний день смог её отвлечь от невыносимых мыслей обо всем случившемся.

Перед уходом она последний раз взглянула на кабинет и спальню, где Авилина ждала отца. Если подумать, принцесса не так уж и часто ходила к себе домой в дни, свободных от занятий. Хотя дворец находился по соседству с Академией. Свободные дни они проводили вдвоём, гуляли по городу, занимались, обсуждали планы на будущее и просто отдыхали. И один день оставил после себя столько боли, что всё хорошее не будет вспоминаться с теплотой на душе. Если бы не Кларисса, культ не схватил бы Авилину и не пытался её сломить. А ведь её сломили.

Насколько же сильно Авилине хотелось умереть? Зелье, дурманящее рассудок, подействовало, а значит, она по собственному желанию решила отказаться от мучений. Но её воля не была исполнена. Может, в этом и есть благословение? Закон вселенной, заставляющий обстоятельства оставаться благосклонными даже в момент настолько нестерпимой боли. А, может, судьба специально привела принцессу туда, чтобы преподать жизненно важный урок? А Клариссе попросту была уготована в этом главная роль. И в конце концов, вся эта боль нужна лишь для того, чтобы они почувствовали, что живы?

Кларисса вздохнула и собралась выйти из кабинета, но за приоткрытой дверью послышался громкий топот ног, крики и звуки битвы. Кто-то издал предсмертные крики совсем недалеко от покоев принца. Во дворец будто вбежал табун людей и это не предвещало ничего хорошего. Кларисса подошла ближе к двери чтобы лучше слышать. Где-то совсем неподалёку со всей силы выбили дверь, а затем послышался гневный женский крик:

— Этих связать и в главный зал! Ищите остальных. Если окажут сопротивление, убейте.

Кларисса судорожно осмотрела комнату, в которой находилась. Здесь совсем не было мест, где можно спрятаться, кроме спальни Авилыны. А Веймар, как назло, взял пленника и куда-то ушёл, оставив её одну в этой дурацкой комнате. Интересно, что там вообще происходит? Минуту назад всё было тихо и спокойно. Услышав быстро приближающиеся

шаги, она успела отскочить от двери практически в последний момент. Дверь резко распахнули и в комнату ворвалась высокорослая дева в форме, с мечем в руке. Кларисса могла поклясться, что видела её первый раз в жизни. Бегло осмотревшись и не найдя никого, кроме Клариссы, она грубо схватила её за ворот ученической формы и начала допытывать:

— Ты кто такая? Что здесь делаешь?

— Я...

Кларисса не смогла толком взять себя в руки от неожиданности. За спиной ворвавшейся девы перед входом стояли несколько послушниц в масках и с луками наизготовку, а сама дева выглядела сильной, массивной и высокорослой. С такой, чтобы справиться один на один пришлось бы очень сильно постараться. На её плаще красовался красный знак командира городской стражи. И сейчас она стояла перед Клариссой словно удав перед кроликом, брезгливо осматривая пойманную добычу.

— Первокурсница что ли? Что забыла во дворце? Да ещё и в покоях принца?

Кларисса испытывала на себе оценивающий и полный злобы взгляд. Собравшись с силами, она, наконец, ответила:

— Я пришла сюда, чтобы выполнить поручение принца Освальда.

— Врешь! Что принц Освальд может поручить первокурснице?

Дева испепеляла злобным взглядом. Казалось, сейчас Кларисса ответит что-то не то и та прикажет расстрелять её на месте или ударит со всей силы. Поэтому пришлось продолжить гнуть свою правду:

— Привратник Веймар отправил меня к нему сегодня.

Дева ещё раз оглядела Клариссу с ног до головы, схватила за ворот и силой швырнула к своим в сторону выхода.

— Эту к остальным, — приказала она. — Будем допрашивать.

Клариссе ничего не оставалось, кроме как под прицелом луков и грозного взгляда девы направиться в главный зал. Там было ещё человек десять послушниц в серебряных масках с луками наизготовку. Они держали на прицеле Веймара, Арвелию, и ещё человек пять их подельников, лица которых скрывались за черными масками. Наверняка хотели сбежать и скрыли лица, чтобы их не запомнили. Все они стояли на коленях, закинув руки за голову и очевидно, ждали своей участи. А одна из членов культа, судя по всему, особо буйная, стояла на коленях связанная по рукам и ногам. Послушница молча указала Клариссе на место рядом и ей пришлось встать на колени и закинуть руки за голову.

Привратник Веймар, расположившийся неподалёку, бегло взглянул на неё, оценивая ситуацию. Да, беспокоится было о чем. Внезапная облава городской стражи выйдет боком абсолютно всем, а ей в первую очередь. Нет сомнений в том, что как только появится такая возможность, Клариссу сдадут с потрохами как убийцу принца Освальда, лишь бы спасти свою шкуру и хоть как-то смягчить приговор. Например, умереть быстро и без мучений, избежав знаменитых пыток, которыми так славится Палеонесс в тайне от остального мира и собственного законодательства. Если хотя бы двое-трое человек подтвердят, что именно Кларисса убийца... ей не позавидуешь.

В зале было тихо, пока городская стража продолжала обыскивать дворец. Затем несколько послушниц привели пленников, всё это время запертых на верхнем этаже и собрали их в кучку в середине зала. Начался гомон. Гневные косые взгляды то и дело падали на Клариссу и тех, кто был с ней рядом. Она даже начала подумывать о том, что не помешал бы припасенный флакончик «Тихой воды». Хоть что-то, что могло спасти от мучений,

подарив почти мгновенную смерть. В военное время палеонесские девы носили с собой один такой очень маленький флакончик на цепочке на шее и выпивали, попав в плен.

— Прошу всех удалиться из дворца и не мешать допросу пленников, — громогласноскомандовала капитан послушниц. — В течении следующих нескольких дней не появляйтесь во дворце. И не распространяйтесь о том, что вы здесь увидели и слышали. Скоро прибудет Её Величество принцесса Альферия и мы доложим ей о случившемся. На выходе наш писарь запишет ваше имя, фамилию и должность и в дальнейшем мы обратимся к вам, если это понадобится.

Около двадцати человек, в разных одеждах от служанок до политиков, измученные, напуганные, голодные, поспешили на выход, толкая друг друга. Именно в этот самый момент, Кларисса заметила, как девушка слева, связанная веревками, начала брыкаться и попыталась изо всех сил освободиться или встать.

Капитан городской стражи, заметив шевеление, гневно посмотрела на происходящее, подошла к пленнице вплотную и грубо схватила за пучок волос. А в следующую секунду в горло жертвы вонзился заостренный клинок командира отряда городской стражи. Это был смертельно точный удар, не оставляющий никаких шансов на выживание. Кларисса от неожиданности отпрянула вбок, а на ученическую форму полетели капли крови.

— Кто-то ещё хочет пошевелиться? — грозно спросила дева, обращаясь к своим пленникам.

Не было сомнений, попытайся кто-то встать или что-то сказать, умер бы без раздумий. Дева посмотрела на Клариссу, и от этого взгляда стало не по себе. Ей по-настоящему стало страшно, как никогда раньше. Из этой передряги вряд ли удастся выбраться живой. Кларисса чувствовала, как тело начало затекать, но она смотрела как бывшие пленники, переговариваясь, по одному выходили из зала, сообщая стражам порядка свои имена и должности. Кое-кто попытался обратиться к капитану отряда и что-то спросить или поблагодарить за спасение, но она отмахнулась и наблюдала за своими пленниками. Может думала, кого бы первым начать допрашивать или из кого получить больше информации. Её задумчивый взгляд упал прямо на Клариссу.

Глава 16. Сводная сестра

Камилла повернула ключ и открыла дверь гостевой комнаты, ожидая увидеть спящую гостью. Но принцесса сидела, облокотившись на спинку кровати и накрыв ноги одеялом, смотрела в потолок. Выглядела она ужасно: спутавшиеся волосы, пустой отчужденный взгляд, мешки под глазами. Похоже, она не спала всю ночь. Появляться в таком виде перед императором нельзя. Утро для Камиллы началось с раздражения, а ведь обещала держать себя в руках.

Подойдя к принцессе, она поближе рассмотрела внешний вид и убедилась, насколько всё плохо.

— Нужно быстро привести тебя в порядок перед дорогой. Поднимайся.

Принцесса не шелохнулась и даже голову не повернула. Её взгляд бездумно смотрел куда-то в пустоту. Не желая никого видеть, она закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Камилла поняла, что нужно действовать решительно и без предупреждения схватила принцессу за руку, потащив с постели. Безразличие на лице сменилось гневом, и принцесса силой дернулась, избавившись от цепкой хватки.

— Что тебе от меня надо? — злобно бросила она, повысив голос. — Мой отец мёртв, дом захвачен, а я еле выжила и теперь сижу здесь, так что оставь меня в покое хоть на минуту!

Камилла не ожидала агрессии. Да, она может продолжать давить, может позвать стражников из ордена Божко или бравых вояк Дориана из её личной охраны, чтобы встряхнули девку как следует. Последние, так и вовсе после напряженной стычки в Алкории с радостью бы выбили из измученной головы принцессы всю дурь. Но, пока они ждут приказа в казармах внутреннего двора, время неумолимо несется вперёд. И не стоит забывать, что грубое обращение с дочкой принца Освальда на территории Гальрада крайне недоброжелательно скажется на и без того хрупких торгово-политических отношениях с Палеонессом. И на будущей судьбе Амелии тоже.

Камилла взяла себя в руки, чтобы ответить как можно более спокойно и внятно:

— Мы вернем тебя домой, но сначала отправимся к императору. Нужно спешить, иначе близкий мне и Амелии человек может пострадать.

Авила поспешила посмотреть на управительницу и еле заметно кивнула. Это был слабый, но определённый знак согласия.

— Рейнильда! — громко позвала Камилла.

Чтобы найти кого-то в этом огромном полупустом замке иногда криков было недостаточно. Дозваться хоть кого-то из служанок было делом крайне непростым. Иногда приходилось разыскивать их самостоятельно, благо Рейнильда, отвечавшая за порядок в жилом крыле по утрам обычно проверяла гостевые комнаты и должна быть где-то неподалёку. В подтверждении этого Камилла услышала быстро приближающиеся шаги и спустя мгновение в дверях возникла молодая девушка. Немедленно войдя в комнату, она, приподняв затасканное платье, сделала реверанс.

— Доброе утро, Госпожа.

Не теряя времени, Камилла обратила внимание служанки на принцессу и приказала:

— Вымой её с ног до головы, расчеши волосы и приведи в полный порядок. Чтобы через час я её не узнала, поняла меня?

— Да, Госпожа.

Служанка ещё раз слегка поклонилась в знак повиновения и принялась помогать принцессе встать с постели. Лучшего варианта и не найти. Именно Рейнильда вот уже почти два года помогала Камилле по утрам наводить красоту, ухаживать за телом и волосами. Конечно, случались и казусы, но служанка хорошо знала свое дело и при этом не забывала следить за собой. Того и гляди, наступит день и её уведет какой-нибудь зажиточный горожанин из Саргоса.

— И поосторожней, — предостерегла Камилла. — Она ранена. Если нужна помощь с обработкой ран, обратись к Мирине.

Служанка была чуть моложе самой Камиллы и несколько лет назад осталась без родни. Содержать в одиночку небольшой участок земли, доставшийся по наследству и следить за домом было тяжело и вскоре хозяйство пришло в упадок. Поэтому она бросила родной дом и пошла работать в замок. Здесь её кормили, предоставляли кров и платили минимальное жалование.

Камилла вспомнила, как однажды лежала на кровати, а Рейнильда несла в спальню вино и уронив поднос, пролила всё на кровать и волосы. Камилла в тот день была не в настроении. Орала на бедную девушку и грозилась запереть на ночь в холодном подвале. Рейнильда плакала и умоляла о прощении.

Когда Камилла успокоилась и осталась одна, то задумалась, как сильно власть начала её менять, пустив корни в самую душу. Она отдавала себе отчет в том, что по-настоящему могла сделать с девушкой все, что захочет, хотя всего лишь грозилась на словах. А ведь в детстве она была в таком же положении. Элиас Альбер однажды грозился серьёзно её наказать, и он действительно мог это сделать, а вот её родители Дьюка и пальцем бы тронуть не посмели. Эта несправедливость сводила её с ума, заставляя тайно ненавидеть родителей и их положение в обществе.

Камилла оставила Рейнильду с принцессой одних и поспешила в свои покои, поискать для Авилины одежду. Она уже догадывалась, что вряд ли найдет что-то подходящее. У Камиллы слишком высокий рост и её платья на принцессе будут смотреться нелепо, а одежда Амелии слишком мала. Но всё же хоть что-то в этом огромном замке должно было найтись. И начать стоило бы с собственного гардероба.

Амелия была на ногах с самого утра, расхаживала по верхнему этажу донжона, пытаясь что-то найти. Замок Рокстерли жил по привычному для всех его обитателей режиму времени, за одним исключением. Камилла, с детства привыкшая вставать с восходом солнца, рано поднималась с постели, в отличие от других лордов и вельмож. И Амелию к такому порядку приучила быстро.

— Доброе утро.

— Ты почему не на занятиях? — сразу же возмутилась Камилла.

— Сегодня нет занятий. Учитель Мейсон ещё гостит у сыновей, в Саргосе. Он же не знал, что мы вернемся настолько... быстро.

И правда, как она могла забыть, сама же отпустила его на целых пять дней? Дорога в Алкорию и обратно вымотала изрядно, заставляя потерять счет времени.

— Если хочешь, я могу поехать с вами, — предложила Амелия. — Подтвердить твои слова перед императором.

— Спасибо, дорогая. Я рада, что ты это предложила, но не стоит, — ответила Камилла, направляясь к себе в спальню. — Никто не ожидает тебя там увидеть. Когда ты появишься в

Терновом замке, вся Гальрадская знать начнет шептаться, что последняя из рода Рокстерли желает заявить о своих притязаниях на престол.

Это звучало по-своему великолепно и наверняка, Амелия раздумывала ночью о своем наследии. Но отвечать ничего не стала. Камилла придирчиво окинула взглядом несколько своих сундуков и шкафов, набитых одеждой. Сейчас как раз тот самый случай, когда платьев чересчур много, а надеть нечего. Она стояла и пыталась вспомнить, было ли какое-нибудь платье маловато хотя бы на полразмера, чтобы подсунуть принцессе. Но в голову ничего не приходило. Она вообще не могла вспомнить и половины одежды, раскиданной по сундукам. Зато они с Амелией остались наедине, и Камилла, наконец, решила кое-в-чем объясниться:

— Я так и не сказала, но до недавнего времени обо мне распускали слухи при дворе императора.

— Слухи? — Удивилась Амелия. — Какие?

— Грязные и лживые.

— Но, зачем?

Девочка ещё слишком юна и наивна. Но ничего, время это исправит.

— Чтобы опорочить моё имя и твою репутацию конечно же, — пояснила Камилла.

Амелия задумалась. А управительница тем временем открыла пару больших сундуков и обнаружила скомканные платья, походную одежду, несколько плащей. Всё не то, что надо. Абсурдно, но хоть на рабочем столе и в документах у неё всегда был идеальный порядок, вещи в сундуках валялись как придется. Как и оружие, всегда, где ни попадя. В общине Велимир, бывало, ругал её за это.

— Думаешь, это дело рук Харольда второго? — Спросила, наконец, Амелия.

— Нет, он здесь ни при чём.

Харольд второй, Уокден — сын Габриэля Уокдена воспитан в семье, где честь не пустое слово. И его дед, император, высоко ценит Камиллу и уважает память о Норберте и Грейноре Рокстерли. А ещё Харольд второй определенно имеет нездоровый интерес к Амелии. Каждый раз, когда Камилла появлялась в родовом гнезде Уокденов, он обязательно спрашивал, всё ли с Амелией хорошо, хотя при этом ни разу её в глаза не видел. Камилла списала это на то, что его родители, возможно, сочли бы подходящей партией иметь Амелию в качестве супруги Харольду. Хоть у Рокстерли и не было сильных союзников, древний знатный род оставался на слуху у многих. Одно время поговаривали, что Норберт и Грейнор были прямыми потомками самого Малеона по мужской линии. Впрочем, какие только слухи о Норберте не ходили, в том числе и о благословении. Возможно, он сам их и распускал. Но как бы там ни было, объединение двух великих семейств Уокденов и Рокстерли принесло бы первым только преимущества. Другое дело, что найдется множество других девушек ничуть не хуже.

Ещё не понятно, кто сподобился распускать слухи о самой Камилле. При отсутствии Амелии, ни у кого не было особого смысла ей вредить. Или, по крайней мере, она не была так дальновидна.

Когда Камилла и Амелия вернулись в главный зал с пустыми руками, принцесса уже завтракала за столом, восседая на том же самом месте, что и вчера. На ней было легкое оранжевое платье, пальцы аккуратно обмотаны, а волосы красиво уложены. Вид уже совсем другой, хоть и не скажешь, что это сама принцесса из города масок и цветов. Не слишком броско и не слишком бедно. То, что надо, чтобы не привлекать лишнего внимания. Рейнильду стоит поблагодарить за хорошо проделанную работу. Похоже, платье было из её

личного гардероба.

Камилла и Амелия сели напротив принцессы и Мирина сразу же засуетились, подавая на стол фрукты, вино и чаши. Предпочтение хозяйки ей были давно известны, а вот Авилина, судя по всему, не смогла толком сказать, что хочет и перед её носом раскинулись самые разные блюда из тех, что были.

Камилла взяла черную виноградинку с тарелки и отправила в рот. Есть по-прежнему не хотелось, но она была уверена, стоило только сказать, что хочется чего-то это тут же окажется на столе. Мирина часто беспокоилась и когда Камилла закрывалась у себя в кабинете работая без отдыха, приносила еду прямо к ней на стол в донжон.

— Спасибо, что поговорила со мной, — тихо поблагодарила принцесса.

Ее взгляд был направлен на Амелию, проявившую вчера больше сочувствия, чем кто-либо. Девочка молча кивнула в ответ и принялась уплетать чесночный хлеб с сыром. А принцесса, осторожно отпив немного вина из своего кубка, поморщилась.

— Что-то не нравится? — не выдержала Камилла.

— Я, конечно, благодарна за гостеприимство, но как вы пьете эти помои? — бесстыдно возмутилась принцесса. — И чем ваш столярник вообще занимается?

Камилла удивленно вскинула брови, а Амелия поспешила пояснить:

— Это специальный человек, который отвечает за алкогольные напитки в больших домах. Правда, у нас его нет. Последний раз столярник был здесь, когда провинцией правил отец.

Авилина подозрительно посмотрела на вино в своей чаше.

— Может, мы и живем скромно, но нас всё устраивает, — сказала Камилла. — Не нравится — не пей.

Авилина искоса взглянула на Амелию, пытаясь понять правда ли её всё устраивает так же, как и управительницу, но лицо девочки осталось беспристрастным. И всё же Камилла почувствовала неловкость. Несомненно, Амелии лучше жилось с родителями, чем с ней. Девочка даже не знает о том, что Камилла продала один из особняков Рокстерли вместе с землей, чтобы разобраться со всеми долгами Оливии перед торговой гильдией Гальрада.

И хотя в казне Рокстерли были деньги, вся эта жизнь на показ не пришлось Камилле по нраву. Лорды и их вассалы привыкли тратить золото на пиры, охоту и развлечения, даже если денег особо не имели. А жили они на подати, оброки и налоги простого люда, питаясь тем, что вырастят рабочие на их земле. Конечно, так жили не все, но, как предполагала Камилла, многие.

— Ты закончила? — небрежно бросила управительница принцессе. — Или собираешься есть тут до обеда?

Авилина ничего не ответила. И несмотря на старания Мирины, съела-то всего ничего. Камилла видела готовую карету и заправленных лошадей при входе. А Дориан подоспел к столу как раз вовремя, с десятком вооруженных людей. Он проснулся раньше и успел всё подготовить. Все-таки в организованности сенешалю не было равных, потому он и занимал эту должность по совместительству с командованием личной охраны управительницы. Кивнув Камилле, он молча дал понять, что они готовы выдвигаться.

— Экипаж подан, Ваше Величество, — насмешливо объявила Камилла, поднимаясь из-за стола. — Прошу в карету.

Авилина молча, будто на собственный суд вышла на улицу, а Камилла последовала за ней. Амелия решила их проводить. Они не сказали друг другу ни слова и только перед тем,

как сесть в экипаж, Авилина обратилась к девочке:

— Не унывай, мы с тобой скоро увидимся.

Камилла села на привычное место и закрыла дверь кареты, а Дориан с отрядом оседлали лошадей. Повозка медленно тронулась, покидая пределы родного имения. В моменты длительных поездок управительница ждала, пока экипаж спуститься с горы, подъедет к шумному городу и начинала читать какую-нибудь книгу или думать о чем-то отвлеченном. Вот и сейчас она задумалась о том, правильно ли она решила действовать.

Камилла не знала, как подступиться к императору. Точнее знала, но не была уверена, что сможет сделать это правильно. Она много думала о том, за что он её ценил и что в ней такого разглядел. Зная откуда Камилла родом, он как-то спросил, что она думает о жизни простого человека, платящего оброк. Она ответила, что в деревенской коммуне люди объединяются ради выживания. Там к смерти ведет множество дорог. Голод, болезни, неурожайность, засуха, чрезмерные оброки. Коммуна дает защиту, но надеяться следует только на себя, а потому, во время весеннего возделывания работать с восхода до заката. А здесь люди объединяются ради власти и умирают ради неё. Ответ императору понравился. Он спросил, будет ли она кому-то доверять при дворе и услышал в ответ "Нет". Его Величество был заинтересован и не скрывал этого. Говорил, что Камилла вовлеклась в политические интриги Гальрадской знати и в тоже время хорошо понимала нужды простого люда. Может, такой человек — как раз тот, кого не хватало в высших кругах Гальрада. Его терзал нескрываемый интерес, что получится из Камиллы в итоге.

Ее замечали среди других с первых же дней. Она, в отличии от многих знатных дам в красивых платьях-сюрко, подтянутых корсетах и украшениях ходила в широких одеждах, в плаще и при оружии. Среди других дам, она была словно белая ворона, благо никто не смел над этим подшучивать, по крайней мере в лицо. А император, увидев оружие, сказал то, что ей довольно хорошо запомнилось: "Вижу у вас меч. И вы готовы применить его, если понадобится сила. Чтобы выжить в условиях, в которых вы выросли, сила наверняка была необходима. Но политика — это не война, это — игра. И не вы устанавливаете в ней правила."

И она помнила.

— Ну, что уставилась? — грубо спросила Камилла, почувствовал взгляд Авилины. — Никак, вино в горле застряло?

— Смотрю, ты Амелию не жалуешь.

— Ей ещё многое предстоит сделать, прежде чем наследовать престол.

Авилина грустно вздохнула и посмотрела в окно. Там мелькали пейзажи березовой рощи, простирающейся вдоль всего северо-западного тракта. Пение птиц не умолкало, а колеса кареты то и дело попадали в ухабы, отчего её периодически потрясывало. Солнце начало греть сильнее и в карете становилось душно, а внутри даже вдвоем было тесновато. Этот маленький экипаж Дориан в свое время обнаружил на заднем дворе замка со сломанным колесом, брошенный как мусор. Колеса удалось поменять, но удивительно, как она всё ещё ездит. Не дай Малеон, развалится в самый неподходящий момент.

— А я помню семью Амелии, словно видела их вчера, — сказала Авилина, не отрывая взгляда от окна. — Грейнор Рокстерли был человеком со светлой душой, все это знали. Он старался принести свет в этот мир, через политику, влияние и личный пример. Он всегда был добр со всеми и учтив, как и его брат Норберт. Знаешь, я смотрела на них и молча завидовала. Думала, какая же большая, замечательная семья... Вот бы мне такую.

Камилле не хотелось общаться. Провести бы молча всю дорогу, будто она едет одна и покончить со всем этим. Но любопытство взяло верх:

— А чем тебя твоя не устраивает?

— Теперь, когда отца больше нет, мою мать коронуют. Это просто вопрос времени. А что будет дальше и думать страшно. Но учитывая всю любовь Палеонесса к традициям, я получу звание Девы и наследую трон. Так что и ты Амелию береги. Когда она взойдет на престол, мы захватим Беренгарский союз, и будем править континентом вдвоем.

— Да уж, — усмехнулась Камилла. — Вы прямо стоите друг друга.

Но Авилина ответила серьезно:

— Так завещали наши отцы.

Камилла не стала ничего отвечать и остаток пути они проделали молча. Кажется, принцессу слегка укачивало в дороге. Она то и дело касалась лба и старалась как-то отвлечься, глядя в окно. Когда, наконец, экипаж остановился посреди огромной, благоуханной поляны, Авилина первой выскочила из кареты. Здесь открывался вид на главный оплот Западной провинции, появившейся на огромной пустыре будто из какой-то сказки.

Багтиур, или как его называли в простонародье, Терновый замок уже больше года был главной резиденцией Его Величества, Императора Гальрада и домом его великого рода. Камилла всегда видела в нём совершенную, неестественную красоту. Аккуратные маленькие башни, всегда чистый ухоженный двор, просторные окна, дорогая резная мебель, полотна в каждом коридоре, огромные двери. Если Браго имел в себе потенциал для обороны за счет месторасположения на возвышенности, высоких стен и оборонительных укреплений, то Терновый замок был просто воплощением прекрасного, созданный, чтобы им любоваться и жить комфортно.

Замок окружали величественные леса западной провинции, простирающиеся почти до самого Саргоса. Неподалёку находился небольшой водопад и река Санрин. В лесах полно дичи и рыбы, а хозяева владели правами на столько акров земли, что отряды ордена Нефритовой зари не могли всецело контролировать местность от непрошенных чужаков и браконьеров. Вот почему у общины Дориана и Велимира не было никаких проблем с едой, хоть их заброшенный лагерь, где жила Камилла, находился отсюда довольно далеко.

Стража узнала управительницу и поклонившись, пустила во внутренний двор. Дориан со своими людьми остался отвести телегу в конюшню и ждать возвращения Камиллы. На территории замка ей ничто не угрожало.

Зайдя на небольшой участок перед входом, она настолько ускорила шаг, что Авилина еле поспевала. Впрочем, принцесса чуть не ударилась ей в спину из-за резкой остановки. В небольшом, ухоженном саду на центральной аллее стояли несколько красивых скамеек, на одной из которых одиноко сидела девочка. Камилла помнила её, хоть и видела всего один раз. Астория Рокберри была на год младше Амелии. Они бы поладили — в этом нет сомнений.

Камилла подошла ближе, и девочка тут же вскочила с места, поклонившись в знак внимания.

— Добрый день, леди Рокберри.

Авилина стояла рядом и не мешала, пока Камилла разглядела у девочки огромный синяк под глазом.

— Кто это сделал? — спросила управительница.

Мачеха и младший брат Астории должны быть где-то неподалёку. Возможно, на приеме у императора, а девочку оставили, чтобы никто не видел. Но, что они здесь забыли? Рокберри не появлялись при дворе больше полугода.

— Я споткнулась и неудачно ударилась об угол лестницы, Мидели.

Камилла знала, что это была ложь и весьма неумелая. Она прекрасно помнила, как приехала в замок к Рокберри в северную провинцию и увидела, какой там твориться хаос. В каждом помещении стояла жуткая вонь и слуги разбросали по полу травы, перебитый запах. В небольшом центральном зале на столе валялись бутылки из-под спиртного. Где-то по углам раскидан мусор. За замком не следили, а сколько стоит очистить выгребные ямы Камилла знала не понаслышке. Сама же Астория Рокберри встретила гостей в маске позора.

Камилла помнила, как ужаснулась, но виду не подала. И всё же её мачеха, поймав недоумевающий взгляд, небрежно пояснила: "много лишнего болтает". До этого о маске позора Камилла знала лишь понаслышке. Маска надевалась по решению суда, чаще на женщин, когда те непозволительно выражались в сторону своих мужей. Она закрывалась на ключ и не давала возможности ни есть, ни пить, ни говорить. В коммунах, где существовал закон единства, такого не встречалось. Только в городской черте были распространены наказания подобного рода. Позорные столбы, бичевание, прилюдные казни, маски позора — все, что угодно на потеху публики.

Думать страшно, где первая леди северной провинции могла взять эту маску. Камилла хорошо запомнила взгляд девочки в тот день — грустный, отчужденный, полный боли. Причины явно не сводились к болтовне, над ней попросту издевались.

— Не позволяй ей так с собой обращаться, — велела Камилла, встав на одно колено и поравнявшись с Асторией. — Поняла меня?

Девочка виновато опустила глаза, не говоря ни слова.

— Если у тебя будут проблемы, напиши мне или просто приезжай, — продолжила Камилла. — Я приму вас с братом и не дам в обиду, обещаю.

Девочка не успела ответить, а голос из-за спины Камиллы застал врасплох.

— Иди-ка сюда, маленькая дрянь.

Леди Сицилия Рокберри стояла прямо посреди аллеи и держала за руку своего сына, Кая. Астория сразу же повиновалась и направилась к ней. Камилла решила задержаться немного и подойти, чтобы если уж не поздороваться, так дать в морду и посильнее. Сицилия с первого взгляда казалась лживой, редкостной тварью и даже не скрывала этого. Вот и вся семья собралась почти в полном составе.

— О чем это ты там болтала с моей сестрой? — спросила Сицилия у девочки.

Хоть Кай не терял энтузиазма и поклонился, весело поздоровавшись:

— Здравствуйте, леди Рокберри.

Парень был лет на пять младше сестры и вел себя гораздо живее. Таких шаловливых и бойких детей ещё стоило поискать. Впрочем, они не были с Асторией родными по крови.

— Как дела, сестра? — Невозмутимо поинтересовалась Сицилия.

Камилла подошла почти вплотную, чтобы выглядеть ещё более угрожающе. Стоило бы узнать, откуда у Астории взялся синяк, но времени разбираться не было. И вряд ли она бы услышала очередное вранье про лестницу.

— Если я узнаю, что ты плохо обращаешься с Асторией, тебе несдобровать, — предупредила Камилла.

В ответ Сицилия сначала недоуменно посмотрела на девочку, а потом и вовсе

засмеялась во весь голос. И смех этот звучал отвратительно.

— Ты мне угрожаешь? — насмеялась Сицилия. — Ты? Гальрадская шляха из Саргоса. С каких пор тебя вообще волнует...

Камилла грубо схватила Сицилию за одежду, заставляя замолчать. Но та даже и не думала испугаться. Только молча стояла, с интересом ожидая, что будет дальше и ехидно улыбалась. Камилле был хорошо знаком этот резкий порыва гнева. Чтобы напасть на человека или просто ударить даже в это тяжелое время нужна агрессия. Но она должна быть контролем. Камилла понимала, что, если сейчас бездумно ударит Сицилию, да ещё и при детях, сделает себе только хуже.

Не успела она как следует над этим поразмыслить, как рука принцессы мягко легла ей на плечо.

— Она того не стоит, — сказала Авила. — Нам нужно спешить.

Камилла без раздумий отпустила Сицилию, пользуясь случаем и посмотрела на детей. Астория держала за руку Кая и испугано наблюдала за всем происходящим. Хорошо, что Авила её остановила, иначе Камилла могла потерять контроль над собой. А Сицилия язвительно заметила:

— Правильно сделала, что послушала свою подругу.

— Это наследница престола Палеонесса, так что прикуси язык.

— Да хоть сама Вианора Акдельская, — усмеялась Сицилия. — Кстати, если вы хотели попасть к императору, то он готовился ехать на охоту перед моим уходом. Боюсь ждать вам придется долго. Идем, дети.

— Мы ещё вернемся к этому разговору, — предупредила Камилла.

Сицилия пошла к карете, и брат с сестрой последовали за ней. Астория напоследок обернулась, но мачеха грубо одернула девочку.

— Это твоя семья? — удивилась принцесса.

Камилла не желала ничего на это отвечать.

Глава 17. Заложники обстоятельств

— Всё, можете расслабиться, — сказала капитан отряда. — Они ушли.

Вздыхнув с облегчением, дева Арвелия, а вместе с ней и Веймар и все остальные встали с колен и, как ни в чем не бывало, размяли затекшие конечности. А послушницы в центральном зале снимали маски и Кларисса, встав с колен, узнала в некоторых из них членов культа.

— Ты нас просто спасла своим появлением, — выдохнула Арвелия, обращаясь к капитану.

— Ну, похоже я теперь осталась без работы.

То, что это было спланировано, Клариссе всё ещё верилось с трудом.

— Ты удивлена? — спросил Веймар, разглядев её недоумение. — Мы же решили задержаться до утра. А, пленников, не вернувшихся домой с работы, наверняка начнёт разыскивать родня. Многие из них важные люди. А теперь все будут думать, что дворец освободили, виновных допрашивают и никто из них не появится здесь в ближайшие дни.

— Ты бы видела своё лицо, — усмехнулась лживый капитан отряда, подойдя к Клариссе. — Меня предупредили, что ты из наших. И угораздило же втянуться в эти дела. Вот, окончила бы Академию и возможно, попала бы под моё крыло как послушница, а там..

Кларисса не слушала. Внутри всё ещё сжалось от пережитого страха. Взгляд упал на тело мёртвой девушки, лежавшее неподалёку. После смерти маска слетела и стало отчётливо видно лицо. Та самая служанка, которую они с Арвелией вытащили из комнаты наверху, теперь лежала в луже собственной крови. Вот почему она так брыкалась, когда заложников стали отпускать.

Несчастливая девушка, ставшая заложником обстоятельств, не вернется домой. И всё ради бессмысленно разыгранного спектакля. Страх сменился тихим гневом. Захотелось хорошенько дать по роже ухмыляющейся деве, командиру городской стражи. Но Кларисса сдержала себя в руках.

— Иди, найди хорошее место для ночлега, — посоветовал Веймар. — Прямо по холлу в левом крыле полно спальных комнат. А утром мы уйдем. Каждый своей дорогой.

Кларисса молча кивнула и направилась прочь в указанную сторону. Видеть мёртвые тела, лживые лица, неправильные чёрные маски больше не было сил. Привратник был прав. Уже стемнело и тело начало упорно требовать отдыха, хоть она и знала, что не сможет уснуть.

Некоторое время Кларисса ходила по дворцу, блуждая в собственных мыслях и пытаясь сконцентрироваться на чём-то конкретном. Когда она забрела в какую-то комнату с большой кроватью, во дворце уже стояла полутьма. В хорошо обставленной комнатке вещи были брошены в спешке. Для охраны дворца нападение началось неожиданно и послушниц застали врасплох.

Так и происходят дворцовые перевороты. Убийцы долгое время внедряются в дом врага в виде послушниц и политиков, чтобы в нужный час обнажить клинки. Новая дата в учебнике истории ознаменует конец правления Освальда Альберти. Но, никто не напишет о бесчисленном множестве трупов на полу в холле, лужах крови на каменном полу и о принце Освальде, который перед смертью, испугался за жизнь дочери. Его взгляд Кларисса не забудет никогда.

В полутёмной комнате на столе стояла открытая бутылка Алкрийского Королевского вина и Кларисса, взяв её в руки, изрядно приложились к выпивке. Из окна комнаты проглядывалась центральная площадь Алкори. Люди гуляли, праздновали, веселились и никому не приходило в голову, что творится во дворце. Однажды она с мамой ездила на праздник вознесения Вианоры. Кларисса была маленькой и плохо помнила тот день. В голове отчетливо всплывало лишь то, что было очень весело и она хотела задержаться до темна, но мама была против. От этих воспоминаний внутри всё затрясло, а сердце болезненно сжалось. Всё что она может себе позволить сейчас — остаться с этой болью один на один.

Не желая больше горевать, Кларисса, допив вино, вышла прогуляться по дворцу. Сейчас бы пригодилась та самая мамина настойка, после которой вмиг прошла голова от выпитой на двоих бутылки. В холле было темно и тихо. Кларисса собиралась пройти прямо в главный зал и прогуляться по саду дворца, но заметила, что в одной из комнат кто-то был. А из-за едва приоткрытой двери отчетливо послышался приглушенный голос привратника:

— ... полно людей. Ночью покидать дворец опасно. Дождёмся утра, как и планировали.
— Верно говоришь.

Второй голос, спокойный и невозмутимый, точно принадлежал Мариусу. Похоже, они были в комнате вдвоём.

— И ещё, насчет девчонки... не думаю, что будет разумно оставлять её в живых. Как и твоего гостя. Этих двоих нельзя отпускать.

— Мы уже говорили об этом.

— Знаю. Но я никому не позволю поставить всё под угрозу, а если просто отпустить их, есть риск, что нас схватят раньше, чем мы покинем Палеонесс. Парень пока что заперт в одной из спален, а девчонка где-то гуляет. Но утром я с ними разберусь, без лишнего шума, договорились? — спросил Веймар. — А затем уйдем.

Кларисса обомлела. Всё ещё хуже, чем предполагалось. Если до утра ей не дожить, уходить нужно ночью. Плевать, как, главное выбраться из этого проклятого дворца и бежать, от него подальше. Привратник, судя по тону всё чётко для себя решил, хоть и спрашивал мнения Мариуса. Только нельзя оставлять гостя. Его точно убьют, и она не сможет простить себе этого никогда. К тому же он из Гальрада, а ей как раз туда и придётся отправиться. Подальше от кровавых дворцовых переворотов, культа и преследования. И мысль о том, как найти и выпустить парня мгновенно озарила ум.

В главном зале, как раз кстати никого не было. А, служанка, убитая капитаном стражников, всё ещё лежала на полу, никому не нужная. Очередное тело в луже крови, которое просто не успели убрать. Кларисса подошла к ней и, брезгливо отворачивая взгляд, быстро порылась в карманах. Ей повезло. Связка ключей от комнат нашлась практически сразу же. Раз она служанка, то и ключи от всех дверей у неё должны быть. Легче не придумает.

Кларисса поспешила в длинный холл гостевых комнат первого этажа. Если парня здесь нет, значит он может быть в другом крыле, а если нет и там, придётся подниматься на второй этаж. Хотя, привратник врят ли стал бы уводить пленника куда-то далеко от кабинета Принца Освальда. Скорей всего запер его где-то в ближайшей комнате.

— Дьюк, — негромко позвала она. — Ты здесь?

— Я здесь, — ответ прозвучал за одной из дверей в конце холла.

Кларисса подбежала туда и убедившись, что никого нет, принялась подбирать ключ.

— Подожди, я открою дверь, — сказала она.

В темноте это было сделать непросто. Все ключи, почти одинаковые на вид, было плохо видно. Дверь поддалась после нескольких неудачных попыток. Кларисса сама не поверила, что один из ключей всё же подошёл. Убедившись, что никто не смотрит, Кларисса распахнула запертую дверь, сразу же вошла в комнату и закрыла за собой.

— Мы уходим, прямо сейчас, — не теряя ни секунды, выпалила она.

Дьюк от неожиданности даже слегка растерялся.

— В смысле, ты и я?

— Да, вдвоем. Без шума и не привлекая внимания, — ответила Кларисса. — Тебе, ведь надо в Гальрад? Вот и мне тоже.

— Так, ты из Гальрада?

— Нет, но собираюсь начать там новую жизнь.

Кларисса брезгливо осмотрела комнату, в которую Веймар запер гостя. Это была обычная комната с кроватью похожей на ту, где она была. Похоже, это крыло как раз и предназначалось для гостей и послов из других стран.

— А к чему такая спешка? — поинтересовался Дьюк.

— Утром нас обоих убьют. Ты же мне веришь?

— Верю. Только прежде, чем уходить, не могла бы ты принести мои вещи?

Кларисса от удивления раскинула руки.

— Издеваешься, что ли? Тебе жизнь дороже или вещи?

— Ну, ты же сказала убьют утром, до утра ещё есть время.

— Хватит шутить, я серьёзно.

— Чтобы уплыть в Гальрад, нужны деньги. А у меня они в дорожной сумке. У тебя деньги есть?

Кларисса отрицательно покачала головой. И начала судорожно вспоминать, где могли лежать вещи Дьюка. Похоже, что они остались в том зале, где гости из Гальрада ждали Веймара. Было бы хорошо, если бы их оттуда никто не забрал. Конечно, кому бы они понадобились в этой суете, но всё же?

— Ну, хорошо, я постараюсь достать вещи, а ты жди меня здесь и никуда не уходи.

Дьюк удовлетворённо кивнул и остался ждать. Благо Кларисса заприметила, куда Веймар положил вещи гостя. Идти предстояло почти через пол дворца, до холла и чуть дальше. По пути ей не попалось ни одного человека. Кто-то уже спал, кто-то заперся по комнатам и пил, а кто-то стоял возле главных ворот в серебряных масках создавая видимость порядка.

Кларисса быстро сориентировалась в темноте и нашла ту самую комнату. Неаккуратно поставленные и перевёрнутые стулья свидетельствовали о том, что не так давно тут был погром. Кларисса начала ходить в полутьме туда-сюда, пока не натолкнулась на сумку и меч, аккуратно лежащие прямо на полу в углу. Парню повезло, вещи лежали никому не нужными, а сумка была застёгнута. Никто ничего не трогал. Кларисса быстренько схватила добро и пошла на выход, делая вид, что очень спешит и не собираясь ни с кем разговаривать.

В главном зале уже убрали труп служанки, а пара девушек, вытирающих кровь, не обратили на неё никакого внимания.

Сумка была удобная, легко ложилась на плечо, не тяготила и наверняка стоила немало денег. Меч Кларисса повесила на другое плечо и придерживала рукой. С таким арсеналом очень даже удобно путешествовать. И если уж парень был такой везучий, то шанс выбраться

невредимыми от сюда у них действительно есть. Пару раз Кларисса чуть было не натыкалась на кого-то из девушек в темноте и молча проходила мимо. Но, завернув последний поворот, она резко остановилась из-за возникшей прямо перед ней впереди высокой фигуры.

— Ну, и зачем тебе вещи чужака?

Привратник стоял на пути будто только её и ждал. В темном коридоре его было едва видно.

— Мне же придется бежать из Палеонесса, — как ни в чем небывало, ответила Кларисса. — С пустыми руками далеко не убежишь, а в сумке наверняка есть деньги.

— А, оружие?

— Мне больше по нраву меч, чем кинжалы. На худой конец его можно продать.

Веймар лишь усмехнулся.

— И как тебя совесть-то не мучает?

А ещё говорил, что она не умеет врать! Вот теперь поплатился за эти слова. Хорошо лжёт тот, кого в этом меньше всего подозревают.

— А, я-то думал, тебе приглянулся этот смазливый паренек.

— Он-то? — брезгливо спросила Кларисса, почувствовав, что слегка переигрывает. — Да, в нём же нет ничего особенного.

Конечно же она нагло врала.

— Если тебе так не спится, зайди выпей вина, — спокойно предложил привратник.

Отказывать без причины было глупо, хотя она уже выпила пол бутылки. А причина, как на зло, не находилась. Привратник жестом предложил войти, и Кларисса оказалась в небольшой комнатке с кроватью и маленьким столом. Все, как одна комнатки были одинаковыми и маленькими, почти как в Академии, только обставлены на порядок лучше. Сплошь дорогой мебелью и изысками. На столе стояла ваза со свежими фруктами, вино и пара кубков. Веймар сел за стол и налил вина.

Кларисса положила наплечную сумку и меч возле входа, чтобы не забыть, села напротив и взяла в руки спиртное. Пить уже не хотелось. Да и сейчас как никогда была нужна ясность ума. Перед Клариссой сидел враг, который в скором времени собирается её убить. Веймар, учитель принцессы по оружейному делу мастерски владеет всеми видами оружия. И ещё он выше и сильнее. С таким лучше не сталкиваться напрямую, либо бить в спину что есть силы, либо сразу бежать. И пока она размышляла над лучшим исходом, Веймар на мгновение задумался и сказал:

— Знаешь, ты мне кое-что напомнила. Однажды Авила пришла ко мне и сказала: «дядя Веймар, мама опять злится, хочет меня наказать. Когда это уже закончится? И почему папа опять надолго уехал?» Я не знал, что отвечать. Она сидела на этом самом месте, где ты сейчас, в похожей комнате. Ещё ребенком она почти сразу поняла, что я совсем не тот добродушный человек, за которого себя выдаю. Но это не помешало ей доверять мне очень личные тайны и секреты. Наверное, всё дело в том, что Альферия лишила её друзей. И вот, пока я думал, что сказать она, как обычно, продолжила болтать без умолку и сказала: «когда я стану принцессой, буду делать что хочу, и мама ни слова не скажет. Все будут падать передо мной на колени, если прикажу. И вы тоже, дядя Веймар. И вы тоже.» Я подыграл и сказал «конечно, Ваше Величество». И всё это она говорила в шутку. Людские пороки мне хорошо знакомы и в её словах не было ни капли тщеславия. Но, было нечто другое, гораздо более... — он остановился, подбирая нужное слово. — ...коварное. Пропитывающее душу изнутри. Я тогда не понимал, что это. А недавно понял. Её беспечность — вот, что больше

всего меня раздражало. Вы, благословлённые считаете себя выше других. Думаете, что этот мир для вас.

— Я так не считаю.

— Пока нет, но скоро всё может измениться.

Веймар взял в руки полный кубок и за один раз осушил до самого дна.

— Я только хочу знать, благодаря кому мама оказалась в темнице, — призналась Кларисса.

— Я ведь уже говорил, что не знаю?

Кларисса решила продолжить. Пусть он и не знает, но это будет их последний разговор. Ей важно знать правду.

— Вам же нужно было убить принца Освальда, чтобы забрать ключ от тюремной камеры? Это могла сделать только я.

— Ты — предвестник, — просто ответил Веймар. — Посмотри на меня внимательно и распознай, ложь это или нет. Я не подставлял деву Талию и уж тем более не выдал её принцу Освальду. Я сказал правду?

Кларисса легко смогла прочувствовать ложь. Веймар не привык прятать свои чувства, как другие и говорил открыто, а потому, она знала, что это была правда. Гораздо сложнее было бы раскусить лжеца, если бы он эмоционально закрывался и вёл себя спокойно и непредвзято.

— Да, правду.

— Почему, ты думала о том, что это мог сделать я?

Прежде чем ответить, Кларисса тщательно подобрала слова:

— Вы прожили с Авилиной и её семьей много лет и предали при первой же возможности. Вы говорили, ваша цель выше всего остального. Так почему бы не подставить мою мать ради её достижения? С Авилиной и её семьей вы не считались.

Всё и так было очевидно. Она сказала правду, какую знала. Привратник втёрся в доверие к семье Авилы, подружился с будущей принцессой только ради того, чтобы в нужный момент предать. Это ли не мерзкий поступок? Веймар медленно встал с места и теперь она отчётливо почувствовала ярость, разгорающуюся внутри него.

— Ах ты тупая сука, — злобно процедил он сквозь зубы. — Ты ничего обо мне не знаешь. Думаешь, ты лучше только потому, что шла по дороге, вымощенной благими намерениями? А я, как никто другой знаю, куда она приводит. В пропасть, из которой нет выхода.

Кларисса тоже поднялась, и почувствовав опасность, отступила назад, вытащив из ножен кинжал.

— Не подходи, — предупредила она.

Веймар сделал пару шагов на сближение, заставляя отойти назад. Кларисса почти что уткнулась спиной в стену.

— Знаешь, как Авилыня поплатилась за свою беспечность? — злобно спросил Веймар. — Попалась в ловушку без всякого сопротивления. И это я в конечном итоге поставил её на колени, заставил ощутить боль и безнадежность. Заставил умолять.

— Это ты её пытал? — догадалась Кларисса. — Больной ублюдок.

При упоминании об Авилыне ярость внутри всполыхнула и ей захотелось воткнуть кинжал привратнику в глотку. Но, Веймар первый подался вперёд и накинулся так быстро, что Кларисса еле успела закрыться рукой от удара по лицу. Она потеряла равновесие и

схватила свободной рукой за стену, а затем наотмашь ударила кинжалом, чудом не упав. Удар пришёлся по лицу. Веймар схватился за щёку, растирая кровь. У неё был единственный шанс атаковать в эту самую секунду. Сконцентрировавшись, Кларисса нанесла прямой удар лезвием, стремившимся прямо в живот. Но привратник отпрянул назад, избегая удара.

А в следующий миг он налетел и несколько раз со всей силы ударил по лицу. Кларисса почувствовала, что равновесие уходит из-под ног, а во рту ощутился гадкий привкус крови. Отобрав кинжал и кинув куда-то в сторону двери, Веймар схватил Клариссу за шкуру и повалил на кровать. Очухавшись от внезапной боли, она с силой ударила врага ногой, но удар получился не таким, как хотелось бы. Привратник сумел выстоять, накинудся сверху и начал бить по лицу.

Она пыталась подставить руки и увернуться, но удары продолжали сыпаться градом. В глазах потемнело и кажется, выпало несколько зубов. Весь мир сжался до состояния жуткой, непрекращающейся боли. Веймар закончил бить и схватил её за горло, железной хваткой приковывая к кровати.

— Твоя подруга так рьяно не сопротивлялась, — с некой гордостью произнёс он. — После того, как ей оторвали ногти, раздели и заткнули рот, она только и делала, что плакала, стонала и мычала. Даже брать её силой не было особого удовольствия.

Привратник прижал её правую руку коленом и без зазрения совести рывком распахнул белую ученическую форму, так что пуговицы отлетели в разные стороны. Затем поднял до горла нижнюю нательную рубашу, оголяя грудь. Тело задрожало то ли от холода, то ли от безысходности.

Кларисса поняла, что сейчас случится неизбежное. Её возьмут силой и этому нечего противопоставить. Внутри проснулся первобытный страх, который не доводилось испытывать уже давно. Страх, что отказывался дать сопротивление, стараясь избежать последствий похуже надругательства. Любой следующий удар ненароком мог оказаться последним.

Кларисса почувствовала, как её расстегнули ремень и стащили штаны вниз, до колен. Она схватила левой рукой за спадающие штаны, за что вновь получила сильный удар по лицу. Затем Веймар привстал, схватил её за плечи, перевернул на живот, словно она была легкой как перышко, надел сверху и с силой заломил руки за спину, заставляя выгнуться. В лопатках ощутилась жуткая боль и, казалось, ещё немного и ей сломают руки. Тело привратника мёртвым грузом прижимало к кровати, не давая возможности встать. Она почувствовала, как чужие руки схватили и грубо стянули нижнее белье. Тело само принялось сопротивляться, но единственное, что удавалось это брыкаться ногами.

В этот самый момент краем глаза она увидела, как в темноте, совсем рядом, промелькнула чья-то небольшая фигура. На миг она решила, что это всего лишь игра воображения, но затем где-то рядом отчётливо услышала, как из ножен медленно выскальзывает меч.

Увлечённый Веймар ничего не замечал, кроме того, что Кларисса истерично усмехнулась, сплёвывая кровь.

— Тебе конец, урод, — сказала она.

В этот самый момент кто-то за спиной привратника подобрался уже совсем близко. Тогда-то он и почувствовал опасность. Резко обернулся, одновременно пытаясь схватить направленное в лицо лезвие. Дьюк стоял совсем рядом и рывком совершил точный колющий удар. Лезвие оказалось таким острым, прошло насквозь через гортань, прорезая пальцы.

Некоторое время привратник ещё шевелился и шипел, не в силах двинуться и что-либо сказать. Дьюк упёрся ногой в тело врага, перехватил рукоять и с силой выдернул меч. С красного лезвия потекла густая красная кровь. В этот самый миг жизнь привратника оборвалась навсегда.

Глава 18. Вознесение Вианоры Акдельской

Кларисса уселась на кровать, натянула штаны, пытаясь оценить масштаб собственных увечий. Это было делом нелёгким, но, кажется, большинство зубов остались на месте и даже челюсть похоже, не сломана. Возле левого глаза всё жутко болело и видимо там скоро будет здоровенный фингал, а тело знобило, будто она только что вылезла из ледяной реки.

— Ну, что смотришь? — тихо спросила она, запахнув рубашку.

— Ничего, — Дьюк присел рядом. — Дай себе время, отдышись. Всё хорошо.

— Говорила же, нужно уходить, — усмехнулась она. — Но, теперь я точно ни о чём не жалею. Эту мразь нельзя было оставлять в живых.

Кларисса сидела и не шевелилась, просто смотрела в одну точку куда-то в стену, пока всё тело пробирала дрожь. Видит Малеон, она бы и продолжила сидеть тут до самого утра, если бы была одна. Время медленно ползло вперёд. К горлу подступали слёзы, а все мысли были только о том, что могло только что произойти. Для Палеонесской девы, изнасилование — это позор на всю жизнь. Ощущение беспомощности и безнадёжности она не забудет никогда.

Дьюк быстро сориентировался и закрыл дверь на ключ и скинул мёртвое тело за кровать. От следов битвы остались пятна крови на белой простыне, но в темноте их не особо было видно. Затем полез в сундук для одежды возле окна, откуда достал чистую рубаху, штаны, дорожный плащ и протянул Клариссе. Она от удивления чуть было не раскрыла рот. Кто-то оставил в этой комнате не тронутую запасную форму Палеонесской девы. Похоже, часть комнат этого крыла использовались для отдыха охраны дворца, патрулирующего по замку и стоящего возле дверей. А она всегда думала, что девы ночевали в отдельных казармах на территории, но похоже, что нет.

— Переоденься, — попросил Дьюк.

— Спасибо.

Дважды уговаривать не пришлось. Кларисса взяла форму и, медленно встав, отправилась за ширму. Она сняла штаны, рваную рубаху и откинув в сторону, принялась переодеваться. Совсем не так она себе представляла тот долгожданный миг, когда впервые получит и наденет форму девы Палеонесса. Это должен был быть волнительный момент. Она бы часами стояла перед зеркалом и любовалась собой. Мама обязательно бы сказала, что ей идет. Эта форма и цвета всегда радовали глаз. Бело-голубое одеяние — символ мужества, чести и справедливости. Не хватало только серебряной маски в знак обета молчания. Но ей это точно теперь не понадобится.

Судя по звукам, Дьюк взял со стола бутылку вина и, откупорив, сделал пару глотков.

— Знаешь, этот праздник Вознесения ты точно запомнишь надолго, — грустно усмехнулась Кларисса, пытаясь в темноте найти рукава.

— И, правда.

Разговаривать приходилось полушёпотом, но кажется, в комнату никто и не собирался заходить. Кларисса не знала, что ещё сказать. От всего пережитого голова плохо соображала. Но, в тоже время хотелось просто выговориться.

— Ты когда-нибудь убивал до этого, Дьюк Альбер? — спросила она.

— Приходилось.

Кларисса поверила, судя по тому, насколько острый был его клинок. Мечи, которые

носят при себе как символ богатства, обычно вообще не затачивают. Это оружие предназначалось для самозащиты. Кларисса вышла из-за ширмы, поправляя плащ. Форма была слегка великовата, но в целом сидела неплохо.

— Тебе идет, — полушёпотом похвалил Дьюк.

Он заметил, как она, в темноте, улыбнулась. И, собравшись с мыслями, сказала:

— Ладно. Нам пора.

— В конце коридора стоят два человека. И они пока ещё не ушли.

Хорошо, что у них в Гальраде так много блуждающих. В данной ситуации Кларисса бы променяла возможность различать ложь на способность чувствовать людей сквозь стены. Она уселась рядом на кровать и посмотрела на закрытую дверь. Всё же Веймар не был причастен к заточению и смерти мамы. Тогда кто? Её убили ядом, скорее всего, тихой водой. Но у мамы никогда не было с собой флакона, потому что приближённым при дворе, не относящимся к военному делу, их попросту не выдавали. Каждый флакон тихой воды был на строгом счету, как и любое другое снаряжение. Тут дар предвестника едва ли поможет выяснить правду. Истины, она, скорее всего, вообще не узнает никогда. Посмотрев, как изящно парень смакует королевское вино, Кларисса потребовала:

— Отдай-ка это мне.

Она выхватила у парня бутылку и хорошенько приложилась. Голова жутко болела и не соображала. Что будет дальше представить сложно. Вероятнее всего, они выйдут из комнаты и их либо обнаружит дева Арвелия, либо кто-то из девушек её позовет. Далеко уйти врят ли удастся. Драться Кларисса сейчас не способна, а рассчитывать, что парень раскидает всех вооружённых девиц культа было глупо. Лучше сидеть в этой комнатке с ним до утра, запертой на ключ и понадеяться на благословение судьбы. Может все напьются и про них вообще забудут?

— Ты говорила, что не одна из этих людей, — напомнил Дьюк. — Тогда, почему ты здесь?

— Это долгая история, — ответила Кларисса. — Лучше расскажи что-нибудь, а я послушаю.

— Что, например?

— Не знаю. Расскажи про свою жизнь в Гальраде.

Клариссе не хотелось рассказывать, как до всего этого дошло. История и правда была бы долгая. Да и потом, чем меньше парень знает, тем лучше. Вдруг его будут допрашивать свои же, а он возьмёт и скажет, кто убил принца Освальда. Тогда ей точно не позавидуешь.

Дьюк на секунду задумался и вздохнув, начал рассказывать:

— Как-то вечером Камилла проголодалась, и я решил составить компанию. Мы спустились в главный зал. Была зима и темнело рано, поэтому пришлось зажечь пару свечей на столе. Считай, романтический ужин в полумраке. Камилла давно уже хотела устроить что-то такое, но то была занята, то я пропадал в ордене. Романтический ужин состоялся ещё и по той причине, что совсем некому опустить люстру и зажечь свечи на потолке, чтобы всё было как у нормальных лордов, в нормальных замках. Последнее время у нас всегда так. Экономия во всём, хотя деньги вроде водятся. Но, когда мы находим время поужинать вдвоем, поговорить о всякой ерунде, я по-настоящему понимаю, что там моё место. Ещё в детстве она была мне обещана. Наши пути разошлись на какое-то время, но затем сошлись вновь. Это было странное стечение обстоятельств, но в детстве мы были не разлей вода. И тоже самое сейчас.

— Значит, не смотря на договорной брак, вы любите друг друга? — изумилась Кларисса. — Это большое везение. Я слышала, у вас в Гальраде много договорных браков.

— Да, часто встречаются, — подтвердил Дьюк. — Но, я думаю, всё случилось так, как должно было быть. Видела когда-нибудь стаю волков? Волк не выживает один. Он выбирает волчицу, которой предан до самой смерти. Вместе они охотятся, следят за волчатами, передвигаются в стае. И умирают вместе. Естественное и неизменное течение жизни. Не знаю почему, но такая жизнь всегда казалась мне правильной. В ней присутствует какая-то высшая ценность.

Кларисса ещё раз отпила из бутылки, почувствовав последние капли. Похоже, в правильной компании алкоголь имел свойство быстро заканчиваться. Забавно, но раньше она не притрагивалась к чему-то, кроме лёгкого пива, которое повсеместно пили все в поселении. Всегда была эдакой хорошей, правильной девочкой. Ей даже вкус крепкого алкоголя был противен. А теперь она собиралась в незнакомое государство, одна, нарушив все законы своей родины.

Про Гальрад она знала только то, что люди с военным образованием там всегда востребованы. И пока в роскошных замках правителям подают запеченное мясо, лучшее вино и деликатесы, в землях северной провинции простым жителям нечего есть. Они зависят от урожайности и своих вассалов, у которых нет никаких законных ограничений. А даже если бы и были, безграмотный люд всё равно не знает своих прав и не умеет читать и писать. А охотники за головами из Беренгарского союза безнаказанно крадут бездомных Гальрадских детей, увозят за высокие горы и делают рабами своих знатных господ. Беззаконие можно встретить в любом уголке государства. Торговые караваны нанимают блуждающих для безопасного прохода к столице, а простой люд платит золотом вольным наемникам, для убийства неугодных и нарушителей закона. Вот почему Гальрад победил бы Палеонесс, случись внезапно военно-политический конфликт. Но, крепкая дружба между Освальдом Альберти и Норбертом Рокстерли на века укрепила союз между государствами.

— Знаешь, с тобой легко общаться, — внезапно призналась Кларисса. — У меня даже ощущение, будто мы давно знакомы. Не находишь? Думаю, твоей будущей супруге очень повезло.

— Сочту за комплимент.

— Это он и есть, — улыбнулась Кларисса.

Он выхватил у неё бутылку и с удивлением увидел, что там ничего не осталось. Положив её на пол, Дьюк сказал:

— Ну, теперь твоя очередь.

— Ничего интересного. Детство, школа, Академия и вот я уже сама по себе. Сейчас кажется, время пролетело очень быстро, будто целая жизнь. Планов было много, а теперь всё безвозвратно утеряно. Да и за это время была только мама, которая вложила в меня все силы, один отвергнутый мальчик со школы и одна лучшая подруга. А сейчас совсем никого. Мы ещё не выбрались отсюда, а мне уже страшно представить, каково будет жить одной в другом государстве без крыши над головой, друзей, и денег. Думаю, долго я не протяну.

— Про мальчика я уже знаю, — напомнил Дьюк. — Которого Эдрик звали. А что насчет подруги?

— Наши пути разошлись. Навсегда. Я сделала кое-что, чего она не сможет простить.

— Что сделала?

Кларисса говорила, стараясь обходить тему вокруг, да около, но алкоголь слегка

развязывал язык. А тут ещё и разум отошёл от пережитого шока и пришла блаженная лёгкость и слабость. Отвечать было не обязательно, но Кларисса решилась:

— Я убила её отца.

Дьюк некоторое время ничего не говорил. Размышлял над услышанным.

— Я думал у вас принято вызывать убийцу родственников на кровный поединок через суд.

— Это старая традиция. Но речь идет о не совсем обычном человеке, — уклончиво подтвердила Кларисса. — Если бывшая подруга узнает, что я убийца и меня найдут, останется надеяться, что смерть не будет слишком мучительной. Я, конечно, не ищу прощения, но смерти не ищу тоже. Да и кровные поединки большая редкость. Последний раз это было семьдесят два года назад между Безотрадной девой Люсией и... не помню. В общем она убила брата соперницы и победила в поединке и... Прости, тебе ведь это совсем не интересно.

Кларисса притормозила, понимая, что её понесло куда-то не туда.

— Не особо.

— Да уж, и правда дева-зануда... — прошептала она.

Но парень, как назло, расслышал.

— Твоё прозвище?

— Нет, так просто. Вспомнила былое.

Где-то внутри от приятных воспоминаний затрепетало сердце. Пожалуй, дни в Академии всё же самые лучшие в её жизни. А теперь единственное прозвище, которое она может заслужить — дева принце-убийца. Впрочем, звучит грозно.

— А, не совсем обычный человек, которого ты убила — должно быть, принц Освальд? — внезапно догадался парень.

Кларисса обомлела.

— Как ты узнал?

— Был внимательным, только и всего.

— Но ведь...

— Кажется, они ушли, — бесцеремонно перебил он, вставая с кровати. — Коридор пуст, поэтому хватит тут рассиживаться. Пора взять судьбу в свои руки.

Не дожидаясь ответа, Дьюк тихо повернул ключ, открыл дверь и выглянул убедиться в собственной правоте. Затем жестом позвал за собой. Кларисса вспомнила, как Авилина так же смело вела вперёд, в комнату Академии, где спрятала вино. Тогда чувство опасности, и страх быть замеченными в тёмных каменных коридорах казались какой-то игрой. Отчисленными им быть не хотелось, но Кларисса чувствовала дух приключения. Это уже точно не похоже ни на какие игры, разве что игры со смертью. Чтобы не показаться совсем уж трусихой Кларисса нагнала парня и поравнялась с ним, идя медленно, но, верно.

В главном зале никого не было вообще. Но из большой комнаты, где восседали гости из Гальрада доносились громкие разговоры. Похоже, девушки нашли еду, накрыли стол и уселись отмечать победу. Похоже, парню действительно везло. Они до сих пор ни на кого не натолкнулись и собираются уйти незамеченными.

Молча выйдя на улицу, Кларисса глубоко вдохнула полной грудью. Глоток тёплого летнего воздуха прочистил мысли в голове и слегка успокоил. Выход маячил прямо у них перед носом, впереди, в конце аллеи. Не сговариваясь, они двинулись вперёд. Ночью парк дворца выглядел загадочно и даже пугающе. За деревьями не проглядывалось и половина

территории, а большие факельные чаши, освещающие всё великолепие зажигать, разумеется, никто не стал. Вокруг царил мрак и была высока вероятность, что их никто и не заметит.

— Возле ворот в любом случае есть охрана, — сказала Кларисса. — Надо будет с ними как-то разобраться.

Парень собирался что-то ответить, но резко остановился, потому что где-то неподалёку зазвучал знакомый, спокойный голос:

— Уже собрались уходить?

Мариус Грайли сидел на скамье чуть поодаль от центрального выхода и загадочно смотрел в небо. А рядом с ним, из-за кустов появилась дева Арвеля, мгновенно положив руку на рукоять меча.

— Это что ещё значит? — она потребовала объяснений и сразу же предупредила. — Если решили сбежать я позову послушниц. И вас убьют.

— Всё в порядке, дева Арвеля, — неожиданно успокоил Мариус. — Это я разрешил им уйти.

Кларисса не успела вставить ни единого слова. Да и говорить тут было нечего. Если бы Мариус Грайли не ответил, она, скорее всего, либо промолчала, либо сказала какую-то невнятную, глупую ложь. Арвеля лишь бросила брезгливый взгляд на новую форму девы.

— Правда? — не поверила она. — Я думала Веймар против того, чтобы кто-то покидал дворец до утра. Они могут нас выдать.

— Мы не сошлись во мнениях, — подтвердил Мариус. — Но мне бы не хотелось, чтобы пострадал кто-то ещё. Мы тоже скоро покинем это место, не дожидаясь утра. Возьмём только двух-трёх самых доверенных тебе людей. Остальные не нужны. Мир сильно изменился за те годы, что я провёл во дворце. Я слышал, что Светоносная дева убила благословлённого, в Беренгарском союзе. Скоро и об этом слухи распространяться по всему континенту. Но, для нас с вами это предупреждение. Мир меняется и скоро всех благословлённых ждёт гибель...

— Гибель от кого? — спросил Дьюк.

— От вселенной. Возможно, я выразился не совсем точно, — пояснил Мариус. — Святой Малеон использовал знания, противоречащие законам мироздания. Мы с вами ошибка природы, а вселенная стремиться к равновесию. Так что будьте бдительны. Скоро нас начнёт становиться всё меньше и меньше. И все будут знать, что благословленного может убить кто угодно.

Кларисса приготовилась обнажить кинжалы, понимая, что живыми они могут не уйти. Арвеля стояла на расстоянии в пару шагов и могла легко среагировать, опередив нападение. Элемент неожиданности тут не сработает. Только если драться двое против одной. Но Арвеля легко может закричать и позвать на помощь, а если из дворца сбегутся все оставшиеся культисты, придётся бежать к выходу и надеяться на лучшее.

— Ты опоздал, Дьюк Альбер, — сказал Мариус. — Граница с севером будет открыта раньше, чем ты успеешь добраться домой. И моя сестра проберётся в Гальрад. Там мы с ней и встретимся.

— Почему ты так уверен?

— Об этом было пророчество. Королевский оракул редко ошибается. Нам суждено встретиться. Я почти всю жизнь просидел в темнице под дворцом и был заложником обстоятельств, — ответил Мариус. — И забыл, как красиво бывает небо ночью. Когда долго сидишь взаперти, начинаешь обращать внимание на простые, но такие прекрасные вещи.

— Моя мама тоже была заложником обстоятельств, — сказала Кларисса. — Но пожертвовала жизнью, чтобы ты был сейчас здесь.

Мариус вновь взглянул на небо и спокойно ответил:

— Не меня надо винить, а твоих врагов. Я находился в самой дальней камере и прекрасно видел, кто приходил к деве Талии в ту ночь, перед смертью. Могу рассказать, если хочешь.

Кларисса ощутила, как её пробирает изнутри. И правда, Мариуса вытащили из той же темницы под дворцом, где была мама, только из отдельной камеры в самом конце. Как она вообще могла упустить такую важную деталь?

— И кто же к ней приходил? — нетерпеливо спросила она.

— Принцесса Авила Альберти.

Глава 19. Узник собственных амбиций

Увидев экипаж императора, Камилла перешла на бег, благо, Авилина не отставала. Несколько воинов, охранявших карету, слезли с лошадей, а слуги открыли дверь кареты и подставили маленькую деревянную лестницу. Император неспешно вышел, кинув взгляд на гостей, нарушивших его планы. А следом из кареты показался и его внук, Харольд Уокден, равнодушный к отсутствию Амелии.

— Не успела уйти одна Рокберри, как пришла другая, — добродушно пожаловался император. — Но, вас я всегда рад видеть, леди Камилла.

Пока Авилина оставалась в сторонке, Камилла подошла и преклонив колена, поцеловала перстень на правой руке Его Величества. Когда в жизни главы государства происходило важное событие, будь то рождение ребёнка или свадьба, устраивался шикарный пир и съезжалась вся Гальрадская знать. И чтобы поцеловать этот перстень приходилось вставать в очередь чуть ли не от самой двери тронного зала. Во время таких очередей со стороны хорошо прослеживалось, кто при дворе был желанным гостем, а кого император видеть не очень-то хотел. И Камилле в этом доме были всегда рады.

— Что за спешка вас привела? — нетерпеливо спросил он.

— Простите, что прервала выезд на охоту, — сперва извинилась Камилла, склонив голову, затем представила гостью. — Ваше Величество, это принцесса Авилина Альберти, дочь Освальда Альберти и наследница престола Палеонесса. Мы пришли, чтобы просить Вас отступить с границ стылых земель.

— Поговорим наедине, — ответил император и отвел Камиллу в сторону.

Ходил он неторопливо, сказывалась старость и усталость. Глава государства вообще никуда не торопился. Охране, направившейся следом, он махнул рукой, чтобы остались на месте. Отойдя шагов на десять, он бросил любопытный взгляд на принцессу Авилину и спросил:

— И для чего мне это делать?

Тон, с которым был задан вопрос, Камилле уже не понравился. Ничего хорошего это не предвещало. Она не собиралась резко переходить к делу, планировалось представить принцессу в спокойной обстановке, поговорить о будничных делах и только потом о цели визита. Но император уезжал и выбора не было. Ей бы просто сказал кто-нибудь из ближайших советников, что, если дело не срочное, можно подождать и до вечера.

— Мы собираемся перебить североземцев, всех до единого, — ответила Камилла. — Палеонесс хочет отправить в стылые земли своих исследователей. Пока там живут враждебно настроенные племена, это невозможно.

Император с сомнение взглянул на принцессу Авилину. Хорошо ещё, что она молчала и от удивления не открыла рот. Хоть это и не обсуждалось, Камилла решила, что лучшего повода не найти. Можно попросить дать бой североземцам под предлогом нависшей угрозы, избавиться от них и в тоже время выполнить требования тех, кто взял Дьюка в плен. Если сказать всю правду, минимум, что Глава государства и его советники сделают — это ничего. Конфликт между Палеонессом и Гальрадом может возникнуть на почве раздора, но последним он был бы не выгоден.

— В прошлом вы сами настояли выставить посты и воинов на границе со стылой землей, — напомнил император. — Вы утверждали, что в замок Рокстерли проникли

шпионы и североземцы коварны и умны. Вы говорили новое нападение на северную провинцию может случиться в любую минуту. И что шпионы могут пробраться куда угодно. Это были ваши слова?

— Да, ваше величество.

— А теперь отношения с Палеонессом вам дороже безопасности Северной провинции? И людей которых там живут?

Камилла хотела сказать, что безопасности людей ничего не угрожает и Палеонесс важнее, но резко передумала. Всё же император подмечал, что она из народа и знает нужды простых людей. Как только Камилла вступила на должность, император требовал еженедельного отчёта, но спустя время, когда понял, что дела в центральной провинции не только не стоят на месте, но идут на лад, отчёты закончились. Камилла постепенно получила самое ценное — доверие. Но они не обсуждали вопросов, касающихся внешней политики Гальрада, для этого всегда были советники и старейшины. Она быстро поняла, что начинает теряться в этом разговоре.

— Д... нет. Конечно, нет, Ваше величество. Угроза будет нависать всегда, но сейчас появился повод избавиться от неё. Я подумала, разве не лучше покончить с североземцами раз и навсегда?

— Вы подумали... — император сказал так, будто думать ей запрещалось. — И явились с серьёзным предложением, леди Камилла. В этом радует только то, что вы наладили связь с Палеонессом, принцессой Авилиной и надеюсь, её семьей тоже. Я уже давно хотел дать вам поручение заняться этим вопросом, хоть внешняя политика и не ваша стезя. Торговые отношения с Палеонессом очень прибыльны и кому, как не Вам, регенту Рокстерли, налаживать с ними общение. Но, я не собираюсь разворачивать военную компанию на своей же территории. Если североземцы вторгнутся и начнут убивать, грабить, воровать, кто даст им отпор?

— Ордена, — тупо ответила Камилла.

— Ордена? У вашей сестры не хватит военной мощи, вам это известно. А пока орден Нефритовой зари и Альстеир дойдут до границы, североземцы успеют разграбить половину провинции. Вам не приходило это в голову? И, с чего вы вообще взяли, что североземцы вообще придут, даже если мы уберём людей с границы? Дозорные докладывают, что они уже очень много лет не показывались даже издали.

И правда, с чего? Тот парень в Алкории был так уверен, упомянул, что имеет связь со своими людьми в Гальраде и сразу обо всём узнает. Как же она могла упустить эту важную деталь? Среди приближённых императора есть предатель. Это может быть кто угодно. Но, прежде чем Камилла успела ответить, Харольд Уокден подошёл к ним поближе и предложил:

— Сделай, как просит леди Камилла. Если североземцы прорвутся и начнут вести себя агрессивно, она будет отвечать за свои ошибки перед высшим судом Гальрада.

— Здесь пока ещё я император, — напомнил Уокден старший.

— Потому и говорю. В Стылых землях могут остаться скрижали и храмы древних. Я с детства изучаю их культуру и язык, и мы можем...

— Ты опять об этом? Неугомонный, — перебил старший Уокден. — Тебе давно уже пора бы подумать о престолонаследии, а не о древних с их мутными пророчествами.

Камилла подметила, что он говорил так, будто Харольд второй на троне Гальрада — дело решённое. Амелию вообще никто не ставил в расчёт. Но, Камилла к таким разговорам

относилась очень осторожно и внимательно. Уж точно не собиралась спорить в открытую, просто сохраняла бдительность.

— Предложение и правда хорошее. Мы можем избавиться от угрозы со стороны севера. А с исследователями из Палеонесса отправятся наши, — продолжил Харольд. — Мы объединимся и узнаем тайны, над которыми веками ломают голову. Я давно размышлял о том, какие знания доступны североземцам, раз они смогли создать нирту. В Стылых землях наверняка есть подземные храмы древних, а это очень ценный источник информации. Тайна к этим знаниям вела Грейнора и Норберта Рокстерли очень долгое время. Они отправляли туда исследователей, но назад никто не вернулся. Представь, что бы мы могли, будь у нас в руках знания о том, как создавать этих Нирту. Да, и кто знает, может твоё правление войдет в историю, как императора, при котором тайны древних окончательно были раскрыты?

Уокдену младшему удалось найти подход к императору гораздо лучше, чем Камилле. Всё же они кровные родственники. Вот, только для чего ему это нужно? Многого парень, конечно, ещё не знает. Один исследователь вернулся и прямо сейчас находился в её свите. Только Дориан, бывавший на севере, ни о каких храмах древних и тайных знаниях не упоминал.

Отводить войска от границ куда-то далеко не обязательно, североземцы могут вообще не прийти, а территорию можно официально присоединить к Гальраду. Но, только она собралась что-то сказать, как Харольд её опередил:

— Но, всё это будет только с одним условием. В следующий раз вы привезёте сюда Амелию.

Император не спешил комментировать то, что услышал, лишь посмотрел на внука, ведя диалог, понятный только им двоим. Да и Камилла стояла, не зная, что сказать. При чём тут вообще Амелия?

— Когда будешь править, тогда и будешь решать, — возразил внуку император.

Забавно получалось: Камилла сама настояла охранять границы со стылыми землями, а теперь не могла добиться обратного. И без её участия один единственный проход среди гор в эти земли долгое время был без охраны, и никто со времен Северной смуты в Гальрад не вторгался. Так что она просто сделала всему государству небольшое одолжение. Но говорить об этом, конечно же, не стоило.

— Ваше Величество, вы можете убрать воинов с границы, но оставить их в Северной провинции, укрепиться, — поспешила добавить Камилла. — Вы правы, может североземцы придут, а может и не придут. Но, если они посмеют ступить на земли Гальрада, то умрут. Вы ничего не теряете. А мы сможем не только исследовать территорию Стылых земель, но и официально присоединить их к...

— Ладно, будь, по-вашему, — перебил император и жестом позвал старшего советника, сразу отдавая приказ. — Иди в канцелярию и скажи писарю, чтобы отправил письмо в орден Нефритовой зари. Пусть напишет, что я велю отозвать всех дозорных от границы со Стылой землёй и укрепиться на территории Северной провинции, неподалёку от границы.

— Слушаюсь, Ваше Величество.

Похоже, Камилла одна заметила, как советник ехидно ухмыльнулся, перед тем как поклониться и сразу же отправиться выполнять получение. Этот высокорослый мужчина с длинной бородой ей вообще никогда не нравился. Где его взяли и кто назначил на эту должность она не знала, но и не её ума это было дело.

— Я доверяю Вам, леди Камилла, — сказал император. — И согласен, что рано или

поздно всё же придется разобраться с угрозой в Стылых землях. Держите Ваш орден наготове. И не забудьте про Амелию. Харольд прав, Вам уже пора бы представить её ко двору.

— Слушаюсь, Ваше Величество, — сказала Камилла, одновременно поклонившись.

Теперь можно было выдохнуть. император дал добро, а что будет дальше, одному Малеону известно. Нужно будет сказать Божко, чтобы готовился к военным действиям. Интересно, как он на это отреагирует?

Император ушёл обратно к карете, по пути обратив внимание на принцессу и спросив, как поживают её достойные родители. Авила вела себя спокойно и сдержанно. Камилла хотела подойти проконтролировать, чтобы девушка не сболтнула лишнего, но молодой Харольд, оставшийся на месте, жестом предложил отойти чуть подальше.

— На пару слов, — коротко сказал он.

Камилла решила. Сказать по правде, сложно было понять этого Харольда второго, они очень мало общались за всё это время. Она даже не знала, что он с детства изучал культуру древних и тяготеет ко всем этим тайнам и храмам.

— Когда ожидать вас в следующий раз, леди Камилла? — осторожно спросил он.

— Я с большим удовольствием привезу Амелию, но меня пугает ваш излишний интерес, — прямо сказала Камилла, поняв, куда идет разговор. — Если вы хотите как-то навредить ей, чтобы избавиться от конкурента на престол, то...

— Я хочу видеть Амелию по иной причине и не стану вредить ей, клянусь — перебил Харольд. — Конкуренции не будет. Мне придется занять место деда, но только потому, что так велит долг. При всём уважении, совет врят ли захочет видеть на троне Амелию, а вашу сводную сестру, Сицилию, тем более. Вы наверняка считаете Гальрад наследием Рокстерли. Уверен, большинство людей во всех трёх провинциях считают так же. Но в совете старейшин с вами не согласились бы.

— Значит, вы займете титул просто ради долга? — не удержалась Камилла. — Очень благородно.

— Знаете, я могу спокойно жить, не обременяя себя ответственностью за государство. Тяжелое бремя легло на плечи моего деда. Это не для всех.

Камилла не умела ловить на лжи, как предвестник отчаяния, но интуицией чуяла обман. Харольд — человек со своими принципами, имеющий личные интересы и амбиции. Этот обычный на вид мальчик может запросто пойти по головам. В истории Гальрада бывали и более юные и глупые правители, которым престолонаследие передавалось по праву рода. Уотерсы — опасные враги, с которыми лучше дружить.

Император уже сел в карету, и все ожидали, когда же наконец Харольд соизволит прийти. Парень и сам знал, что заставлять ждать императора долго не стоит. Пока ещё было время, Камилла решила спросить прямо:

— Зачем вам Амелия?

— Я хочу познакомиться, только и всего, — просто ответил он. — Может, я хочу жениться? И потом, Амелия владеет частью прав на орден Святой Вианоры. Место, где хранятся все самые сокровенные тайны мира. Норберт и Грейвор Рокстерли надёжно скрывали его от всех долгое время. Вы там когда-нибудь бывали?

— Пока не доводилось.

Вот, что ему нужно — орден Святой Вианоры? Да, так нужно, что он без раздумий помог Камилле и поставил условие, как только появилась возможность. Да, пусть забирает

этот несчастный орден, до которого самой Амелии нет никакого дела. И отказывается от своих прав на престол. Может, Харольд думает, что Камилла не имеет право решать, что делать с орденом? Хотя она спокойно распоряжается всем имуществом девочки, казной в замке, всеми документами на собственность и успела уже продать один из особняков Рокстерли вместе с землей за долги торговой гильдии. Правда с орденом всё не так однозначно. Альферия Альберти, Светоносная дева, полноправно заняла должность магистра и ведёт там все дела. Вот, уж, кому точно доступны все тайны этого мира.

Только Харольд постоянно спрашивал и беспокоился за Амелию, а не за орден. Слишком много беспокойства для такого дела.

— Я вам не верю, — ответила Камилла.

Она решила закончить этот неуместный диалог первой, но не успела и сделать шаг, как Харольд перегородил дорогу и вздохнув, промолвил:

— Я обязан лично сообщить Амелии кое-что очень важное. Если она вам и правда не безразлична, приведите её. Я знаю о Рокстерли то, чего вы не знаете. В одном из храмов древних есть предсказание о её рождении. И это может спасти ей жизнь. А теперь, до встречи, леди Камилла.

Сказав это, Харольд быстро удалился в карету и закрыл дверь, не давая возможности что-либо ответить. Камилла стояла, не зная, что и думать. Но, пока она стояла быстрым шагом успел вернуться Старший советник императора, подбежав к карете с добрыми вестями:

— Приказ заверен и отправлен, Ваше Величество.

Карета собиралась трогаться, но перед тем, как покинуть имение, Харольд старший вздохнул и удовлетворительно кивнул:

— Проводите леди Камиллу и принцессу Авилину до экипажа, — велен он из кареты.

Длинная вереница воинов, коней и кареты отправилась в путь к главным воротам. Старший советник поклонился, хоть император уже этого не видел и жестом пригласил на выход. Камилла с Авилиной молча последовали за ним по аллее. Авилина даже ничего не спросила, только молча смотрела в спину советника. Конечно, ей бы поскорее вернуться в родную Алкорию и дело с концом.

Камилла шла и повторяла про себя услышанное. Харольд знает что-то о Рокстерли, об Амелии есть предсказание в храме... Камилла всегда довольно скептически относилась к разного рода предсказаниям, храмам древних, пророчествам и всему подобному. Но, похоже, Харольд говорил очень серьёзно. Не шутил, это уж точно. Может, что-то в голову ему взбрело только лишь из-за увлечения культурой древних? Сказал бы тогда сразу, что древние написали имя Амелии где-то у себя на стене, вылепили статую и поклонялись ей, как Божеству. Только это уже совсем другая история...

— Мерзкий тип, да? — полушёпотом процедила сквозь зубы Авилина.

— Кто? — не поняла Камилла.

Принцесса кивком головы показала на впереди идущего Старшего советника императора. Не сказать, что он выглядел или вёл себя мерзко, поговаривали, что человек он скользкий и немногословный. Но Камилла особо об этом никогда даже не задумывалась.

Дойдя прямо до главных ворот, советник остановился и слегка поклонился в знак прощания.

— Было приятно вас видеть, леди Камилла, — отрапортовал он.

Принцесса Авилина, подошла ближе и неожиданно для всех, плюнула ему прямо в лицо.

— Меня от тебя тошнит! — выкрикнула она.

У Камиллы от такой выходки брови поползли вверх, но взяв себя в руки, она быстро прикрикнула на принцессу:

— Ты в своем уме? Что на тебя нашло?

Старший советник, стоило отдать должное, выдержал это спокойно. Молча достал из кармана дорожную ткань и аккуратно вытер лицо.

— Да, ты посмотри на его рожу, мерзкую, — продолжала верещать принцесса. — Он ещё и ухмыляется! Одолжи-ка мне свой меч, а то уже руки сами к нему тянутся.

Стражники у ворот начали присматриваться, обернувшись на источник шума. А принцесса Авила довольно резко и ловко схватилась за глифовый меч на поясе Камиллы, собираясь его обнажить. Управительница вцепилась в рукоять мёртвой хваткой, не давая этого сделать. Ещё не хватало, чтобы на земле Уокденов зазря пролилась кровь самого Старшего советника Императора. Камилла не понимала, что вообще происходит с принцессой и молила Малеона чтобы всё обошлось. За это неподобающее поведение она своё получит, но позже.

Не так уж крепко Камилле удалось ухватиться. Авила навалилась корпусом, взялась второй рукой за рукоять меча на поясе и с силой принялась тащить на себя. В глаза ударил яркий оранжевый свет. Сначала Камилла не поняла, откуда он исходит, но, когда клинок полностью обнажился, увидела ярко светящиеся глифы на лезвии в руках Авилы.

Нирту! Шпион североземцев, в обличии человека стоял прямо перед ними. Дьюк упоминал, что, когда враг находился рядом, глифовый меч словно живой, порождает сильную агрессию и желание пролить кровь. Работало это только на благословлённых. Слегка отступив назад, советник обнажил с пояса кинжал и резко кинулся на Камиллу, но Авила перегородила ему дорогу, закрыв собственным телом. Дальше всё случилось очень быстро. Кинжал воткнулся в плоть и на землю пролилась кровь.

Авила подалась вперёд и взмахнула глифовым мечом, проткнув тело Старшего советника прямо между рёбер. Он схватился за рану и повалился на землю, а затем начал извиваться, лёжа на земле. И через мгновение Камилла увидела уродливое тело с неестественно длинными руками и ногами, отдалённо похожее на человека. Стражники сбежались и в изумлении от увиденного, боялись приближаться.

Меч погас, а тело нирту больше не шевелилось. Враг умер, успев отдать приказ об отступлении с границ Стылых земель.

Глава 20. Правда у каждого своя

Забегаловка в порту, в которой Камилла оказалась уже второй раз за последнюю неделю, похоже, была одним из излюбленных мест Дориана. Сделав заказ, он ушёл искать корабль и договариваться об отправке в Алкорию Авилины, оставив своих бравых ребят присматривать за девушками. В таверне было пусто, так что Камилла и Авилина сели за маленький столик для двоих. Бойцы ордена Альстеир расположились поодаль, за двумя большими столами и хлебали дешёвое пойло, подозрительно поглядывая на всех проходящих мимо мужиков.

Авилина периодически держалась за плечо, куда пришёлся удар кинжала. Благо рана была неглубокой. Лекарь при дворе Уокденов быстро обработал её и облегчил боль. Они не разговаривали по пути в порт, а принцессу опять укачивало в дороге. Камилла и не думала, что так просто отпустит дочку принца Освальда Альберти. Мысли о том, чтобы рискнуть и держать её у себя до того, как Дьюк вернётся домой живым и здоровым не отпускали до самого последнего момента. Но не было в этом смысла и в глубине души Камилла знала, что принцесса — жертва обстоятельств, которой досталось больше всех остальных. Оставалось только уповать на чудо. И что с Дьюком всё хорошо.

Вот вернётся он домой, и Дориан как ни в чём не бывало скажет что-то вроде: «я же говорил». Иначе просто и быть не может.

— Знаешь, ты ведь, меня спасла, — напомнила Камилла. — Спасибо тебе.

— Сама себя не узнала, — призналась принцесса. — Так хотелось убить этого советника.

— Дьюк говорил, что глифы вызывают внутреннюю агрессию, которую непросто контролировать. Наверное, ты коснулась пальцами меча, когда шла рядом со мной.

— Ты про близкого человека, который остался в Палеонессе? — уточнила Авилина. — Он что, благословлённый?

— Да.

Им принесли заказ, дешёвое пиво, пару грубых ломтей хлеба, сыр и похлёбка. Авилина сразу же накинулась на еду, попутно успевая говорить:

— Я собираюсь поехать в одно из своих имений, написать оттуда маме. Она вернётся домой со своей охраной и отвоюет дворец, если будет нужно. Потом мы найдем твоего человека. Если он благословлённый, значит, всё будет хорошо.

— Его зовут Дьюк Альбер, — сказала Камилла. — Буду ждать любых вестей.

— Обязательно напишу. Нам ведь ещё придется общаться, если мы с Амелией соберёмся захватить власть на континенте.

— Сначала разберись с тем, что у тебя в доме произошло, — сказала Камилла.

Есть особо не хотелось. Разговор с императором и его внуком терзал душу до сих пор даже больше, чем убийство Нирту. Она ввязалась в какую-то политическую игру и взяла на себя ответственность. А от североземцев можно ожидать чего угодно. Благо ещё император не подумал, что Камилла хочет с помощью североземцев уничтожить род Рокберри, чтобы завладеть их родовым имением и землями, как полноправный член семьи. Несовершеннолетние дети Кай и Астория, конечно, прямые наследники, но история знала множество примеров, когда при подобных обстоятельствах эти самые наследники куда-то бесследно исчезали. И больше никто ничего о них не слышал.

— Я знаю, что произошло, — ответила Авила. — Культ вечных устроил резню во дворе и выпустил Мариуса Грайли из темницы. Думаю, это и была главная цель.

Тут уже Камилле стало любопытно:

— А кто такой этот Мариус Грайли?

— Человек, которого не должно существовать.

— В каком смысле?

Прежде чем ответить, принцесса поспешно прожевала ломоть хлеба, чуть не подавившись. Между прочим, платить за всё пришлось Камилле, хотя она практически ничего не съела. Но, не беда. В этой старой таверне цены на удивление гораздо ниже, чем в Саргосе.

— Орден Вианоры, основанный моим отцом и Норбертом Рокстерли существует как раз из-за этого Мариуса Грайли, его старшей сестры и брата. Сначала папа и отец Амелии создали его, чтобы просто исследовать тайны древних. Затем узнали, что трое Грайли, из древнего рода, существовавшего около четырехсот лет назад, до сих пор живы. Они умирают и рождаются вновь. В текстах древних по всему континенту неоднократно упоминается бессмертие и похоже, они смогли разгадать его секрет. За эти долгие годы вокруг Грайли как раз и сформировался целый культ. Цель культа — помочь всем троим встретиться и объединиться. Их последователи есть на всем континенте. Хотя в Гальраде их практически не осталось.

— И что будет, когда они объединятся? — полюбопытствовала Камилла.

— Вечные захватят власть и на континенте наступит хаос. Так гласит старое пророчество королевского Оракула. Ордену Вианоры был дан приказ изловить всех Грайли. Мариуса поймали ещё ребёнком, и он долгое время просидел в темнице. Но никаких тайн отцу так и не раскрыл. Вёл себя, как обычный мальчик из бедной семьи. Мы решили, что память о прошлых жизнях проявляется не сразу и стали ждать. Вот и дождались.

Камилла теперь поняла, как Североземцы и культ Вечных в Палеонессе связаны. Ей никак не приходило в голову то, что связь здесь самая простая — кровные узы.

— Значит, сестра этого Мариуса, которая сейчас в Стылых землях, убила моих родителей, — задумалась Камилла. — И маму Дьюка.

— Эстер Грайли убила твоих родителей? — удивилась Авила. — Но как?

— Во время северной смуты.

— Но, они же...

— Я не хочу об этом говорить, — перебила Камилла.

Авила посмотрела на управительницу с интересом, но не решила спрашивать. И продолжила уплетать хлеб с сыром. Про похлёбку она и вовсе забыла, видимо по душе не пришлась. Камилла и сама бы побоялась это есть.

К теме родителей она всегда относилась с осторожностью, особенно если дело касалось политики. Когда кто-то узнавал, что управительница Центральной провинции родилась в бедной семье без собственного дома и земли, сразу начинали по-другому вести разговор. И в данном случае информация могла бы дойти и до мамы Авилы. А ведь, император надеялся, что Камилла всё же наладит связь с Палеонессом и правящей династией. Вскоре на трон должна будет взойти дева Альферия, жена Освальда, а к ней нужно будет относиться с осторожностью. Слухов вокруг супруги принца Освальда ходило очень много и не все из них благоприятные.

— Самое смешное во всём этом то, что недавно в Алкории и за её пределами усилили

меры безопасности, — сказала Авилаина, отпив из своей кружки. — Отец не просто так лично дал это распоряжение. Девы ходили по округе, и ближайшим городам, собирали сведения о культе вечных, расспрашивали у местных, кто что знал или видел кого-то подозрительного. Докладов, прошений и обвинений было очень много и людей начали массово ловить, а потом разбираться. Пошли судебные процессы и тяжбы. И даже подруга, жившая со мной в одной комнате, упоминала, что схватили кого-то из её знакомых. Но, недавно отцу сообщили об обвинении в сговоре с культом дворцовой главы тайной канцелярии. Это сделал какой-то парень из Солнечных равнин, поселении возле города для богатеньких. Утверждал, что дева Талия уже давно была тайным сторонником культа Вечных. Обвинение очень серьёзное. За такое и самому можно угодить за решётку. Но у него были доказательства. И в ту ночь, когда это произошло, деву Талию посадили в темницу прямо во дворце, ожидая дальнейших приказов отца. А он решил дождаться меня.

Камиллу заинтересовала эта история. Похоже, эта была последняя встреча Авилаины и отца перед смертью.

— И что было дальше?

— Он повел меня в темницу, не сказав ни слова, — продолжила принцесса. — Когда я увидела там деву Талию, которую знала много лет и которая была преданна отцу, решила, что это какая-то ошибка. Но папа велел пыточному мастеру подготовить инструменты. Я осталась стоять у камеры. Наблюдать за пытками не хотелось, да и они запрещены в Палеонессе, но папа решил, что я должна это видеть и всё происходило, как должно. Сказал, что своих врагов нужно знать в лицо. И пока я стояла у камеры, дева Талия заговорила со мной. Сказала, что у неё есть дочь, моего возраста, которая учится в Военной Академии и тоже хочет стать девой. И если её схватят, то будут пытать и убьют, как и её. Я всегда знала, что она жила одна в этих Солнечных равнинах. Но знаешь, она говорила правду. Я чётко это увидела по глазам.

— И ты смотрела, как её пытали? — с интересом спросил Камилла.

— Нет. Я не знала, что думать и растерялась. А дева Талия воспользовалась этим, как-то дотянулась через решётку, схватила меня за волосы и сорвала с шеи кулон с ядом. Уже через мгновение она умерла. Клетку даже не успели открыть. Отец, конечно, был в ярости. Я подвела его и знала это. И, даже после всего продолжала говорить, что это ошибка и дева Талия, служившая у нас много лет, не могла быть заодно с культом. Он не слушал. А утром его убили.

Авилаина заметно загрустила, вспомнив про отца и последнюю ночь с ним и перестала есть. Если всё сказанное действительно так и было, она ещё и считала себя виноватой в случившемся дворцовом перевороте. Пойманного изменника можно было бы пытать прямо ночью, узнать имена остальных предателей во дворце и на утро уже всех изловить. Сложный выбор пал между совестью и жизнью врага. Впрочем, и выбора то у неё не было, пойманную женщину собирались пытать в любом случае. И пытки не были бы быстрыми. Это в Гальраде достаточно какой-нибудь заключённой девице увидеть оральную грушу и признаться во всём содеянном и не содеянном. А Палеонесские девы, по слухам, могут переносить многочисленные телесные мучения и их этому даже учат в Академии.

— Когда меня схватили культисты, я, наконец поняла, что ошибалась, — тихо сказала Авилаина. — Что всё это время его опасения были правдой.

— Как они вообще смогли убить принца? — спросила Камилла, желая узнать, что думает Авилаина. — Там же кругом должна быть охрана.

— Люди культа проникли во дворец уже давно. Не только дева Талия, но даже и человек, который учил меня владеть оружием был заодно с культом. И много кто среди послушниц и дев во дворце. Но убить отца мог только благословлённый. И я, кажется...

Она остановилась на полуслове, увидев быстро приближающегося от самого входа Дориана.

— Я нашёл нужный корабль, но он скоро отходит, — доложил он. — Нужно поторопиться.

Принцесса Авила молча встала, вздохнула и последовала за Дорианом. Камилла глотнула поданного пойла и почувствовала горьковатый, жуткий вкус. Поморщившись, она поспешила следом. Дориан заранее распорядился людям ордена оставаться в заведении. На корабле не должны были знать, что в Палеонесс плывёт принцесса из Алкори. Да, и одета она была как раз как подобает юной девушке из не очень богатого, но видного сословия. Подойдя к кораблю проводить Авилу, Камилла как раз кстати вспомнила:

— Когда разберёшься со всем и Дьюк вернётся домой, мы с Амелией хотели попросить тебя приехать и показать, где находится Орден Святой Вианоры. Недавно я узнала, что там находится человек, которого мы уже очень давно разыскиваем.

— Какой-то враг? — напряглась Авилу.

— Нет, родственник Дьюка. Отец его.

— Что ж, тогда обязательно, — пообещала Принцесса. — Как всё уляжется, сразу тебе напишу и приеду.

Авила как-то неловко обняла управительницу напоследок, и та не стала отстраняться. Всё-таки через некоторые препятствия им уже довелось пройти вместе. И самое важное было ещё впереди. Авилу могла стать сильным звеном в пользу Амелии перед советом старейшин и престолонаследием. Кто знает, как всё обернётся? Время идёт и нужно наращивать силы.

Камилла проводила глазами принцессу Авилу на борт и мысленно попросила Малеона доставить её домой в целости и сохранности.

Глава 21. Солнечные равнины

Дьюк привык думать, что всё обойдется и беды проходят стороной с тех пор, как узнал о благословлении. Даже Камилла это сразу заметила и предупредила, что к играм со смертью стоит относиться с осторожностью. Только Дьюк с детства считал себя человеком, которому уготована особая судьба. Величие. Вот и доигрался: попал в плен, чуть было не погиб, а теперь ещё и благословение работает таким образом, что кто угодно может убить кого угодно. Правила игры меняются на ходу. Их меняют люди, что пишут историю. Вот почему вселенная благоволит таким, как дева Альферия. Слова Мариуса Грайли заставили всерьез задуматься, пересмотреть кое-какие взгляды и впредь вести себя осторожней.

Одно можно сказать наверняка — смерть в плену, если бы она случилась, не была бы напрасна. Дьюк променял себя на Амелию и сделал бы это снова. Его личный долг защищать тех, кто дорог, пусть даже ценой собственной жизни. Камилла и Амелия прекрасно жили бы дальше и без него. Захватили бы власть, нашли бы достойных и благородных мужей, купались бы в золоте и серебре. Но, если бы в Алкории, не дай Малеон, убили бы Амелию... Камилла могла бы добиться и объявления войны и Гальрад с Палеонессом рассорить и много чего ещё несуразного сделать.

Но, всё обошлось, как всегда. Какой-нибудь мудрец сказал бы, что это жизненный урок и в следующий раз не нужно лезть на рожон. Такие враги, как Мариус Грайли и культ вечных очень опасны.

— Даже не верится, что мы выбрались, — радовалась Кларисса. — Скоро будешь дома, Дьюк Альбер.

— Жду не дождусь.

Похоже, она над чем-то всерьез задумалась, но не знала, как об этом сказать. Долгая история, собранная по кусочкам почти что сложилась в голове у Дьюка. Он понимал, что люди, захватившие дворец устроили дворцовый переворот, потому что Кларисса убила принца Освальда и выпустили какого-то парня из темницы дворца. А принцессу Авилину, близкую подругу девушки, пытали ради прихоти и отдали прибывшим гостям. Остаётся самое главное, то, что движет всей этой историей — мотивы. Целью культа была не нажива и не смена власти. За принцессу Авилину можно было бы выручить гору золота, а принц Освальд вряд был так негоден Палеонессу, что пришлось его убивать. Остаётся только Стылая земля... та самая единственная ниточка, которая никак не выходила из головы. Североземцы, вторгнувшиеся много лет назад в Северную провинцию и люди во дворце принца Освальда связаны друг с другом. Вот, что не даёт покоя.

— Слушай, я понимаю, что не имею право просить, но окажи одну услугу, — всё же решилась сказать Кларисса. — Прежде, чем сесть на корабль, прогуляйся со мной до дома, пожалуйста.

— Зачем? — спросил Дьюк.

— Хочу побывать там перед тем, как уплыть навсегда. И у мамы были небольшие накопления, надо бы их забрать. Хватит, хотя бы на первое время. Я же не смогу быстро устроиться на работу в Гальраде и сразу попросить заплатить за месяц вперёд. Придётся как-то выживать.

Дьюк, может, и не был против, но следовало поторопиться. Хотя Мариус Грайли был уверен, что торопиться уже некуда.

— Мне бы...

— Это здесь, недалеко, почти сразу за выходом из Алкории. А порт находится там, — перебила Кларисса, показывая рукой куда-то влево. — Моя мама каждый день ходила сюда из дома на работу. От торговой площади до порта рукой подать. Мы туда и обратно. И сразу на корабль, обещаю.

— Ну, хорошо, — согласился Дьюк. — Только туда и обратно.

Город масок и цветов был красив. Величественно возвышался, манил своими узенькими улочками, широкими площадями и красивыми аллеями со знаменитыми Палеонесскими розами разных сортов. Камилле бы тут очень понравилось. Город не обойти и за день. Хотя бы увидеть знаменитую торговую площадь, памятник семи последователям Святого Маледона, ратушу с колоколами и много чего ещё. Прогуляться бы с Камиллой вдвоём, без всякой суеты и спешки, а потом устроить романтический ужин прямо во дворце в шикарных огромных покоях. Но сейчас хотелось только домой, хорошенько вымыться, выпить, поесть и лечь спать.

— Ты, бывал до этого в Палеонессе? — спросила Кларисса, видя, как он любопытно озирается по сторонам.

— Нет, здесь я впервые.

— Значит, в гости к Освальду Альберти пригласили твою возлюбленную? Или ту девочку, что была с вами?

Дьюк усмехнулся. За всё это время она узнала о нём меньше, чем он о ней и всех этих захватчиках.

— Я догадываюсь, почему ты спрашиваешь, — признался Дьюк.

— И почему же я спрашиваю?

— Раз я знаком с теми, кого пригласили во дворец, значит расскажу им всё, что знаю. И рано или поздно обо всём узнает принцесса Авила. Тебя будут искать. А это серьёзная проблема.

Кларисса лишь грустно вздохнула.

— Да уж, это проблема.

— Дай догадаюсь, ты хочешь вывести меня в лес и убить, чтобы я ничего не рассказал?

Кларисса устало посмотрела на него, пытаясь понять, насколько серьёзно он говорил.

— Не шути так, — ответила она. — Ты спас меня, а мне даже нечего дать в знак признательности. Конечно, глупо просить тебя молчать обо всём. Да, рано или поздно меня буду искать, и я этого не хочу. Но, в конце концов, если найдут, значит такова судьба. И я заслуживаю той жуткой, мучительной смерти, что мне уготована.

— Может принц Освальд и не был хорошим правителем, но уверен, у тебя были благородные мотивы.

Они вышли за главные ворота и пересекли черту города, за которой протоптанная мощеная дорога вела в лес. Чем-то это место напоминало центральный вход в Саргос, но народу вокруг ходило гораздо больше. Городские ворота пересекали многочисленные тележки, путники с обозами, семьи с детьми, идущие с прогулки. Когда-то Дьюк думал, что на всём континенте лучше столицы Гальрада города не сыскать. И, конечно, есть места прекраснее. Оживлённая Алкория манила своей красотой и разнообразием, но этот город был чужим.

— Принц Освальд убил моих родителей, а женщину, которая воспитывала меня с младенчества, пленил и собирался пытать, — призналась Кларисса.

— Я не спрашивал, — напомнил Дьюк. — Но спасибо, что поделилась.

— Не хочется, чтобы ты думал, будто я инструмент культивистов, который помог совершить дворцовый переворот.

— Не важно, что я думаю, — ответил он. — Отправляйся в Гальрад, примкни к какой-нибудь бродячей общине или осядь в коммуне в глухих лесах Западной провинции. И не вздумай примкнуть к одному из военных орденов. Там будут искать прежде всего, учитывая твои навыки. Сойдя в порту купи неприметную одежду, обязательно дорожный плащ, с капюшоном. Подстригись очень коротко, смени имя и никому не говори откуда ты и какими дарами владеешь. Большая часть леса в Гальраде принадлежит лордам и богачам, ступать на их земли без разрешения нельзя, ходи только по дорогам и трактам. Где-то, да приживёшься. Государство у нас большое. Если будешь осторожна и внимательна, тебя не найдут.

— Ого, — восторженно ухмыльнулась Кларисса. — Подожди, я всё запишу.

— Смотрю, ты не унываешь, — заметил Дьюк.

— Да. Беру пример с тебя.

Лес возле города был красив. Старые высокие сосны величественно возвышались над головами, закрывая от солнца широкую протоптанную дорогу, по которой свободно перемещались обозы и конные всадники. Пышная густая трава и цветы росли сразу за каменным мостом, примыкающим к городским воротам. Вперёд вела протоптанная широкая дорога. Когда-то Дьюк путешествовал с общиной, потому что не было иного выбора, но дух приключений звал до сих пор. Скитаться по незнакомым местам, ночевать под открытым небом, заходить в понравившиеся таверны и магазины, общаться с незнакомыми интересными людьми. В этом есть что-то особенное. Одному так путешествовать в Гальраде было бы трудно, лучше и правда где-то осесть.

По дороге встречалось множество людей, что говорило о больших поселениях где-то неподалёку. И пока Дьюк любовался видами и размышлял, какой зверь водился в этих лесах, откуда-то из кустов совершенно неожиданно выпрыгнул потрёпанного вида мальчик и подбежал к нему с небольшой корзинкой ягод.

— Дброе утро, купите ягод, великлепный господин?

Мальчик лет двенадцати говорил быстро и весьма скомкано, но сразу же дал понять, что нужно, держа ягоды перед собой. Он был одет довольно прилично, хоть одежда выглядела старой и слегка потрёпанной. При этом улыбался во весь рот и от того выглядел слегка глуповато. Дьюк улыбнулся в ответ, не зная, что и сказать на такое предложение. А Кларисса, уперев руки в бока, строго спросила:

— Ты чего это прохлаждаешься, вместо школы? Тебя родители опять не бросят искать, как в прошлый раз?

— Нет, всё в порядке, — ответил мальчишка. — Я приношу им пользу, зарабатываю деньги. Хотите ягод? Всего тридцать серебряников.

— Нет, не хотим, — отрезала Кларисса. — Это грабёж.

Быстро сообразив, что Дьюк особо не хочет разговаривать, мальчик решил поговорить с Клариссой:

— А кто твой друг?

— Тебе какое дело? Лучше шуруй-ка домой.

— Ладно, я побежал.

Мальчик скрылся почти так же быстро, как и появился, а Кларисса ничего не стала говорить, только молча улыбнулась и покачала головой. Наверняка это был один из местных

ребят, а в небольших селениях все соседи друг друга хорошо знали. Дьюк увидел, как впереди открылся прекрасный вид на каменную арку, за которой стояло множество аккуратных двухэтажных домиков. Перед входом, в земле, торчала деревянная большая табличка.

— Солнечные равнины, — подойдя ближе, прочитал Дьюк.

— Да, здесь несколько поселений. Видишь, совсем недалеко от Алкории. Мой дом уже рядом.

Они пересекли арку, и Дьюк увидел, пожалуй, самую красивую деревню на континенте. Через небольшую речушку пролегал каменный мост. Дальше виднелись плотные скопления двухэтажных домов, преимущественно из белого кирпича с деревянными крышами, резными окнами и лестницами. Почти у каждого дома была небольшая территория для хранения телег, сельскохозяйственных инструментов, и выращивания культур. За домами виднелась ратуша, за которой открывался вид на высокие заснеженные горы. Возле многих домов стояли цветы и красивые растения. Поселение благоухало и процветало.

Пока они шли по дороге, Дьюк так залюбовался, что не сразу заметил, как Кларисса остановилась возле одного из домов.

— Мы пришли. Заходи давай.

Дьюк зашёл внутрь и увидел аккуратный прибранный дом. Кларисса оглядела собственный дом и с грустью вздохнула. Такое место и Дьюк бы на захотел покидать. Неплохое жилище, возле столицы, да ещё и большинство местных знаешь в лицо. Внутри было темновато, без света и Дьюк, особо не расхаживая, положил дорожную сумку и оружие на сундук возле входа. А Кларисса, присев за большой обеденный стол, ещё раз огляделась и сказала:

— Сейчас зажгу свечи. Пить хочешь?

— Очень, — признался Дьюк.

— Хорошо, сейчас что-нибудь...

В тишине и полутьме неожиданно скрипнула лестница, ведущая на второй этаж. Дьюк пригляделся и сразу увидел, как к ним медленно и осторожно спускается какой-то худой парень в простоватой одежде, с большим осадным арбалетом в руках.

— Кто ты и что забыл в моём доме? — резко спросила Кларисса.

Спустившись на середину лестницы, незнакомец остановился и спросил:

— Не узнаешь меня?

Кларисса вооружилась кинжалами и пригляделась. Но, судя по всему, не смогла понять кто перед ней стоит. В темноте было плохо видно лицо. Но голос явно принадлежал молодому парню. Почуввав неладное, Дьюк потянулся за мечем, но незнакомец предупредил:

— Стой на месте, если не хочешь умереть. С такого расстояния этот арбалет способен пробить крепкие латы и тело насквозь. И поверь, я не промахнусь.

— Ты явно вошёл не в тот дом, — сказала Кларисса.

Незнакомец ответил, не сходя с места:

— Хочу, чтобы ты знала перед смертью. Это я сообщил, что твоя мать прислуживает культу вечных.

— Эдрик?

Дьюк не видел лица Клариссы, но понял, что она узнала непрошенного гостя. И не просто так он оказался в доме именно сейчас. Тот мальчишка, который собирал ягоды, увидел Клариссу и узнав, что она возвращается домой. И сразу же побежал докладывать. Все

местные знают друг друга в лицо. Мальчик, может, злого умысла не держал, просто хотел подзаработать серебра. Дьюк в очередной раз начал корить себя за невнимательность. Он потерял бдительность и вовремя не догадался что к чему.

Имя непрошенного гостя, конечно же, было знакомым. Дьюк любил хорошие истории и память на имена у него была отличной. На деревянной лестнице стоял тот самый парень из детства Клариссы, который был в неё когда-то давно влюблён. Сын пекаря, кажется.

— Твой школьный друг? — уточнил Дьюк. — Ты ему что, списать не дала?

— Нет. Мы не только учились вместе, — ответил Эдрик. — Много лет назад, я признался в своих чувствах. Но мама Клариссы решила, что я недостойн, вот и всё.

— Поэтому ты о маме сообщил? — злобно спросила Кларисса. — Подлый ублюдок! Она же говорила с твоим отцом и всё решила.

Дьюк бы, конечно, не стал так разговаривать с человеком, который целился в него из арбалета. Надо бы как-то попросить её умерить пыл и разобраться во всём спокойно. Но, речь шла о матери, ради которой она убила принца Освальда. Что-то подсказывало, что разговорами всё дело не закончится.

— Да уж, поговорила, — ответил Эдрик. — Так поговорила, что её приспешники-культисты, с которыми она пришла в тот день, избили моего отца до полусмерти. Вечером того дня он умер.

Кларисса удивилась и это отчётливо было видно.

— Быть того не может, — ответила она.

Парень стоял на возвышении и не двигался, направив арбалет на свою цель. Глаза уже привыкли к темноте, и Дьюк получше разглядел незнакомца. На поясе небольшой кинжал, а в руках тяжелый осадный арбалет. Перезаряжать такой дело не быстрое. Поставить на пол, взвести тетиву двумя руками держась за ручки механизма, при этом придержать его ногой, наложить правильно стрелу на спусковой механизм. Такой использовали для дальнобойных сражений. Второго выстрела у парня не будет и важно, чтобы не было первого. Дом — закрытое пространство, в котором некуда бежать.

Этот Эдрик хотел, чтобы Кларисса знала правду. Может, он её ненавидел, но она не при чем. Мсть была свершена и можно разойтись мирно. Попытавшись взять дело в свои руки, Дьюк сказал:

— Послушай, мама Клариссы умерла. Её убили после того, как узнали о культе. Кровь за кровь — так у вас заведено? Ты отомстил, опусти арбале...

— Замолчи, это не твоё дело, — грубо перебил Эдрик.

Кларисса напряжённо стояла на месте и пристально смотрела на парня, с ненавистью сжимая кинжал в руках и тяжело дыша.

— Почему ты никому ничего не сказал? — спросила она.

Этот обвинительный тон только усугублял ситуацию. Дьюк понял, что надо пытаться брать ситуацию в свои руки, иначе будет беда. Парень стоял на лестнице, возвышаясь и заняв хорошую позицию. Он явно всё это продумал, кроме одного. Руки его едва заметно тряслись и похоже, раньше он из арбалета никогда не стрелял. Может, тренировался на мишенях где-то в лесу, но в живых людей — никогда. Бывалых воинов и даже стрелков видно издалека. Арбалет он держал правильно, но оружие весило не мало и долго удерживать большой вес в руках со временем становилось проблематично. Прицел сбивался, а выстрел мог оказаться не смертельным.

— Кому? — с вызовом ответил Эдрик вопросом на вопрос. — Твоя мать работала при

дворе Принца Освальда, кто бы стал её подозревать? За обвинения приближенных Его Величества можно самому угодить за решётку. А у меня никого не было, кроме отца и до конца дней провести в темнице я не хотел.

— Ты... ты не знаешь, что натворил Эдрик, — запинаясь, нервно сказала Кларисса. — Дьюк, если он выстрелит, обещаю, что убьешь его.

Дьюк конечно же кивнул. Врят ли Кларисса могла сказать что-то, чтобы парень опустил арбалет. Девушка начала заметно нервничать. Дьюк решил всё же попытать удачу ещё раз:

— Всё уже кончено, опусти арбалет. Нас двоих ты не убьешь. Зачем умирать напрасно? Просто уходи. Мы уедем из Палеонесса и больше никогда не встретимся.

Эдрик кинул на Дьюка небрежный взгляд.

— Я не верю тебе, чужеземец.

— Всё кончено, Эдрик, — подтвердила Кларисса. — Ты добился своего.

Он остался стоять на месте, обдумывая услышанное. Дьюк понадеялся, что у парня хватит смелости отступить и не делать глупостей. Но, Кларисса, увидев, что Эдрик никак не реагирует, дала волю ненависти и сорвалась на крик:

— Моя мать мертва! Что ещё ты хочешь?

— Чтобы и ты сдохла.

Только Дьюк подумал, что кричать точно не стоит, как Эдрик выстрелил прежде, чем кто-то успел сказать хоть слово. Клариссу мгновенно отбросило на пол. Дьюк до этого не видел, как мощно стреляет дальнобойный арбалет, но раз он мог издали пробить латы, то уж кости с такого расстояния точно раскрошит. Не теряя времени, он взял Клариссу за руку и помог аккуратно подняться. Арбалетный болт застрял чуть выше живота, прямо меж левых рёбер. Кларисса застонала, но, главное, была жива.

Воспользовавшись моментом, Эдрик тихо спустился с лестницы и собрался кинуться на улицу, но Дьюк быстро схватился за меч и обнажил.

Уж точно не воин был этот Эдрик. Иначе бы ещё до выстрела велел сложить всё оружие и кинуть куда подальше. Невысокий рост, конечно, был недостатком в открытом бою, а ещё в детстве Дьюка помыкали и иногда шутили над этим, особенно сравнивая с высокорослой Камиллой. Но в закрытом помещении короткий меч и низкий рост играли на руку. Эдрик понял, что убежать не удастся и обнажил поясной кинжал. С ножом против короткого меча в данной ситуации это выглядело, как смертный приговор.

Эдрик не желал нападать первым, попутно ища другие пути для отступления. Дьюк не стал долго ждать и быстрым движением совершил колющий удар, вытянув руку. Против опытного воина такое могло сработать и в обратную сторону. Тот, кто был ранен в бою мог перетерпеть боль и перехватить меч или руку, а потом воткнуть кинжал прямо в глотку. Но Эдрик вскрикнул от сильной боли и шока, давая Дьюку ещё немного времени. Второй аккуратный удар пришёлся в горло, снизу вверх. Острый клинок прорубил плоть без особых усилий. Хорошо, что в Ордене Дьюк взял за привычку периодически ухаживать за оружием. Меч всегда был острым.

Рывком вынув лезвие, он увидел, как Эдрик осел на пол и схватился обеими руками за горло, не в силах даже кричать. Жизнь покидала тело.

Отшвырнув ногой упавший на пол кинжал, Дьюк поспешил к Клариссе, которая к этому моменту сумела добраться до кровати в углу комнаты. Зажав рану в боку, девушка тяжело дышала. Короткий арбалетный болт едва выглядывал и кровь текла без остановки. Дьюк видел в ордене стрелы с четырехугольными наконечниками, которые застревают в теле и не

дают ране закрыться, видел и стрелы с ржавыми наконечниками, после попадания которых происходит заражение крови. Выбор стрелы имел для жизни большое значение.

— Плохо дело, — вздохнула Кларисса. — Он мёртв?

— Да я убил его. Зажми сильнее, кровь надо остановить. Где у вас лекарь?

Нужно спешить и найти того, кто мог бы помочь залатать рану и аккуратно вытащить арбалетный болт. Но Кларисса схватилась окровавленной рукой за плащ Дьюка и взмолилась:

— Не бросай меня.

— Что мне делать?

— Сундук под столом там...

Дьюк кинулся обратно, боковым зрением заметив, что горе-стрелок осел на пол и размяк, безмолвно смотря куда-то перед собой. Выдвинув тяжелый металлический сундук из-под стола Дьюк открыл крышку и присмотрелся. Внутри аккуратно лежали много колб и склянок с разными, жидкостями, какие-то высохшие травы и чистые тряпки. Не зная, за что взяться, Дьюк схватил ткань, перевязать рану. Достав из сумки кремень и лучину он зажег свечу и подошёл к Клариссе.

— Похоже, не увижу я Гальрад, — тяжело дыша, выговорила Кларисса. — А было бы здорово посмотреть его с тобой...

Она судорожно закашляла и прикрыла рот ладонью.

— Увидишь, — пообещал Дьюк.

Не нужно было присматриваться, чтобы заметить на её ладони кровь. В воздухе витал неприятный, едкий запах и Дьюк никак не мог понять, что это.

Кларисса осторожно легла на кровать, продолжая держаться за бок. Дьюк аккуратно приподнял рубаху и приложил чистую ткань, но кровь не останавливалась. Вытащить арбалетный болт было делом опасным. Это не тонкая стрела лука, которую можно аккуратно надломить без усилий и боли. Теперь он понял, что за едкий запах не давал покоя. Похоже, наконечник арбалетного болта был отравлен.

— В сундуке, там... желтый пузырёк... от боли.

Кларисса еле говорила и речь давалась ей с трудом. Дьюк взял свечу и быстро, насколько мог, подошёл к сундуку. Он услышал, как она снова начала кашлять и сплюнула кровь. В полумраке он кое-как нашёл маленькую колбочку с жёлтой крышкой среди множества других и схватив свечу, поспешил обратно к кровати, по пути откупоривая пузырёк. Рука Клариссы, зажимавшая ткань на ране, ослабла. Повисла на краю кровати, касаясь пальцами деревянного пола.

Кларисса не шевелилась, и Дьюк понял, что среди этой тишины перестал слышать её тяжёлое дыхание. Остался только огонь свечи, темнота и безмолвная тишина.

Глава 22. Снова Гальрад

На корабле Дьюк заплатил за отдельную каюту и большую часть пути просидел, забравшись в угол на кровать и сторожа свои вещи. От нечего делать он нашёл у кого купить выпивки, а затем взял тряпку и принялся чистить меч. Засохшая кровь не желала оттираться. Если бы меч был живой, то, наверное, ликовал бы от кровавого пира. Два раза за один вечер пускать кровь ему ещё не доводилось.

Дьюк думал о доме и сердце радостно трепетало. Но в голову то и дело лезли навязчивые мысли о прошедшей ночи. Жаль, что судьба одинаково беспощадна ко всем достойным и недостойным. Люди придумали много смертоносного оружия и даже дары используют в корыстных целях. Убить можно во имя чего угодно. Благородная цель или нет, она не всегда оправдывает средства.

Но людей губит не оружие, а их собственная глупость. Осуществление, как им кажется, некой высшей, благородной цели. Положить на кон собственную жизнь во имя мести или спасения. Только и всего.

В Гальсбурге Дьюку повезло. Довольно быстро нашёлся продовольственный обоз, в сторону Саргоса, да ещё и с собственным небольшим отрядом. Пожилой купец, которому Дьюк чем-то приглянулся, предложил место в старой повозке и даже денег брать не стал. А его внучка, почти ровесница Амелии, всю дорогу развлекала, рассказывая о жизни с дедом и торговле. Дьюк сказал, что едет в Саргос к родственникам, обучаться кузнечному ремеслу и на том расспросы закончились. Врать хорошим людям совсем не хотелось. Где-то в центре Саргоса он сошёл с повозки, всё же отсыпал внучке несколько монет на сладости, в тайне от деда и поплёлся домой.

Камилла сначала даже не поверила, увидев Дьюка, затем обняла и начала безудержно целовать. Тут же подскочила и Амелия и принялась обниматься. Закатили целый пир. Но Дьюк был не весел. Сказывалась усталость, дешёвый алкоголь и изрядно болевшая голова. Он заставил себя немного поесть, пока Камилла обеспокоенно пыталась узнать о состоянии здоровья. Дьюк уверил, что никаких пыток с ним не проводили, не избивали, а просто заперли в комнате и к утру вышвырнули вон. Конечно, можно было показать окровавленный меч и рассказать, как он вскрыл замок комнаты, где был заперт, а затем героически прорывался с боем. В духе любимых историй Дориана.

Когда слуги приготовили купальни, Дьюк сразу же удалился. А после водных процедур закрылся в спальне в донжоне, лёг на кровать и проспал почти до самого вечера. Прямо, как настоящий, потомственный лорд, который только и знает, что пировать, наесться, напиться, лечь спать, а все важные дела оставить на потом.

Проснувшись, Дьюк оделся и услышал приглушенные голоса из комнаты Амелии. Похоже, кто-то затеял серьёзную уборку. Вся одежда из сундуков и полок аккуратно лежала на кровати, ширма раздвинута. Кругом творился какой-то бардак. Амелия складывала одежду, а Камилла рылась в белье, пытаясь найти что-то стоящее.

— Мы решили разобрать вещи, — объяснила Камилла. — И найти что-то подходящее для выхода в свет.

— Померить для тебя пару платьев? — спросила Амелия, смотря взглядом, отказать которому было никак нельзя.

— Да, конечно.

Она взяла с кровати красивое голубое платье и юркнула за ширму. А Камилла, воспользовавшись случаем, положила руки на плечи Дьюка и страстно поцеловала в губы.

— Я очень переживала, — прошептала она и отстранившись, продолжила: — Пока тебя не было, мы выяснили, где может находиться твой отец.

Дьюк взглянул на Камиллу, и вся сонливость тут же пропала.

— И где же? — резко спросил он.

— В ордене Святой Вианоры. Это место держится в секрете, но путь туда знает принцесса Авилина. Надеюсь, она сдержит слово и вернётся.

Какой-то тайный орден, о котором он никогда и не слышал. Вполне вероятно, что отец может быть с ним связан. И значит, принцессу Авилину, которую променяли на Дьюка, отправили обратно в Палеонесс? Да, им там придётся долго наводить порядок. Всё вымывать, хоронить тела, искать виновных, проводить церемонию прощания и решать с престолонаследием в конце концов. Но, самое главное, что отец найдётся. Пора выяснить, что стоит за нападением североземцев на северную провинцию и почему отца разыскивает сестра Мариуса Грайли, рождённая на севере.

У Дьюка возникло множество вопросов в голове, но не успел он задать и один, как Амелия вышла и предстала в красивейшем голубом платье с орнаментами синих цветов и широкими рукавами. Платье хорошо подчёркивало фигуру и придавало девочке вид взрослой, благородной дамы. Видеть такое было не привычно. Она неспешно покрутилась, расставив руки в стороны и улыбаясь.

— Тебе очень хорошо в нём, — похвалил Дьюк. — И куда же ты собралась в таком наряде?

— На приём к императору. Вообще, это платье Лиры. От неё осталось много вещей, которые были мне велики. Но сейчас я подросла и теперь самый раз.

— Давай-ка примерим ещё раз вот это.

Камилла сунула в руки девочки платье оливковых тонов и отправила переодеваться за ширму. Дьюк устало вздохнул. В прошлом году они собрались и нашли место захоронения Лиры Рокстерли. Откопали и перезахоронили в родовом склепе в замке. Амелию, разумеется, с собой не брали. Ужасно тяжёлый был день. Да и оказалось, что земля принадлежала одному из свободных лордов, с которым пришлось договариваться.

— На приём к императору? — уточнил Дьюк, пока Амелия возилась за ширмой.

— Да, он велел привести Амелию. И Харольд Уокден похоже знает о ней что-то, чего мы не знаем. Он говорил о пророчестве, храмах древних и что имя Амелии было где-то написано четыреста лет назад. Всё это не шутки, — управительница устало вздохнула. — А если он ещё и жениться надумает, кто знает, что может произойти?

— А что может произойти?

Камилла сбавила тон до полусшёпота:

— Ничего хорошего. Я всё ещё рассчитываю, что Амелия сможет конкурировать за престол. А если Харольд взойдет на трон, брак уже невозможно будет разорвать. Это тебе не деревенская коммуна. Точнее, если Уокден захочет, то найдет способ. Отправит Амелию в изгнание куда-то подальше из Саргоса, где её ничего хорошего не ждёт. Таким образом решит проблему и с престолонаследием, и с женитьбой. Да и не очень хочется, чтобы Амелия была императрицей-консортом после того, как её отец правил Гальрадом четыре срока подряд. Нужно быть крайне осторожными и не...

Камилла замолкла, увидев, как Амелия выглянула из-за ширмы посмотреть, чем тут в её

отсутствие все заняты.

— Помоги, пожалуйста, с этим завязками на спине.

— Иду, дорогая.

Камилла зашла за ширму, а Дьюк в ожидании сел на застеленную кровать в ожидании. Время летит быстро. Скоро Амелия выйдет в свет и предстанет перед всеми лордами Гальрада. Что начнётся тогда? Дьюк мало понимал в политике, но Камилла уж точно не зря проявляла осторожность. Все эти политические игры действительно могут быть опасны. Но время идёт и Амелия взрослеет. Это даже видно по поведению. Неминуемо приближается пора решить, либо положить на кон всё и захватить власть, создать наследие, либо продолжать свою жизнь в замке и не во что ни впутываться. Похоже, Камилла и Амелия решили выбрать первое.

И пока управительница старательно шнуровала платье, из-за ширмы послышался голос Амелии:

— Ай, ты чего так туго затягиваешь? Я же говорила, надо позвать Рейнильду.

— Спину выпрями и постой молча.

Да, в этом мире могло меняться всё что угодно, даже благословление Маледона, дарующее защиту от смерти. Но споры Амелии с Камиллой оставались прежними. Через мгновение девочка вышла в тёмно-оливковом платье, с длинной шнуровкой на спине, широкими рукавами, подшитыми парчой, и изящно поклонилась Дьюку. Это платье ей подходило не меньше, чем первое и трудно было выбрать какое-то одно. Наверняка, у Лиры был огромный гардероб. Камилла встала рядом с Дьюком, задумчиво оценивая наряд.

— Ну, что скажешь? — спросила Амелия.

— Что я скажу? — Дьюк скрестил руки на груди и встал в суровую позу в попытке изобразить Камиллу. — Ты тут платья примеряешь и мечтаешь о чём-то, вместо того чтобы учебники читать? Чтобы, когда я вернулась, ты обложила этими своими книгами и сидела, училась. Ясно тебе или нет?

Улыбнувшись, Амелия упёрла руки в бока и шутливо посоветовала:

— Давай ещё скажи, что я буду лишена сладкого на неделю, если ослушаюсь. Это её любимое.

— Будешь лишена сладкого, на месяц, а не неделю! — взревел Дьюк. — Со мной шутки плохи. А если и дальше продолжишь перечить, встанешь у меня в угол.

— Это уже чересчур. Не будь таким строгим.

Дьюку рассказывали, как однажды Камилла решила поставить Амелию в угол, но та, как оказалось, с детства сильно этого не любила. Сопrotивлялась, спорила и даже выбежала из комнаты, бросившись наутёк. Камилла гонялась за ней по всему замку. Правда, чем всё закончилось история умалчивает до сих пор. И словно бы в отместку девочка решил нажаловаться:

— А пока тебя не было, Камилла напилась и кричала на всех. И принцессу запирала.

— Напилась и кричала? — переспросил Дьюк. — Миледи, кажется нам предстоит серьёзный разговор после ужина.

В ответ управительница наклонилась к нему поближе и прошептала на ухо:

— Буду ждать с нетерпением, милорд.

Страсть, томление и вожделение — столько всего в одной фразе. Амелия тем временем самостоятельно дотянулась до завязок на спине, издала смешок и ринулась за ширму. Похоже, помощь девочке больше была не нужна.

— Знаешь, я тут вспомнила, как мы ходили на фестиваль солнца, — призналась Камилла. — Одежды у меня в детстве было мало и для праздника родители попросили платье у соседей. У них дочка была чуть постарше меня, но примерно моего роста. Знаешь, то платье так хорошо подошло, что я долго кружилась и красовалась перед мамой. А потом пообещала себе, что, когда вырасту, куплю столько одежды, сколько захочу.

Дьюку даже в голову бы никогда не пришло, что родители Камиллы у кого-то брали вещи. Что ж, её мечта сбылась. Теперь понятно, куда пропала определенная часть бюджета из казны. Он сунул руку в карман штанов и почувствовал маленький флакончик, подарок Клариссы. Он уже и забыл, как называлось это зелье, но для чего оно было нужно, помнил прекрасно. Лучше у себя такое не хранить. Либо сразу применить, либо выбросить. А ещё лучше отдать Дориану. Вот, кто будет безмерно рад подарку. Любую девицу в трактире сможет незаметно подпоить и соблазнить так, что она побежит за ним на край света.

Фестиваль солнца... тот жаркий летний день на шумной ярмарке. Они гуляли, державшись за руки, смотрели на представление кукольного театра и бродячего цирка, не могли наговориться вдоволь. На Камилле было простенькое, платье с крупными красными цветочками. Дьюк тоже поделился воспоминаниями:

— Отец тогда мне дал немного денег, и я купил нам какую-то сладкую гадость. Потом очень хотелось пить, а серебра уже не осталось. Стояла страшная жара. Не помню, что мы ели, но это было так сладко...

— Засахаренные орехи, — подсказала Камилла. — Вот, что это было.

Прошло столько лет, а она до сих пор помнит? Хранит воспоминания, будто из другой жизни, где среди бедности, нищеты, тяжёлого труда на полях до ночи и строгих родителей было нечто прекрасное, от чего легко потерять голову. Влюблённость и великие планы на будущее. Хотя, Камилла наверняка не забыла о том, как Дьюк однажды случайно заехал ей палкой прямо в глаз. Только это уже совсем другая история.

Амелия вышла в своём привычном домашнем наряде и аккуратно положила примеренное платье на кровать.

— Пойдешь в оливковом, — решила Камилла. — Будешь выглядеть не слишком вызывающе и богато. То, что надо.

— Может, будет лучше в голубом? — засомневалась Амелия.

— Нет, оливковое лучше. И, пожалуйста позаботься о том, чтобы всё было убрано до того, как ты ляжешь спать. Попроси Рейнильду, помочь сложить вещи. А мы пошли ужинать.

Камилла взяла Дьюка под руку и ни слова не говоря увела прочь. Есть, конечно, хотелось, но больше хотелось покоя. Шумная компания и расспросы были бы сейчас совсем не к стати. И Дьюк не уверен, что готов был на них отвечать. Но Камилла, как назло, оказалась чуткой и забеспокоилась:

— Тебя что-то тревожит?

Она шла впереди по лестнице донжона и обернулась, правда, всего на мгновение. Идти вниз приходилось очень осторожно и неспеша, чтобы не оступиться и не покатиться как стог сена. Может даже к лучшему, что она не видела его лица.

— Всё думаю о наших врагах, — соврал Дьюк. — Об этом Грайли. И о том, что ты сказала про Амелию.

— Авилаина упоминала, что у этого парня есть сестра на севере. Думаю, она та самая, про которую говорил Дориан. Таинственная девушка с севера, наставшая отряд на северную провинцию.

— Сестра его? — задумался Дьюк.

— Да. Похоже, они перерождаются после смерти. Я не вдавалась в подробности, но звучит всё это странно.

Дьюк мысленно отметил про себя, что надо будет обязательно расспросить Дориана. Если та девушка не севере и вправду перерождается после смерти, как и её брат, то это объясняет, почему отец вообще мог её знать. Из стылых земель никто долгое время не показывался и считается, что там живут полудикари, культура которых особо не развита. Но, выходит, отец мог знать ту девушку в её предыдущей жизни. Может, она жила в Гальраде, и они знали друг друга? До того, как она умерла последний раз. Наверняка, так и есть.

— Ты вообще есть-то хочешь? — поинтересовалась Камилла.

— Немного. Но больше хочется покоя. Я составлю тебе компанию, ненадолго.

— Договорились.

Они пришли в замок, уселись за стол и Дьюк, неспеша поедая фрукты, слушал рассказ про принцессу Авилину и про то, что происходило здесь в его отсутствие. История получилась довольно долгая, ведь скучать с Камиллой тут явно никому не пришлось. Жаль бедную принцессу, на которую свалилось много боли и страданий практически в один момент. Эпоха правления Освальда Альберти и Норберта Рокстерли окончательно закончена. А смогут ли заполучать хоть какую-то власть их дети — Авилена и Амелия, покажет только время.

Когда в главном зале начали гасить свечи, Камилла и Дьюк решили, что пора идти спать. Да уж, управительница изрядно вымоталась за последние дни и наверняка, устала. А Дьюк, проспавший весь день не сможет сомкнуть глаз. Слуги не дождались и погасили свет в донжоне, поэтому обратно они поднимались в полной темноте, держась за руки. Зато в комнате Амелии горел свет. Камилла хотела зайти, но не решилась. Да и Дьюк, не отпуская руки, потащил её напрямик в спальню, где слуги уже навели порядок, зажгли свечи и расстелили постель. Пусть сегодня каждый делает, что хочет.

— Я всё равно хотела с тобой поговорить.

Камилла уселась на кровать и сняла заколки, распустив волосы. Такое начало разговора могло не предвещать ничего хорошего.

— Что-то случилось?

— Нет, всё хорошо. Но, пока тебя не было, у меня было время задуматься о нас с тобой. И о своём поведении... — Камилла неловко подняла взгляд, взглянув Дьюку в глаза. — Я должна извиниться. Я так виновата, что срываюсь на тебя и веду себя не так, как должно будущей жене. Кричу, огрызаюсь, спорю. Ты прости меня за это.

Наверняка Дьюк от удивления выглядел со стороны очень глупо. Может даже, как и в тот день, когда она впервые призналась ему в любви, будучи уже взрослой. Но, то, что было сейчас, на Камиллу явно не похоже. Конечно, может его тут все уже похоронили раньше времени и она решила, что, если Дьюк всё же вернётся, что-то в этой жизни поменять. И даже их отношениям с Амелией его отсутствие пошло на пользу.

— Ладно, извинения приняты, — ответил Дьюк.

Камилла некоторое время сидела и смотрела на него довольно непонятным взглядом.

— И все? Ты больше ничего не скажешь?

Дьюк понял, что промолчать будет худшим вариантом. Уж проще было сказать что-то не то и Камилла опять начнёт злиться. Иногда понять её бывает трудно. Поэтому он решил сделать свой ход и просто достал из кармана флакончик от Клариссы и положил на

тумбочку.

— Раз ты так считаешь, мы поговорим, но после того, как ты выпьешь это.

Камилла с интересом взяла в руки флакончик и пригляделась. Дьюк приготовился объяснять, для чего это зелье нужно, но управительница удивлённо вскинула брови и спросила сама:

— Слёзы Миранды? Где ты это взял? В Палеонессе?

— Да, — ответил Дьюк, стараясь придать голову непринуждённость. — Небольшая компенсация за неудобства.

— А вдруг это какой-нибудь яд? Мало ли что тебе там подсунили, даже если не из плохих побуждений, — Камилла поднесла флакон поближе к свече, и сама ответила. — Хотя, флакон плотно закупорен, ни разу не открывался. И знаки соответствуют и цвет какой и должен быть. Мне как-то один торговец из Палеонесса предлагал купить слёзы Миранды, я пожадничала и не взяла. Всё-таки он просил немало. На вид оно было точно такое же, но кто знает. А если я не буду это пить?

— Значит, отдам тому, кому нужнее.

Он и не знал, что Камилла разбиралась в зельях и умела читать знаки травника, которые наносили на флаконы специально, чтобы похожие зелья можно было различать. В ответ Камилла покачала головой и тяжело вздохнула.

— Что опять не так? — не понял Дьюк.

— Как же с тобой иногда скучно. Мог бы сказать, например, что заставишь меня?

— Ты хочешь, чтобы я тебя заставил?

— Нет, чтобы просто так сказал. Да, Дьюк, можешь проявить жёсткость хоть иногда?

Он за последний день убил двоих человек, воткнув им лезвие в плотку, спас от изнасилования девушку, узнал, кто убил принца в Палеонессе, спас Амелию от плена и вернулся домой невредимым. А мог уже умереть, если бы обстоятельства сложились чуть иначе. Куда уж ещё более жёстко? Может, родители Камиллы в детстве ей говорили, что когда она будет жить с Дьюком, придётся помалкивать, слушаться и терпеть? Если напьётся и будет орать, значит молчать, если скажет разделась и легла в постель, значит разделась и легла. А теперь она живет в огромном замке, где добрая половина жилья просто не используется, управляет целой провинцией и не знает, чем бы себя развлечь. А тут ещё и чувство вины, неуверенность в себе и Малеон знает, что ещё.

— Мне вот интересно, — Камилла посмотрела с упрёком. — Что ты будешь делать, когда я выпью? Спать завалишься?

— Не выпьешь — не узнаешь...

За дверью послышались чьи-то тихие шаги. Похоже, они не единственные, кто всё ещё бодрствовал. Камилла вздохнула и вышла в коридор, оставив флакон на столе. Дьюк тоже выглянул и увидел, как Амелия собралась куда-то в одной ночной рубашке. Камилла приняла недовольный вид, скрестив руки на груди:

— Опять не спиться?

— Это вам не спится, а не мне.

— Ну, мы по крайней мере, пытаемся, — шутливо оправдался Дьюк.

— Думаешь, я глухая? — упрекнула Амелия. — Мне порой прекрасно слышно, как вы там у себя... пытаетесь. И довольно хорошо, между прочим.

Дьюк усмехнулся от подобной прозорливости, а вот Камилла шутку не оценила:

— Ну-ка рот свой закрыла и давай иди спать.

— В туалет-то можно сходить?

Камилла вздохнула и ушла обратно в спальню ни говоря больше ни слова. Амелия пошла вниз по своим делам, а Дьюк остался на перепутье. Но свет факела с лестницы отчётливо дал понять, что к ним поднимался кто-то из слуг на третий этаж, что посреди ночи случалось крайне редко. Это была Рейнильда. Увидев Дьюка, она поклонилась и протянула плотно запечатанный конверт.

— Простите, господин Дьюк. Мне сказали это срочно. Для управительницы.

— Я передам.

— Доброй ночи.

Служанка поклонилась и ушла. Амелия заинтересованно выглянула с лестницы, но затем решила ничего не спрашивать и пойти с Рейнильдой, чтобы не спускаться в полной темноте.

Когда Дьюк вернулся в спальню, Камилла уже скинула платье, погасила свечи и сидела в ночной длинной рубахе с красивыми кружевами. И загадочно смотрела на него. Дьюк почему-то вспомнил, что, когда плыл на корабле, упрекнул себя в том, что так и не начал обучать Амелию владению мечом. Неплохо бы исправить это в ближайшие дни, тем более, она сама его очень просила. И может, однажды это спасёт ей жизнь.

— Срочное послание лично для тебя.

Камилла взяла конверт и присмотрелась, прежде чем вскрыть. И пока Дьюк снимал штаны и рубаху, вытащила письмо, поднесла к окну и некоторое время вглядывалась в содержимое. Дьюку стало любопытно, и он подошёл поближе. Письмо содержало всего пару строк и кажется, написано было в спешке.

— Это от Астории Рокберри, — сказала Камилла. — Дочка моей сводной сестры. Девочка пишет, что североземцы вторглись в провинцию и просит забрать её с братом. Ей страшно.

— Североземцы вторглись в северную провинцию? — уточнил Дьюк. — Значит и нам нужно быть наготове.

— Верно, но это мы решим уже завтра. И что-то здесь жарковато, я, пожалуй, разденусь, — Камилла скинула с себя нижнюю рубаху и накрылась одеялом. — А вы собираетесь в постель, милорд?

Дьюк лёг под одеяло и задумчиво посмотрел в потолок. Завтра наступит новый день, а вместе с ним новые заботы. Борьба Амелии за престол, Мариус Грайли со своей сестрой, поиски отца из тайного ордена. Пусть так, но всё это завтра. Дьюк взглянул на тумбочку и с удивлением обнаружил, что флакончик от зелья лежал откупоренный и полупустой. Похоже, сегодня кому-то предстояла незабываемая ночь.

Больше книг на сайте - Knigoed.net